

РЭЙ БРАДБЕРИ

В МГНОВЕНЬЕ ОКА

ЭКСМО

RAY BRADBURY

Quicker than the eye

РЭЙ БРАДБЕРИ

В МГНОВЕНЬЕ ОКА

Москва

ЭКСМО

Санкт-Петербург

Издательство
Домино

2004

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б87

Copyright © 1996 by Ray Bradbury
Перевод с английского Елены Петровой
Оформление Сергея Шикина

Брэдбери Р.
Б87 В мгновенье ока.—М.: Изд-во Эксмо;
СПб.: Изд-во Домино, 2004.— 384 с.

ISBN 5-699-08146-1

Впервые на русском! Новый сборник Брэдбери после десятилетнего перерыва! Великий мастер, зачаровавший миллионы читателей во всем мире, доказывает, что Муза не изменила ему и на восьмом десятке лет, с блеском демонстрируя весь свой творческий диапазон — от теплой человечности, сентиментальности в лучшем смысле этого слова до густо замешанной на черном юморе трагикомедии.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 5-699-08146-1

© Перевод, примечания.
Е. Петрова, 2004
© ООО «Издательство
«Эксмо», 2004
© ООО «Издательство
«Домино», 2004
© Оформление.
ООО «Издательство
«Домино», 2004

*Донну Олбрайту,
моему «золотому ретриверу»,
с любовью*

ДОКТОР С ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

3

тот невероятный случай произошел во время моего третьего визита к психоаналитику-иностраницу по имени Густав фон Зайфертиц.

Еще до того, как прогремел тот загадочный взрыв, мне следовало бы обо всем догадаться.

Недаром психиатр носил странное, вернее сказать иностранное, имя, как, кстати, исполнитель роли верховного жреца в кинокартине 1935 года «Она» — высокий, поджарый красавец со зловещим, конечно же орлиным профилем.

В фильме «Она» этот великолепный злодей шевелил костлявыми пальцами, извергал проклятия, вызывал желто-зеленое пламя, лишал жизни рабов и насыпал на мир землетрясения.

После этого, уже «на свободе», он разъезжал в трамвае по Голливудскому бульвару, не-

возмутимый, словно мумия, и безмолвный, как одинокий телеграфный столб.

О чём это я? Ах, да!

Для меня это был *третий* сеанс. В то утро психиатр позвонил мне сам и завопил:

— Дуглас, черт тебя дери, сукин сын, ты собираешься на кушетку или нет?

Имелось в виду не что иное, как ложе позора и унижения, на котором я корчился от предполагаемого комплекса еврейской вины и северо-баптистского стресса, тогда как психоаналитик время от времени бормотал себе под нос: «Махровый бред!», или «Идиотизм!», или «Убить тебя мало!».

Как видите, Густав фон Зайфертиц был весьма необычным специалистом по *минным полям*. По минным полям? Да-да. Твои проблемы — это минные поля у тебя в голове. *Шагай* по ним вперед! Военно-шоковая терапия, как он сам однажды выразился, с трудом подбирая слова.

— Блицкриг? — подсказал я.

— *Ja!* — отозвался он с акульей ухмылкой.— Точно!

Итак, я в третий раз посетил его своеобразный, обитый металлом кабинет с окружной дверью, запирающейся на немыслимую систему замков. Я брел, пошатываясь, над темной пучиной и вдруг почувствовал, как доктор окаменел у меня за спиной. Словно в предсмертной судороге, он втянул в себя воздух и тут же выдох-

нул его с таким воплем, от которого у меня волосы поседели и встали дыбом:

— Погружение! Погружение!

Я погрузился.

Опасаясь, что кабинет вот-вот столкнется с гигантским айсбергом, я скатился на пол, чтобы в случае чего забиться под кушетку на львиных лапах.

— Погружение! — выкрикнул старикан.

— Погружение? — шепотом переспросил я, глядя снизу вверх.

И увидел, как надо мной поднимается, исчезая в потолке, перископ субмарины, поблескивающий надраенной медью.

Густав фон Зайфертиц словно не видел ни меня, ни потертой кожаной кушетки, ни исчезнувшего медного агрегата. Совершенно хладнокровно, как Конрад Вейдт в «Касабланке» или Эрих фон Штройхайм, дворецкий в «Сансет-бульваре»... он...

...закурил сигарету, и в воздухе зазмеились каллиграфические письмена (его инициалы?).

— Итак, ты сказал?.. — произнес он.

— Нет, — возразил я с пола, — это вы сказали. Погружение?

— Я такого не говорил, — фыркнул он.

— Извините, но вы ясно сказали: погружение!

— Не может быть. — Изо рта у него снова вырвалась пара затейливых струек дыма. — У те-

бя галлюцинации. Почему ты уставился в потолок?

— Да потому,— ответил я,— что в потолке пробит люк, если, конечно, это не очередная галлюцинация, а за ним спрятан девятифутовый медный перископ немецкой фирмы «Лейка»!

— Послушать только, что несет этот юнец,— прощедил фон Зайфертиц, обращаясь к своему альтер-эго, которое неизменно присутствовало на его сеансах в качестве третьего участника. Как только доктор переставал обливать меня презрением, он принимался бросать ремарки себе самому.— Сколько порций мартини ты влил в себя за обедом?

— А вот этого не надо, фон Зайфертиц. Я пока еще не путаю сексуальные фантазии с перископом. Ровно минуту назад потолок заглотил длинную медную трубку, верно?!

Фон Зайфертиц взглянул на свои огромные часы весом с фунт, понял, что обязан уделить мне еще полчаса, со вздохом бросил сигарету на пол и затоптал начищенным ботинком, а потом щелкнул каблуками.

Вам доводилось слышать звук мяча, отбиваемого настоящим профи, таким, например, как Джек Никлаус? *Бамм!* Ручная граната!

Именно такой звук издали штиблеты моего германского друга, когда он щелкнул каблуками в знак приветствия.

Кр-р-рак!

— Густав Маннергейм Аушлиц фон Зайфертиц, барон Вольдштайн, к вашим услугам! — Он понизил голос.— *Underdersea*-лодка...

Я думал, он скажет «Doktor». Но нет:

— *Underdersea*-лодка; командир.

Собрав последние силы, я поднялся с пола.

Еще раз *Kr-p-rak!* — и...

Перископ как ни в чем не бывало заскользил с потолка вниз; такой безупречной фрейдистской сигары я не видел ни до, ни после.

— Такого не бывает,— вырвалось у меня.

— Я тебе когда-нибудь лгал?

— Сто раз!

— Ну уж,— он повел плечами,— разве что самую малость, для пользы дела.

Шагнув к перископу, он рывком опустил две рукояти, зажмурил один глаз, другим жадно припал к окуляру и стал медленно обшаривать ви-доискателем кабинет, кушетку, а потом и меня.

— Первая, огонь! — раздалась команда.

Вроде бы я даже услышал пуск торпеды.

— Вторая, огонь! — приказал он.

И в бесконечность устремился еще один неслышный, невидимый снаряд.

Меня швырнуло на кушетку, словно от прямого попадания.

— У вас, у вас! — бессвязно повторял я.— Это! — Мой палец ткнул в сторону медного прибора.— Тут.— Рука похлопала по кушетке.— Почекуем?!

- Сидеть,— скомандовал фон Зайфертиц.
- Сижу.
- Лежать.
- Что-то не хочется,— выдавил я.

Фон Зайфертиц повернул перископ так, чтобы видоискатель, зафиксированный под углом, глядел на меня в упор. В этой остекленелой холодности сквозило зловещее сходство с ястребиным взглядом самого хозяина.

Голос, звучавший из-за перископа, отдавался эхом.

— Надо понимать, ты спрашиваешь, э-э-э, как вышло, что Густав фон Зайфертиц, барон Вольдштайн, покинул холодные океанские глубины, бросил дорогой его сердцу боевой корабль, бороздивший Северное море, оставил разбитое, униженное отечество и превратился в доктора с *Underdersea*-лодки...

— Раз уж вы упомянули...

— Я никогда ничего не упоминаю! Я заявляю. А мои заявления — это боевые приказы.

- Похоже на то...
- Молчать. Откинуться на спину.
- Немного погодя...— Я еле ворочал языком.

Он щелкнул штиблетами, а пальцы правой руки пауком поползли в верхний карман пиджака, чтобы извлечь еще один, четвертый, глаз и с его помощью окончательно пригвоздить меня к месту,— поблескивающий тонкий монокль вписался в глазницу, как крутое яйцо в рюмку.

Меня передернуло. Теперь монокль составлял единое целое с его взглядом и обстреливал меня ледяным огнем.

— Это еще для чего? — спросил я.

— Болван! Для того, чтобы закрыть зрячий глаз, чтобы не видеть ни одним глазом и высвободить интуицию!

— Вот оно что,— сказал я.

И он начал свою речь. Тогда до меня дошло, что он долгие годы сдерживал, подавлял эту потребность и теперь уже не мог остановиться, начисто забыв обо мне.

Кроме того, в ходе этого монолога произошла странная штудка. Пока я кое-как поднимался с кушетки, герр *Doktor* фон Зайфертиц сталходить по кабинету кругами, а его длинная, тонкая сигара выпускала перистые облачка дыма, которые он изучал, словно белые пятна в тестах Роршаха.

Каждый раз, когда его подошва касалась пола, он произносил очередное слово, которое укладывалось вместе с другими в тяжеловесную конструкцию. Время от времени он останавливался, и тогда одна нога застыла в воздухе, а очередное слово оставалось за зубами, чтобы можно было его повернуть во рту и распробовать на вкус. Вскоре подошва опускалась, с языка слетало подлежащее, немного погодя — скажуемое, а за ним, глядишь, и дополнение.

И так до тех пор, пока я сам, покружив по кабинету, не рухнул в кресло, потеряв дар речи от увиденного.

Герр *Doktor* фон Зайфертиц вытянулся на собственной кушетке, сплетя на груди паучью сеть из своих длинных пальцев.

— Не так-то просто списаться на берег,— прошелестел он.— Бывало, ощущал себя как медуза на снегу. Или как осьминог, выброшенный из воды, но хотя бы со щупальцами, а то и как лангуст, из которого высосали все соки. Однако за долгие годы я обрел хребет, затесался в сухопутную толпу и отступать не собираюсь.

Он сделал паузу, судорожно глотнул воздуха и продолжал:

— Двигался я шаг за шагом: из морской пучины — на баржу, потом в сторожку на пристани, оттуда — в палатку на пляже, потом на какой-то городской канал и, наконец, в Нью-Йорк, ведь это остров среди воды, так? Но где же, спрашивал я, где в этих скитаниях найдет себе место командир подводного корабля, куда приложит свои силы, одержимость, жажду деятельности?.. Ответ пришел в одночасье, когда я очутился в здании, что известно на весь мир самой протяженной шахтой лифта. Кабина спускалась ниже, ниже и ниже, мимо меня протискивались все новые люди, номера за стеклом убывали, этаж мелькал за этажом, огни загорались и гасли, загорались и гасли, сознательное,

бессознательное, *id*, *ego*, *id*, жизнь, смерть, блуд, взрыв, блуд, тьма, свет, полет, паденье, девяносто, восемьдесят, пятьдесят, необъятная бездна, вершина ликования, *id*, *ego*, *id* — и так без остановки, пока у меня из воспаленного горла не вырвался этот великий, всепроникающий, панически-неотвязный клич: «Погружение! Погружение!»

— Как же, слыхал, — подтвердил я.

— «Погружение!» — мой возглас был столь оглушителен, что попутчики остолбенели и дружно напрудили в штаны. Когда я выходил из лифта, меня провожали перекошенные физиономии, а на полу стояла лужа глубиной в одну шестнадцатую дюйма. «Всех благ!» — бросил я, торжествуя обретение себя, и очень скоро занялся делом: открыл частную практику, а потом установил снятый с искалеченного, разграбленного, оскопленного корабля перископ, хранившийся у меня все эти годы. Глупец, я и не подозревал, что в нем — моя психоаналитическая будущность и окончательный крах; это мое лучшее творение, медный фаллос психоанализа, Перископ Девятого Класса, собственность фон Зайфертица!

— Потрясающая история, — сказал я.

— Еще бы! — фыркнул доктор, смежив веки. — И по меньшей мере наполовину правдивая. Ты внимательно слушал? Что ты из нее вынес?

— Что другим командрям подводных лодок тоже не вредно податься в психиатры.

— Вот как? Я частенько задумываюсь: неужели капитан Немо и впрямь сгинул вместе со своей субмариной? Может, ему суждено было уцелеть и стать моим прадедом; может, он передал потомкам свои психологические бактерии, которые просто дремали, пока в этот мир не пришел я, желавший управлять потаенным механизмом глубинных течений, но закончивший шутовскими сеансами по пятьдесят минут в этом унылом психопатическом городе?

Выбравшись из кресла, я потрогал фантастический медный символ, который свисал из середины потолка, словно лабораторный стеклянnyй стаканчик.

— Можно в него посмотреть?

— Не советую.— Он слушал вполуха, обвязанный свинцовой тучей депрессии.

— Но перископ есть перископ, и только...

— ...А добрая сигара — наслажденье.

Вспомнив, что говорил о сигарах Фрейд, я рассмеялся и еще раз дотронулся до перископа.

— Не советую,— повторил доктор.

— Послушайте, какой прок от этой штуковины? Она у вас хранится только в память о прошлом, о вашей подлодке, верно?

— Ты так считаешь? — Он вздохнул.— Тогда вперед!

Помедлив, я зажмурил один глаз, другим припал к окуляру и вскричал:

— Боже праведный!

— Я предупреждал! — сказал фон Зайфертиц.

Все они были там.

Кошмары — хватило бы на тысячу киноэкранов. Призраки — хватило бы на десять тысяч замков. Тревоги — хоть круши города.

Ну и ну, подумал я, можно по всему миру торговаться правами на экранизацию!

Первый в истории психопатологический калейдоскоп.

И тут же в голову пришла другая мысль: какие из этих картинок составляют меня самого? Какие — фон Зайфертица? Или нас обоих? Есть ли среди этих причудливых образов мои навязчивые страхи, выплеснутые наружу за прошедшие недели? Неужели, когда я, закрыв глаза, говорил и говорил, у меня изо рта вырывались сонмы крошечных тварей, которые, попадая в отсеки перископа, вырастали до невероятных размеров? Как микробы на волосках бровей и в порах кожи, увеличенные в миллион раз под микроскопом и запечатленные на обложке «Сайентифик Америкэн», где они больше похожи на стадо слонов? Откуда взялись эти образы — из чьих-то изломанных душ, которые цепко держала кожаная кушетка и ловил подводный при-

бор, или же из-под моих ресниц, из глубин души?

— Такому аппарату цена — миллионы долларов! — вскричал я.— Вы сами-то понимаете, что это за штука?

— Здесь целая коллекция: тарантулы, ядовитые ящерицы, полеты на Луну без крыльев-паутинок, игуаны, жабы из рта злой колдуны, бриллианты из ушка доброй феи, калеки из театра теней на острове Бали, деревянные куклы из каморки папы Карло, статуи мальчиков, которые мочатся белым вином, воздушные гимнасты со своим похотливым «алле-оп», непристойные жесты, клоуны в дьявольском обличье, причудливые каменные маски, что болтают под дождем и шепчутся на ветру, бочонки отравленного меда в закромах, стрекозы, что зашивают все отверстия на теле тех, кому стукнуло четырнадцать, дабы их не замарала скверна, пока они не распорют швы, достигнув восемнадцатилетия. Обезумевшие ведьмы в башнях, мумии, сваленные на чердаках...

Тут у него перехватило дух.

— В общем, идея тебе ясна.

— Муть,— сказал я.— Это все от скуки. Но могу протолкнуть для вас контракт миллионов этак на пять в «Шизо Амалгамейтед, эл-те-де». А то и в «Корабль фантазий Зигмунда Ф.», с раздвоением наличности!

— Ты ничего не понимаешь,— сказал фон Зайфертиц.— Я просто нашел себе занятие, чтобы не думать о тех, кого взорвал, подбил, отправил на дно Атлантики в сорок четвертом. Киностудия «Шизо Амалгамейтед» — это не по моей части. Мне достаточно содержать в порядке ногти, чистить уши да выводить пятна с дежных мешков вроде тебя. Стоит только остановиться — и от меня останется мокрое место. В этом перископе собралось все, что я повидал за последние сорок лет, наблюдая за психами разных сортов и калибров. Когда я смотрю в окуляр, моя собственная кошмарная жизнь, омытая приливами и отливами, растворяется. Если мой перископ объявится в каком-нибудь низкопробном, дешевом голливудском балагане, я трижды утоплюсь в своем водяному матраце, чтобы от меня и следа не осталось. Видел мой водянной матрац? Величиной с три бассейна. Каждую ночь проплываю его вдоль и поперек восемьдесят раз. Или сорок — если днем удается вздремнуть. Так что на твое многомиллионное предложение отвечаю «нет».

Вдруг по телу доктора пробежала судорога. Он схватился за сердце.

— Что я наделал! — вскричал он.

Слишком поздно до него дошло, что он впустил меня в свое сознание и бытие. Вклинившись между мною и перископом, он затравлен-

но переводил глаза с меня на аппарат и обратно, словно стиснутый между двумя кошмарами.

— Ты там ничего не видел! Ровным счетом ничего!

— Нет, видел!

— Ложь! Как можно опуститься до такого вранья? Представляешь, что будет, если это сделается достоянием гласности, если ты начнешь трубить направо и налево?.. Боже правый,— бушевал он,— если мир об этом узнает, если кто-нибудь проговорится... — Слова застыли у него на языке, будто давая почувствовать вкус истины, будто я, доселе незнакомый, вдруг обернулся пистолетом, стреляющим в упор.— Меня... засмеют, выживут из города. Несмываемый позор... Постой-ка. Эй, ты!

Его лицо словно загородилось дьявольской маской. Глаза вылупились. Челюсть отвисла.

Вглядевшись в его черты, я почуял убийство. Бочком, бочком стал продвигаться к выходу.

— Ты не проболтаешься? — спросил он.

— Нет.

— Как это ты исхитрился вызнать всю мою подноготную?

— Да вы же сами рассказали!

— Верно,— изумился он и начал озираться в поисках орудия.— Задержись-ка на минуту.

— С вашего позволения,— выговорил я,— мне пора.

Выскользнув за дверь, я припустил по коридору; колени на бегу подскакивали так, что едва не выбили мне нижнюю челюсть.

— Назад! — заорал мне в спину фон Зайфертиц.— Тебя нужно убить!

— Я так и понял!

До лифта я добежал первым; стоило мне уда-
рить кулаком по кнопке «вниз» — и дверцы, к
счастью, тут же разъехались в стороны. Я впрыг-
нул в кабину.

— А попрощаться? — выкрикнул фон Зай-
фертиц, вскинув кулак, словно в нем была за-
жата бомба.

— Прощайте,— сказал я. Двери захлопну-
лись.

После этого мы с доктором не виделись око-
ло года.

Я частенько ходил по ресторанам и, каюсь,
рассказывал приятелям, и вообще кому попало,
о своей коллизии с командиром подлодки, что
заделался френологом (это тот, кто ощупывает
твой череп и считает шишки).

Стоило разок тряхнуть психиатрическое
древо, как с него посыпались обильные плоды.
Баронские карманы не пустовали, а на банков-
ский счет хлынула настоящая лавина. На исхо-
де века будет отмечен его «Большой шлем»: уча-
стие в телепрограммах Фила Донахью, Опры
Уинфри и Джералдо в течение одного ураган-

ного вечера — взаимозаменяемые превосходные степени, положительные-отрицательные-положительные, с промежутком в какой-то час. В Музее современного искусства и Смитсоновском институте продавались лазерные игры «Фон Зайфертиц» и дубликаты его перископа. Поддавшись искушению в виде полутора миллиона долларов, он выжал из себя беспомощную книжонку, которая мгновенно исчезла с прилавков. Изображения мелкой живности, затаившихся тварей и невиданных чудищ, попавших в ловушку его медного перископа, воспроизводились на страницах альбомов-раскрасок, на переводных картинках и чернильных печатках с монстрами, заполонивших «Магазины недетских игрушек».

Мне хотелось надеяться, что благодаря этому он все простит и забудет. Ничуть не бывало.

Как-то днем, спустя год и месяц, у меня в квартире раздался звонок: на пороге, обливаясь слезами, стоял Густав фон Зайфертиц, барон Вольдштайн.

— Почему я тогда тебя не убил? — простонал он.

— Потому, что не догнали, — ответил я.

— Ach, ja. Действительно.

Вглядевшись в мокрое от дождя и распухшее от слез лицо, я спросил:

— Кто-то умер?

— Ко мне пришла смерть. Или за мной? Ах, к черту эти тонкости. Перед тобой,— всхлипнул он,— существо, пораженное синдромом Румпельштильчхена!

— Румпель...?

— ...штильчхена! Две половинки, рассеченные от горла до паха! Дерни меня за волосы, ну же! Увидишь, как я развалюсь надвое. С треском разойдется психопатическая «молния», и я развалюсь: был один герр *Doktor*-Адмирал, а станет два — по бросовой цене одного. Который из них доктор-целитель, а который — адмирал, он же автор бестселлера? Тут без двух зеркал не разберешься. И без сигарного дыма!

Умолкнув, он огляделся и сжал голову руками.

— Видишь трещину? Неужели я вновь распадаюсь на части, чтобы превратиться в безумного моряка, алчущего денег и славы, терзаемого пальцами безумных женщин с раздавленным либидо? Страдалицы-камбалы, так я их прозвал! Однако брал с них деньги, плевался и транжирил! Тебе бы так — хотя бы год! Нечего скакать.

— Я не скакую.

— Тогда терпи, пока я не закончу. Где тут можно прилечь? Это кушетка? Уж больно коротка. Куда девать ноги?

— Свесить набок.

Фон Зайфертиц улегся, свесив ноги на пол.

— А что, неплохо. Садись за изголовьем. Не заглядывай мне через плечо. Отведи глаза. Не ухмыляйся и не кривись, покуда я буду выдавливать психоклей, чтобы заново склеить Румпеля и Штильцхена; пожалуй, так и назову, с божьей помощью, свою вторую книгу. Чтоб ты провалился ко всем чертям, а заодно и твой проклятый перископ!

— Почему мой? Ваш. Вы сами хотели, чтобы я в тот день с ним ознакомился. Подозреваю, вы не один год нашептывали забывшимся в полу值得一рем пациентам: «Погружение, погружение». Но не устояли перед своим же оглушительным криком: «Погружение!» Это в вас проснулся тот самый капитан, алчущий славы и денег, каких хватило бы на содержание конюшни чистокровных скакунов.

— Господи,— прошептал фон Зайфертиц.— Как я ненавижу, когда тебя тянет на откровенность. Мне уже легче. Сколько с меня причитается?

Он поднялся с кушетки:

— Пожалуй, будем убивать не тебя, а монстров.

— Монстров?

— У меня в кабинете. Если сможем пробиться сквозь толпы душевнобольных.

— Хотите сказать, душевнобольные заполнили не только ваш кабинет, но и все подходы?

- Я тебе когда-нибудь лгал?
- И не раз. Впрочем,— добавил я,— самую малость, для пользы дела.
- Пошли,— скомандовал он.

На лестничной площадке нас встретила длинная очередь почитателей и просителей. Между лифтом и дверью баронской приемной ожидали никак не меньше семидесяти человек, прижимавших к груди сочинения мадам Блаватской, Кришнамурти и Ширли Маклейн. При виде барона у толпы вырвался вой, как из открытой топки. Мы ринулись вперед и прошмыгнули в приемную, не дав опомниться страждущим.

— Полюбуйся, что ты наделал! — указал пальцем в сторону двери фон Зайфертиц.

Стены приемной были оббиты дорогим тиковым деревом. Письменный стол наполеоновской эпохи, редкостный образчик стиля ампир, стоил не менее пятидесяти тысяч долларов. Кушетка так и притягивала мягчайшей кожей, а на стене висели полотна Ренуара и Моне, причем подлинники. Боже праведный, подумалось мне, это миллионы и миллионы!

— Итак,— начал я,— вы говорили о чудовищах. Что, мол, будете убивать их, а не меня.

Старик выпер глаза тыльной стороной ладони и сжал руку в кулак.

— Да! — выкрикнул он, делая шаг в сторону блестящего перископа, изогнутая поверхность

которого нелепо искала его лицо.— Вот так.
И вот эхак!

Не успел я ему помешать, как он наотмашь хлопнул по медному агрегату и замолотил по нему сразу двумя кулаками, раз, другой, третий, не переставая грязно ругаться. А потом, словно желая задушить, сдавил и начал трясти перископ, как малолетнего преступника.

Затрудняюсь сказать, что именно я услышал в этот миг. То ли обыкновенный треск, то ли воображаемый взрыв, будто по весне раскололась льдина или в ночи полопались сосульки. Наверно, с таким же треском ломается на ветру рама исполинского воздушного змея, прежде чем осесть на землю под лоскутами бумаги. Возможно, мне послышался неизбывно тяжелый вдох, распад облака, начавшийся изнутри. А может, это заработал безумный часовой механизм, выбрасывая дым и медные хлопья?

Я припал к окуляру.

А там...

Ничего.

Обычная медная трубка, линзы и вид пустой кущетки.

Вот и все.

Ухватившись за перископ, я попытался направить его на какой-нибудь незнакомый удаленный объект, чтобы разглядеть фантастические микросущества, которые — не исключено — пульсировали на непостижимом горизонте.

Но кушетка оставалась всего лишь кушеткой, а стены взирали на меня с неподдельным равнодушием.

Фон Зайфертиц ссугуился, и с кончика его носа сорвалась слеза, упав прямо на рыжеватый кулак.

— Подохли? — шепотом спросил он.

— Сгинули.

— Ладно, туда им и дорога. Теперь смогу вернуться в нормальный, здравомыслящий мир.

С каждым словом голос его падал все глубже, в гортанный, в грудь, в душу, и наконец, подобно призрачным видениям, роившимся в перикалейдоскопе, растаял в тишине.

Он сложил перед собой истово сжатые кулачки, словно ища у Господа избавления от напастей. Закрыв глаза, он, наверно, опять молился о моей смерти, а может, просто желал мне сгинуть вместе с видениями, что теснились в медном аппарате,— трудно сказать наверняка.

Одно знаю точно: мои досужие рассказчики привели к страшным, необратимым последствиям. Кто меня тянул за язык, когда я, распинаясь о грядущих возможностях психологии, создавал славу этому необыкновенному подводнику, который погружался в пучину глубже, чем капитан Немо?

— Сгинули,— шептал напоследок Густав фон Зайфертиц, барон Вольдштайн.— Сгинули.

На этом почти все и закончилось.

Через месяц я снова пришел туда. Домовладелец весьма неохотно позволил мне осмотреть квартиру, и то лишь потому, что я сделал вид, будто подыскиваю жилье.

Мы стояли посреди пустой комнаты; на полу еще оставались вмятины от ножек кушетки.

Я поднял глаза к потолку. Он оказался совершенно гладким.

— Что такое? — спросил хозяин.— Неужели плохо заделано? Этот барон — вот блаженный, право слово! — пробил отверстие в квартире выше этажом. Он ее тоже снимал, хотя, по-моему, без всякой нужды. Когда он съехал, только дыра и осталась.

У меня вырвался вздох облегчения.

— Наверху ничего не обнаружилось?

— Ничего.

Я еще раз осмотрел безупречно ровный потолок.

— Ремонт сделан на совесть,— заметил я.

— Да, слава богу,— отозвался хозяин.

Меня часто посещает вопрос: а что же Густав фон Зайфертиц? Не обосновался ли он, чай, в Вене, прямо в доме незабвенного Зигмунда — или где-нибудь по соседству? Или перебрался в Рио, взбодрить таких же, как он сам, командиров-подводников, которые, мучаясь бессонницей, ворочаются на водяных матрацах под сенью Южного Креста? А может, корота-

ет дни в Южной Пасадене, откуда рукой подать до тех мест, где на фермах, замаскированных под киностудии, обильно плодоносит махровый бред?

Кто его знает.

Могу сказать одно: случается, по ночам, в глубоком сне — ну, пару раз в году, не чаще, — я слышу жуткий вопль:

— Погружение! Погружение! Погружение!

И просыпаюсь в холодном поту, забиввшись под кровать.

ПЯТЬ БАЛЛОВ ПО ШКАЛЕ ЗАХАРОВА-РИХТЕРА

B

предрассветных сумерках здание выглядело совершенно заурядным, примерно как фермерский дом, где прошла его юность. Оно маячило в полумраке, среди пырея и кактусов, на пыльной земле, пересеченной заросшими тропами.

Чарли Кроу оставил «роллс-ройс» у обочины, не заглушив двигатель, а сам зашагал, ни на минуту не умолкая, по едва различимой дорожке; поспевавший за ним Хэнк Гибсон оглянулся на мягко урчащий автомобиль.

— Может, надо бы?..

— Нет-нет,— перебил Чарли Кроу.— Кому придет в голову угонять «роллс-ройс»? На нем дальше первого светофора не уедешь. А там, глядишь, отнимут! Не отставай!

— К чему такая спешка? У нас в распоряжении все утро!

— Напрасно ты так думаешь, приятель. У нас в распоряжении... — Чарли Кроу посмотрел на часы. — Двадцать минут, если не пятнадцать, на все про все: на грядущую катастрофу, на откровения, так что мешкать не стоит.

— Не тарахти как пулемет и не беги, ты меня до инфаркта доведешь.

— Ничего с тобой не случится. Положи-ка вот это в карман.

Хэнк Гибсон посмотрел на документ цвета денежных знаков.

— Страховка?

— На твой дом, по состоянию на вчерашний день.

— Но нам не нужна...

— Нет, нужна, просто вы об этом не подозреваете. Распишись на втором экземпляре. Вот здесь. Плохо видно? Держи мою ручку с фонариком. Молодчина. Давай один экземпляр сюда. Один тебе...

— Черт побери...

— Не чертыхайся. Ты теперь защищен на все случаи жизни. Лови момент.

Хэнк Гибсон и ахнуть не успел, как его взяли за локоть и протолкнули в облезлую дверь, а там обнаружилась еще одна запертая дверь, которая открылась, когда Чарли Кроу посветил на нее лазерной указкой. За дверью оказался...

— Лифт! Неужели здесь работает лифт, в этом сарае, на пустыре, в пять утра?..

— Тише ты.

Пол ушел из-под ног, и они спустились строго вниз футов этак на семьдесят, а то и восемьдесят, где перед ними с шепотом отъехала в сторону еще одна дверь, и они вошли в длинный коридор с добрым десятком дверей по обе стороны и несколькими десятками приветливо светящихся окошек поверху. Не дав Хэнку Гибсону опомниться, его подтолкнули вперед, мимо всех этих дверей, на которых читались названия городов и стран мира.

— Проклятье! — вскричал Хэнк Гибсон.— Терпеть не могу, когда меня тащат черт знает куда да еще нагоняют туману! Мне нужно закончить книгу и статью для газеты. У меня нет времени...

— На самую грандиозную историю в мире? Вздор! Мы с тобой ее напишем сообща и разделим гонорар! Ты не устоишь. Бедствия. Трагедии. Холоксты!

— У тебя прямо страсть к гиперболам...

— Спокойно. Настал мой черед показывать и рассказывать.— Чарли Кроу посмотрел на часы.— Теряем время. С чего начнем? — Он обвел жестом два десятка закрытых дверей с надписями у одного края: «Константинополь», «Мехико-Сити», «Лима», «Сан-Франциско». А у другого края — 1897, 1914, 1938, 1963.

Была там и приметная дверь с надписью «Оссманн, 1870».

— Место-год, год-место. Откуда я знаю, как тут выбирать?

— Неужели эти города и даты ни о чем тебе не говорят, не будоражат мысль? Загляни-ка сюда. И вот туда. Теперь давай дальше.

Хэнк Гибсон послушался.

Заглянув сквозь стеклянное окошко за одну такую дверь, помеченную «1789», он увидел...

— Вроде бы Париж.

— Нажми на кнопку под окном.

Хэнк Гибсон нажал на кнопку.

— А теперь приглядись!

Хэнк Гибсон пригляделся.

— Господи, Париж. В огне. И гильотина!

— Верно. Дальше. Следующая дверь. Следующее окошко.

Хэнк Гибсон двигался вперед и смотрел.

— Опять Париж, Богом клянусь. Нажимать на кнопку?

— Не вижу препятствий.

Он нажал на кнопку.

— Ну и ну, так и полыхает. Только теперь это год тысяча восемьсот семидесятый. Парижская коммуна? Париж сражается с немецкими наемниками за городской чертой, парижане убивают парижан в городской черте. Французы — уникальная нация, верно? Не задерживайся!

Они подошли к третьему окну. Гибсон заглянул внутрь.

— Париж. Уже не горит. А вот и такси, цепкий поток. Знаю-знаю. Тысяча девятьсот шестнадцатый. Париж спасли тысяча парижских такси, перевозивших солдат, чтобы остановить немцев на подступах к городу.

— Пятерка! А дальше?

Четвертое окно.

— Париж в неприкосновенности. Зато не подалеку... Дрезден? Берлин? Лондон? Они в руинах.

— Верно. Как тебе нравится трехмерная виртуальная реальность? Высший класс! Но хватит с нас городов и войн. Переходим на другую сторону. Двигаемся вдоль стены. Эти двери ведут ко всяческим разрушениям.

— Мехико-Сити? Я там побывал, в сорок шестом.

— Нажимай.

Хэнк Гибсон нажал на кнопку.

Город рухнул, задрожал и снова рухнул.

— Землетрясение восемьдесят четвертого?

— Восемьдесят пятого, если уж быть точным.

— Боже, сколько нищих. Мало того что эти несчастные бедствуют, а ведь еще тысячи погибли, остались калеками, потеряли все. Но правительству...

— На это наплевать. Двигайся дальше.

Они остановились у двери с надписью «Армения. 1988»

Гибсон заглянул внутрь и нажал на кнопку.

— Армения, крупное государство. Крупное государство — и как не бывало.

— Сильнейшее землетрясение за полвека в том регионе.

Они остановились еще у двух окошек: «Токио, 1932» и «Сан-Франциско, 1905». На первый взгляд — целые и невредимые. Нажатие на кнопку — и все рушится!

Гибсон побледнел и отвернулся; его била дрожь.

— Ну? — спросил его друг Чарли.— Что в итоге?

— Война и мир? Или мир, разрушающий себя без войны?

— Точно!

— Зачем ты мне это показываешь?

— Ради твоего и моего будущего, ради несметных богатств, беспримерных открытий, поразительных истин. *Andale! Vamoose!*

Чарли Кроу посветил лазерной указкой на самую внушительную дверь, в дальнем конце коридора. Зашипели двойные замки, дверь ушла в сторону, а за ней открылся просторный зал заседаний, с огромным пятнадцатиметровым столом и двадцатью кожаными креслами с каждой стороны; в дальнем конце виднелся то ли трон, то ли какой-то помост.

— Вот туда и садись,— сказал Чарли.

Хэнк Гибсон медленно двинулся вперед.

— Шевели ногами. До конца света остается семь минут.

— До конца?..

— Шучу, шучу. Ты готов?

Хэнк Гибсон сел.

— Выкладывай.

Стол, кресла, зал — все задрожало.

Гибсон вскочил.

— Что это было?

— Ничего особенного.— Чарли Кроу сверился с часами.— Время еще есть. Сиди пока. Что ты увидел?

Гибсон нехотя опустился в кресло и стиснул подлокотники.

— Черт его знает. Лики истории?

— Да, но какие *именно*?

— Война и мир. Мир и война. Мир, конечно, ни к черту не годится. Землетрясения, пожары.

— Соображаешь! А теперь скажи, кто ответствен за эти разрушения, за оба лика?

— За войну? Наверно, политики. Банды националистов. Жадность. Зависть. Фабриканты оружия. Заводы Круппа в Германии. Захаров — так, кажется, его звали? Главный поставщик боевой техники, кумир поджигателей войны, герой документальных фильмов из времен моего детства. Захаров?

— Верно! А что ты скажешь о другой стороне коридора? О землетрясениях?

— Это от Бога.

— Только от Бога? Без пособников?

— Каким образом можно пособничать землетрясению?

— Частично. Косвенно. Сообща.

— Землетрясение и есть землетрясение. Город просто оказывается у него на пути. Под ногами.

— Неправильно, Хэнк.

— Неправильно?

— А если я тебе скажу, что эти города не случайно были построены в тех местах? А если я тебе скажу, что мы задумали построить их именно там, с особой целью — чтобы они подверглись разрушению?

— Идиотизм!

— Нет, Хэнк, креативная аннигиляция. Мы занимались этим делом — по части землетрясений — еще в эпоху династии Тан. Это с одной стороны. По части городов? Париж. Тысяча семьсот восемьдесят девятый год — по части войны.

— Мы? Мы? Кто это «мы»?

— Я, Хэнк, и мои когорты, только одетые не в пурпур и золото, а в добротное темное сукно, при элегантных галстуках, как подобает выпускникам престижных архитектурных факультете-

тов. Это наших рук дело, Хэнк. Мы строили города, с тем чтобы их сносить. Разрушать с помощью землетрясений или уничтожать с помощью бомбардировок и войн, войн и бомбардировок.

— Мы? Мы?

— В этом зале, или в таких же залах по всему миру, в этих креслах сидели люди, по правую и по левую руку от верховного верховода всех зодчих, который возвышался там, где сейчас сидишь ты...

— Зодчие?

— Неужели ты думаешь, что все эти землетрясения, все войны начинались по воле случая, по чистому стечению обстоятельств? Их устраивали мы, Хэнк, проектировщики-градостроители всего мира. Не фабриканты оружия, не политики — о, для нас они были словно марионетки, куклы, услужливые дураки, тогда как мы, архитекторы высшей марки, планировали создание и последующее уничтожение наших детищ, наших зданий и городов!

— Боже, какое безумие! Для чего?

— Для того, чтобы каждые сорок, пятьдесят, шестьдесят, девяносто лет воплощать в жизнь новые проекты и новые замыслы, чтобы пробовать себя в другом деле, чтобы все были при деньгах — чертежники, дизайнеры, отделочники, строители, каменщики, землекопы, плотни-

ки, стекольщики, садовники. Все снести подчистую — и начать заново!

— То есть ты?..

— Изучал повадки землетрясений, сейсмические зоны, все швы, трещины и дефекты земной поверхности в каждом регионе, краю, уголке мира! Там-то мы и строили города! Почти все.

— Вранье! Черта с два у вас бы это получилось. Тоже мне, проектировщики! От людей такого не утаишь!

— Тем не менее никто не догадывался. Мы собирались тайно, заметали следы. Небольшой клан, горстка заговорщиков в каждой стране, в каждую эпоху. Прямо как масоны, да? Или секта католиков-инквизиторов. Или подпольная мусульманская группировка. Для такой организации многоного не требуется. А средней руки политик, недальновидный или попросту глупый, верил нам на слово. Смотрите, вот оно, это место, вот оптимальное пятно застройки, заложите столицу здесь, а промышленный город — там. Опасности никакой. До ближайшего землетрясения, соображаешь, Хэнк?

— Что за фигня?

— Попрошу без грубостей!

— Ни за что не поверю...

Зал вздрогнул. Кресла задрожали. Хэнк Гибсон, собравшийся было встать, рухнул на сиденье. Кровь отхлынула от его лица.

— Осталось две минуты,— сообщил Чарли Кроу.— Поневоле будешь таращтесь как пулемет. Итак, ты по-прежнему считаешь, что судьбы мира вершит твой сельский политикан-скотовод? Ты когда-нибудь присутствовал на обеде в Ротарианском клубе, общался с гладкими же-ребцами из Торговой палаты? Сонные прожектеры! Ты бы согласился, чтобы мир плясал под дудку Захарова и его ракетчиков? Да ни за что. Они способны организовать только литье стали и упаковку взрывчатки. Вот поэтому наши люди — те, кто спроектировал города в сейсмоопасных зонах, чтобы обеспечить новые рабочие места на строительстве новых городов,— они-то и планировали войны. Естественно, втайне. Мы подстрекали, направляли, использовали политиков, оказывали давление, не гнущались никакими средствами, чтобы добиться свободы действий, и получили Париж, потом тиерию, потом пришел Наполеон, а следом — Парижская коммуна, и тогда Оссманн под шумок разрушил и заново отстроил город — к яности одних и радости других. Вспомни Дрезден, Лондон, Токио, Хиросиму. Это мы, зодчие, оплатили звонкой монетой освобождение Гитлера из тюрьмы в двадцать втором году! Это мы, зодчие, наседали, словно москиты, на японцев, чтобы вторгнуться в Маньчжурию, наладить импорт железной руды, довести Рузельта до белого ка-

ления и сбросить бомбы на Пирл-Харбор. Естественно, император не возражал; естественно, генералы торжествовали; естественно, камикадзе с радостным воодушевлением отправлялись на тот свет. А за кулисами мы, зодчие, аплодировали и отсчитывали жалованье, чтобы поощрить статистов! Не политики, не военные, не торговцы оружием, а сыны Османна и будущие сыны Фрэнка Ллойда Райта выталкивали их на сцену. Аллилуйя!

Хэнк Гибсон, придавленный крупицей информации и гнетом недоумения, сделал резкий выдох и остался сидеть во главе стола. Потом измерил на глаз длину столешницы.

— Здесь проходили заседания...

— В тысяча девятьсот тридцать втором, тридцать шестом и тридцать девятом, чтобы Токио уже не мог без войны оправиться от гнойных ран, а Вашингтон — от расстройства желудка. Вместе с тем нужно было проследить, чтобы Сан-Франциско наилучшим образом отстраивался для следующего разрушения и чтобы калифорнийские города, построенные вдоль трещин и швов, подкормились за счет основного разлома в Сан-Андреасе — чтобы после «Большой тряски» сорок дней шел золотой дождь.

— Сукин ты сын,— сказал Хэнк Гибсон.

— Что правда, то правда! Да и все мы тако-
вы, верно?

— Сукин сын,— повторил Хэнк Гибсон шагом.— Войны, значит, от человека, а землетрясения — от Бога.

— Неплохое сотрудничество, а? Всем управляет тайное правительство, правительство архиархитекторов, чья власть распространяется на весь мир и нацелена в грядущее столетие.

Пол содрогнулся. А вместе с ним — стол, кресла и потолок.

— Время? — спросил Хэнк Гибсон.

Чарли Кроу, поглядев на часы, рассмеялся.

— Время. Бежим.

Они бросились к выходу, припустили по коридору, мимо дверей с надписями «Токио», «Лондон», «Дрезден», мимо дверей с надписями «Армения», «Мехико-Сити», «Сан-Франциско», и запрыгнули в лифт; тогда Хэнк Гибсон спросил:

— И все-таки: зачем ты посвятил меня в эти дела?

— Я собираюсь уйти на покой. Кого-то уже с нами нет. Мы больше не станем использовать эту базу. Она исчезнет. Возможно, прямо сейчас. Ты накропаешь книжку об этих поразительных явлениях, я отредактирую, срубим деньжат — и поминай как звали.

— Да кто этому поверит?

— Никто. Но книга произведет сенсацию и разойдется в мгновение ока. Миллионными ти-

ражами. А докапываться до сути ни одна живая душа не станет, потому как все одним миром мазаны: городские власти, торговые палаты, риэлтеры, генералы — все, кто мнит, будто сами планируют и ведут войны или планируют и строят города! Самонадеянные болваны! Ну, наконец-то. Выбрались.

Они вышли из лифта и уже были в дверях, когда произошел очередной толчок. Оба рухнули на землю и поднялись с нервным смехом.

— Вот что значит Калифорния, да? Как там мой «роллс», на месте?

— Ага. Угонщики сюда не добрались. Залезай!

Положив ладонь на дверцу автомобиля, Гибсон посмотрел в лицо другу:

— Разлом Сан-Андреас проходит под этой местностью?

— Считай, что так. Хочешь подъехать к своему дому?

Гибсон закрыл глаза.

— Черт, страшно.

— Пусть тебя согревает страховой полис, который ты сунул в карман. Едем?

— Одну минуту.— Гибсон проглотил застрявший в горле ком.— Как будет называться наша книга?

— Который час? Какое сегодня число?

Гибсон посмотрел на занимающийся восход.

— Рано. Половинка седьмого. А число, если верить моим часам, пятое февраля.

— Тысяча девятьсот девяносто четвертого?

— Шесть тридцать утра пятого февраля тысяча девятьсот девяносто четвертого года.

— Вот тебе и готовое заглавие для нашей книги. Или так: «Захаров», и Рихтера надо прицепить, в честь шкалы Рихтера. «Пять баллов по шкале Захарова—Рихтера». Пойдет?

— Пойдет.

Хлопнули автомобильные двери. Взревел двигатель.

— К дому?

— Гони. Умоляю. На предельной скорости. Они помчались.

На предельной скорости.

ПОМНИШЬ САШУ?

|| помнишь? Ну как же можно забыть! Хотя знакомство было кратким, годы спустя его имя возникало не раз, и они улыбались, и даже смеялись, и тянулись друг к другу, чтобы взяться за руки, предаваясь воспоминаниям.

Саша. Такой милый, веселый дружок, такой лукавый, таинственный проказник, такой талантливый ребенок; выдумщик, егоза, неутомимый собеседник в ночной тиши, неугасимый лучик в тумане дня.

Саша!

Тот, кого они никогда не видели воочию, но с кем часто вели разговоры у себя в тесной спальне в три часа ночи, когда рядом не было посторонних, которые стали бы закатывать глаза и, заслышав его имя, высказывать сомнения в их здравомыслии.

Ну ладно, кем и чем был для них Саша, как они познакомились, а может, просто его придумали, и, наконец, кто такие они сами?

Вкратце: они — это Мэгги и Дуглас Спиддинги, жители тех мест, где шумное море, теплый песок и шаткие мостики над почти пересохшими каналами Венеции, что в штате Калифорния. Несмотря на отсутствие солидного банковского счета и дорогой мебели, они были нескованно счастливы в своей крошечной двухкомнатной квартирке. Он занимался писательским трудом, а она зарабатывала на жизнь, чтобы дать ему возможность закончить великий американский роман.

У них было заведено так: по вечерам онаозвращалась домой из делового центра Лос-Анджелеса, а он покупал к ее приходу гамбургеры, или же они вместе шли на пляж, где можно было съесть булочку с сосиской и оставить центов десять—двадцать в павильоне игровых автоматов, потом возвращались домой, занимались любовью, засыпали, а следующим вечером наслаждались все тем же восхитительным распорядком: хот-доги, игровые автоматы, близость, сон, работа и так далее. Тот год, исполненный любви и молодости, ощущался как блаженство, а значит, должен был длиться вечно...

Пока не появился он.

Безымянный. Да-да, у него еще не было имени. Он грозил вторгнуться в их жизнь считан-

ные месяцы спустя после свадьбы, нарушить заведенный уклад, спутнуть писательское вдохновение; но потом он как-то растворился, оставив лишь слабый отголосок тревоги.

Однако теперь коллизия замаячила всерьез.

Как-то вечером, когда на журнальном столике красовались яичница с ветчиной и бутылка дешевого красного вина, они завели негромкий разговор о том о сем, каждый предрекал другому великое и славное будущее, а Мэгги вдруг сказала:

— Мне незддоровится.
— Что такое? — встревожился Дуглас Спaldинг.

— Весь день как-то не по себе. А утром немного подташнивало.

— Господи, что же это?

Он встал, обошел вокруг журнального столика, обхватил руками ее голову и прижал лбом к своему боку, а потом посмотрел сверху вниз на безупречный пробор и вдруг заулыбался.

— Так-так, — произнес он, — не иначе как возвращается Саша.

— Саша? Это кто такой?
— Он сам расскажет, когда появится.
— Откуда такое имя?
— Понятия не имею. Весь год крутилось в голове.

— Саша. — Она прижала его ладони к своим щекам и засмеялась. — Саша!

— Завтра к доктору,— распорядился он.

— Доктор говорит, Саша пока будет жить с нами, не требуя довольствия,— сообщила она по телефону на следующий день.

— Здорово! — Тут он осекся.— Наверно.— Он прикинул сумму их накоплений.— Нет, первое слово дороже второго. Здорово! Когда же мы познакомимся с этим пришельцем?

— В октябре. Сейчас он микроскопический, крошечный, я едва различаю его голос. Но потому что у него есть имя, я его слышу. Он обещает вырасти большим, если мы окружим его заботой.

— «Мнимый больной», честное слово! К какому сроку мне закупать морковку, шпинат, брокколи?

— На Хэллоуин.

— Не может быть!

— Правда, правда!

— Все будут болтать, что мы специально приворочили его появление к окончанию моего романа, который пьет из меня кровь. Оба требуют внимания и не дают спать по ночам.

— Ну, в этом-то Саше не будет равных! Ты счастлив?

— Честно сказать, побаиваюсь, но счастлив. Да что там говорить, конечно счастлив. Приезжайте домой, госпожа Крольчиха, и привозите его с собой!

Здесь необходимо пояснить, что Мэгги и Дуглас Спидинги относились к числу неисправимых романтиков. Еще до заочного именования Саши они, увлеченные Лорелом и Гарди, прозвали друг друга Стэном и Олли. Каждый электроприбор, коврик и штопор получил у них свое имя, не говоря уже о различных частях тела, но это держалось в секрете от посторонних.

Потому-то Саша, как сущность, как присутствие, готовое перерости в привязанность, в этом смысле не был исключением. И когда он стал заявлять о себе по-настоящему, они ничуть не удивились. В их браке, где мерилом всех вещей была любовь, а не твердая валюта, просто не могло быть иначе.

Если когда-нибудь мы купим машину, говорили они, ей тоже будет дано имя.

Они обсудили этот вопрос, и еще сорок дюжин других, уже поздней ночью. Взахлеб рассуждая о жизни, они уселись в постели, подложив под спину подушки, словно караулили будущее, которое могло нагрянуть прямо сейчас. Они ждали, воображали, будто загипнотизированные, что молчаливый малыш произнесет свои первые слова еще до рассвета.

— Мне нравится так жить,— сказала Мэгги, вытягиваясь на кровати.— У нас все превращается в игру. Хочу, чтобы так было всегда. Ты не такой, как другие мужчины: у тех на уме только пиво да карты. Интересно, много ли есть

на свете таких семей, у которых вся жизнь — игра?

— Таких больше нет. Ты помнишь?

— Что?

Он перевернулся на спину, чтобы прочертить взглядом на потолке цепочку воспоминаний.

— В тот день, когда мы поженились...

— Ну?

— Друзья подбросили нас сюда на машине, и мы пошли в аптеку на пристани, чтобы сделать крупную покупку в честь медового месяца: две зубные щетки и тюбик пасты... Одна щетка красная, другая зеленая, для украшения пустой ванной комнаты. А когда мы возвращались по берегу домой, держась за руки, позади нас две девчушки и мальчишка вдруг затянули:

Совет да любовь,
Совет да любовь,
Жениху и невесте
Совет да любовь...

Она тихонько запела. Он подтянул, вспоминая, как они зарделись от удовольствия, слыша детские голоса, но постеснялись остановиться, хотя были горды и счастливы.

— Неужели у нас был новобрачный *вид*? Как они догадались?

— Уж точно не по одежке! Может, по лицам? От улыбок у нас занемели скулы. Мы просто лопались от восторга. А их задело ударной волной.

— Славные ребятишки. До сих пор слышу их голоса.

— Прошло полтора года, а у нас все по-прежнему.— Одной рукой обняв ее за плечи, он читал их будущее на темном потолке.

— Теперь есть я,— раздался чей-то шепот.

— Кто? — спросил Дуглас.

— Я,— ответил шепот.— Саша.

Дуглас сверху следил за губами жены, но не заметил и шевеления.

— Ага, наконец-то можно поговорить? — произнес Дуглас.

— Можно,— ответил тот же голосок.

— А мы думали-гадали,— сказал Дуглас,— когда же ты дашь о себе знать.— Он мягко привлек к себе жену.

— Настал срок,— отзвался шепот,— я тут как тут.

— Здравствуй, Саша,— вырвалось у обоих.

— А почему ты раньше молчал? — поинтересовался Дуглас Спэлдинг.

— Было боязно: вдруг вы мне не обрадуетесь,— прошептал голосок.

— Откуда такие мысли?

— Они возникли в самом начале, но потом ушли. Когда-то у меня было только имя. Помните, в прошлом году. Можно было уже тогда появиться. Но вы испугались.

— Мы тогда сидели на мели,— негромко сказал Дуглас.— Жили в постоянном страхе.

— Разве жить страшно? — спросил Саша. У Мэгги дрогнули губы.— Страшно другое. Не жить. Быть ненужным.

— Погоди.— Дуглас Спидинг опустился на подушку, чтобы видеть профиль жены, лежащей с закрытыми глазами, и чувствовать ее неслышное дыхание.— Мы тебя любим. Но в прошлом году был неподходящий момент. Понимаешь?

— Нет, не понимаю,— ответил шепот.— Вы меня не хотели, вот и все. А теперь захотели. Мне тут делать нечего.

— Но ты уже здесь!

— А теперь уйду.

— Не смей, Саша! Останься с нами!

— Прощайте,— голосок совсем затих.— Все, прощайте.

Повисло молчание.

Мэгги в безмолвном ужасе открыла глаза.

— Саша пропал,— сказала она.

— Быть такого не может!

В спальне стояла тишина.

— Не может быть! — повторил он.— Это просто игра.

— Это уже не игра. О боже, как холодно. Согрей меня.

Он подвинулся ближе и привлек ее к себе.

— Все хорошо.

— Нет. У меня сейчас возникло странное чувство, будто это все взаправду.

— Так оно и есть. Он никуда не денется.

— Если мы постараемся. Помоги-ка мне.

— Помочь? — Он еще сильнее сжал объятия, потом зажмурился и позвал: — Саша?

Молчание.

— Я знаю, что ты здесь. Не прячься.

Его рука скользнула туда, где мог находиться Саша.

— Послушай-ка. Отзовись. Не пугай нас, Саша. Мы и сами не хотим бояться, и тебя не хотим пугать. Мы нужны друг другу. Мы втроем — против целого мира. Саша?

Молчание.

— Ну что? — прошептал Дуглас.

Мэгги сделала вдох и выдох.

Они подождали.

— Есть?

В ночном воздухе пробежал едва ощутимый трепет, не более чем излучение.

— Есть.

— Ты здесь! — воскликнули оба.

Опять молчание.

— Вы мне рады? — спросил Саша.

— Рады! — ответили они в один голос.

Минула ночь, за ней настал день, потом опять ночь и еще один день, многие сутки выстроились длинной чередой, но самыми главными были полночные часы, когда он заявлял о себе, выражал собственное мнение; полуразличимые фразы становились все более уверенными, четкими и развернутыми, а Дуглас и Мэгги замира-

ли в ожидании: то она шевелила губами, то он приходил ей на смену, каждый излучал тепло, искренность и превращался в живой рупор. Слабый голосок переходил с одних уст на другие, то и дело прерываясь тихим смехом, потому что все это было несуразно и в то же время любовно; ни один из них не знал, какой будет очередная Сашина фраза — они всего лишь внимали его речам, а потом с улыбкой погружались в рассветный сон.

— Что вы там говорили про Хэллоуин? — спросил он где-то на шестом месяце.

— Про Хэллоуин? — удивились они.

— Ведь это праздник смерти? — прошептал Саша.

— Ну, в общем...

— Не слишком приятно появляться на свет в такую ночь.

— Допустим. А какая ночь для тебя предпочтительнее?

Саша какое-то время парил в молчании.

— Ночь Гая Фокса,— решил он наконец.

— Ночь Гая Фокса?!

— Ну да, фейерверки, пороховой заговор, Парламент, верно? «Запомни, запомни: ноябрьской ночью...»

— По-твоему, ты сможешь так долго терпеть?

— Постараюсь. Зачем начинать свой путь среди черепов и костей? Порох мне больше по нраву. Потом можно будет об этом написать.

— Значит, ты решил стать писателем?

— Купите мне пишущую машинку и пачку бумаги.

— Чтобы ты долбил у нас над ухом и мешал спать?

— Тогда хотя бы ручку, карандаш и блокнот.

— Договорились!

На этом и порешили; между тем ночи выстроились в неделю, недели соединили лето и раннюю осень, а Сашин голос набирал силу вместе с биением сердца и мягкими толчками рук и ног. Когда Мэгги засыпала, его голос подчас будил ее, и она подносила руку к губам, которые вещали о причудливых фантазиях.

— Тихо, тихо, Саша. Отдохни. Надо спать.

— Спать,— шептал он сквозь дремоту,— спать.— И затихал.

— На ужин, пожалуйста, свиные отбивные.

— А как же соленые огурцы с мороженым? — спросили они почти в один голос.

— Свиные отбивные,— повторил он; прошла вереница других дней, занялись другие рассветы, и тогда он попросил: — Гамбургеры!

— На завтрак?

— С луком,— подтвердил он.

Октябрь простоял без движения только сутки, а там...

Хэллоуин благополучно миновал.

— Спасибо,— сказал Саша,— что помогли мне перевалить за эту дату. А что там у нас через пять суток?

— Ночь Гая Фокса!

— То, что надо!

И через пять суток Мэгги поднялась за минуту до полуночи, дошла до ванной и вернулась в полной растерянности.

— Дорогой,— позвала она, присаживаясь на краешек постели.

Полусонный Дуглас Спולדинг повернулся на бок.

— А?

— Что у нас сегодня? — зашептал Саша.

— Гай Фокс. Наконец-то. А в чем дело?

— Мне как-то не по себе,— сказал Саша.—

Нет, ничего не болит. Сил хоть отбавляй. Собираюсь в путь. Пора прощаться. Или здороваться? Как будет правильнее?

— Выкладывай, что у тебя на уме.

— Кажется, соседи предлагали обращаться к ним в любое время, если понадобится ехать в больницу?

— Предлагали.

— Звоните соседям,— сказал Саша.

Они позвонили соседям.

В больнице Дуглас поцеловал жену в лоб и прислушался.

— Здесь было неплохо,— сказал Саша.

— Для тебя — все самое лучшее.

— Нашим беседам пришел конец. Счастливо,— сказал Саша.

— Счастливо,— ответили они дуэтом.

На рассвете где-то прозвучал негромкий, но явственный крик.

Вскоре после этого Дуглас вошел в палату к жене. Встретившись с ним глазами, она произнесла:

— Саша исчез.

— Я знаю,— тихо ответил он.

— Но он распорядился, чтобы его заменил кое-кто другой. Гляди.

Когда он подошел к кровати, она откинула уголок одеяльца.

— С ума сойти.

Он увидел маленькое розовое лицико и глаза, которые на мгновение полыхнули ярко-голубым и тут же закрылись.

— Кто это? — спросил он.

— Твоя дочь. Знакомься: Александра.

— Привет, Александра,— сказал он.

— Тебе известно, как сокращенно зовут Александру?

— Как?

— Саша.

Он с величайшей осторожностью коснулся круглой щечки.

— Здравствуй, Саша,— сказал он.

ОПЯТЬ ВЛИПЛИ

У

ти звуки возникли среди лета, среди тьмы.

Около трех часов ночи Белла Уинтерс села в постели и прислушалась, а потом снова легла. Через десять минут она услышала все тот же шум, доносившийся из мрака, от подножия холма.

Белла Уинтерс жила в Лос-Анджелесе, не-подалеку от Эффи-Стрит, на Вандомском холме, в квартире первого этажа; обитала она здесь всего ничего, несколько дней, поэтому все пока было ей в диковинку: этот старый дом, старая улочка, старая бетонная лестница, поднимавшаяся круто в гору от самого подножья — ровно сто двадцать ступеней. И как раз сейчас...

— Кто-то поднимается по лестнице, — заговорила Белла сама с собой.

— Что такое? — сонно переспросил ее муж Сэм.

— На лестнице мужские голоса,— сказала Белла.— Разговоры, крики, едва ли не до драки доходит. Я и прошлой ночью их слышала, и по-запрошлой, но...

— Кого? — не понял Сэм.

— Ш-ш-ш, спи. Я сама посмотрю.

Она выбралась из постели, подошла к окну, не зажигая света,— и в самом деле увидела двух мужчин, которые переругивались, ворчали, кряхтели — то громко, то приглушенно. До ее слуха донеслись и другие звуки: глухие удары, стук, скрежет, будто в гору затащивали какой-то громоздкий предмет.

— Неужели в такое время кто-то надумал переезжать? — спросила Белла, обращаясь к темноте, к оконному переплету и к себе самой.

— Это вряд ли,— пробурчал Сэм.

— А похоже...

— На что похоже? — Сэм только теперь окончательно проснулся.

— Как будто двое тащат...

— Господи помилуй, кто кого тащит?

— Двое тащат рояль. По лестнице.

— В три часа ночи?

— Двое мужчин и рояль. Ты только прислушайся.

Муж, заморгав, сел и насторожился.

В отдалении, где-то на середине склона, раздался протяжный стон, какой издают от резкого толчка рояльные струны.

- Убедился?
- Надо же, так и есть. Но кому придет в голову красть...
- Они не крадут, они доставляют по адресу.
- Рояль?
- Я тут ни при чем, Сэм. Выйди, поинтересуйся. Нет, погоди, я сама.
- Кутаясь в халат, она выскочила за дверь и пошла по тротуару.
- Белла,— яростно прошипел Сэм ей вслед.— Куда тебя понесло?
- Женщина в пятьдесят пять лет, толстая и страшная, может смело гулять по ночам.
- На это Сэм ничего не ответил.
- Она бесшумно добралась до кромки склона. Где-то внизу — у нее не осталось сомнений — двое ворочали неподъемный груз. Временами он издавал протяжный стон и умолкал.
- Эти голоса...— прошептала Белла.— Почему-то они мне знакомы.
- В непроглядной тьме она ступила на лестницу, которая мутной полосой уходила вниз, и услышала разносящийся эхом голос:
- Опять из-за тебя влипли.
- Белла замерла. Где же, недоумевала она, я слышала этот голос, причем тысячу раз!
- Ay! — окликнула она.
- Отсчитывая ступеньки, Белла двинулась вниз, но вскоре остановилась.

И никого не увидела.

Тут ее пробрал холод. Незнакомцам просто некуда было деться. Склон шел круто вниз и круто вверх, а они волокли тяжелое, громоздкое пианино, ведь так?

«С чего я взяла, что это пианино? — удивилась она. — Я ведь только слышала звук. Однако сомнений нет, это пианино. Причем в ящике!»

Она медленно развернулась и пошла наверх, преодолевая ступень за ступенью, медленно-медленно; голоса тут же зазвучали вновь, будто только и ждали, чтобы она убралась восвояси после того, как их спутнула.

— Ты что, спятил? — негодовал один.

— Да я хотел... — начал другой.

— На меня толкай! — закричал первый.

«А второй-то голос, — подумала Белла, — он ведь мне тоже знаком. И я даже знаю, что сейчас последует!»

— Эй, ты, — сказало ночное эхо далеко внизу, — не отлынивай!

— Так оно и есть!

Белла закрыла глаза, откашлявшись и едва не упала, присаживаясь на ступеньку, чтобы отдохнуть; перед ее мысленным взором проносились черно-белые картины. Почему-то ей пришелся 1929 год: она сама, еще девочкой, сидит в кино, в первом ряду, а высоко над головой мелькают светлые и темные кадры, она замира-

ет, потом смеется, потом опять замирает и опять смеется.

Она открыла глаза. Где-то внизу перекликались все те же голоса, скрежетал груз, в ночи разносилось эхо, незнакомцы выходили из себя и сталкивались шляпами-котелками.

Зелда, подумала Белла Уинтерс. Надо позвонить Зелде. Она знает все. Кто, как не она, объяснит мне, что происходит. Зелда и никто другой!

Вернувшись в дом, она набрала З, потом Е, потом Л, Д, А и только тут сообразила, что делает не то; пришлось начать сначала. Телефон звонил очень долго, пока ей не ответил досадливый спросонья голос Зелды, жившей на полу пути к центру Лос-Анджелеса.

- Зелда, это я, Белла!
- Сэм умер?
- Нет, что ты, мне прямо дурно стало...
- Ах, тебе дурно?
- Зелда, ты, наверно, решила, что я схожу с ума, но...
- Ну, сходишь с ума, а дальше что?
- Зелда, в прежние времена, когда в окрестностях Л.-А. снимали кино, натурные съемки проходили прямо здесь, в самых разных местах, так ведь? В калифорнийской Венеции, в Оушен-Парке...
- Чаплин снимался именно там, и Лэнгдон, и Гарольд Ллойд.

- А Лорел и Гарди?
- Что?
- Лорел и Гарди — у них были натурные съемки?
- А как же, в Палмсе — они частенько снимались в Палмсе, и на Мейн-стрит в Калвер-Сити, и на Эффи-стрит.
- На Эффи-стрит?
- Белла, разве можно так орать?
- Ты сказала, на Эффи-стрит?
- Ну да. Помилуй, сейчас три часа ночи!
- На самом верху Эффи-стрит?
- Совершенно верно — там, где лестница. Известное место. Там еще Гарди убегал от музыкального ящика, который в конце концов его догнал и перегнал.
- Конечно, Зелда, конечно! Боже мой, Зелда, если бы ты это видела, если бы слышала то, что слышу я!
- Даже у Зелды, на другом конце провода, сон как рукой сняло.
- Что происходит? Ты не шутишь?
- Господи, конечно нет! По лестнице — я только что слышала, и прошлой ночью тоже, и вроде бы позапрошлой, да и сейчас слышу — двое тащат в гору... это... пианино.
- Кто-то тебя разыгрывает.
- Нет-нет, они там. Я вышла — никого и ничего. Но эти ступеньки — как живые, Зелда!

Чей-то голос говорит: «*Опять из-за тебя влипли*». Это надо слышать!

— Ты напилась и решила меня подразнить, потому что я от них без ума.

— Ничего подобного! Перестань, Зелда. Вот, слушай внимательно. Что скажешь?

Минут через тридцать Белла услышала дребезжание допотопной колымаги, притормозившей на заднем дворе. Этот драндулет Зелда купила исключительно из любви к старому кинематографу, чтобы можно было раскатывать по окрестностям, заряжаясь вдохновением для статей по истории немого кино, исключительно по истории: подъехать туда, где командовал Сесиль Демилль, исследовать владения Гарольда Ллойда, с треском и грохотом покружить по съемочным площадкам студии «Юниверсал», отдать дань уважения оперным подмосткам из «Призрака оперы», заказать сэндвич в открытом кафе мамаши и папаши Кеттл. Такова по натуре была Зелда, сотрудница журнала «Серебристый экран», своя в немом мире, в немом времени.

Она полностью заблокировала собой парандную дверь: над необъятным туловищем, которое поддерживали ноги-колонны, словно изваянные самим Бернини для собора Святого Петра в Риме, маячило луноподобное лицо.

На этой круглой физиономии сейчас в равных долях отражались подозрение, сарказм и

скепсис. Но, заметив бледность и отрешенный взгляд Беллы, она только и смогла воскликнуть:

— Белла!

— Теперь ты веришь? — спросила Белла.

— Верю!

— Не кричи, Зелда. Мне и боязно, и любопытно, и жутко, и радостно. Пойдем-ка.

И подруги направились по дорожке туда, где старый склон уходил старыми ступенями вниз, в старый Голливуд, и вдруг почувствовали, как время описало вокруг них полукруг,— и вот уже на дворе стоял совсем другой год, потому что рядом ничего не изменилось, все здания остались такими же, как в тысяча девятьсот двадцать восьмом, дальние холмы выглядели совсем как в двадцать шестом, а ступени — как в двадцать первом, когда их только-только зацементировали.

— Прислушайся, Зелда. Вот, опять!

Зелда прислушалась, но вначале сумела разобрать только скрежет, похожий на треск сверчка, потом стон древесины и жалобы фортепьянных струн; тут один голос стал браниться по поводу этой холеры, а другой твердил, что он тут вообще ни при чем; вслед за тем по ступеням с глухим стуком поскакали шляпы-котелки, и сердитый голос бросил: «Опять из-за тебя влипли».

От изумления Зелда чуть не полетела кубарем вниз. Ухватившись за локоть Беллы, она всхлипнула.

— Это розыгрыш. Кто-то установил магнитофон или...

— Нет, я проверяла. Здесь только голые ступеньки, Зелда, голые ступеньки!

Пухлые щеки Зелды намокли от слез.

— Надо же, его собственный голос! Уж я-то разбираюсь, они — мои любимцы, Белла. Это Олли. Другой голос — это Стэн. А ты, как ни странно, в здравом уме!

Голоса звучали то громче, то тише, и наконец один из них вскричал:

— Эй, ты, не отлынивай!

У Зелды вырвался стон:

— Бог мой, какое чудо!

— Что прикажешь думать? — спросила Белла. — Как их сюда занесло? Это и вправду привидения? С какой стати привидения каждую ночь лезут в гору и толкают перед собой ящик? Объясни, какой в этом смысл?

Зелда окинула взглядом кругой склон и на мгновение прикрыла глаза, обдумывая ответ.

— А с какой стати привидения вообще куда-то лезут? Собирать дань? Вершить возмездие? Нет, наши — не таковы. Возможно, их подгоняет любовь, неразделенные чувства или что-то в этом роде. Согласна?

Сердце Беллы отсчитало пару ударов, прежде чем она ответила:

— Может, они не слышали этих слов.

— О чём ты?

— А может, слышали много раз, да не верили, потому что в прежние годы что-то у них случилось, какая-нибудь напасть или вроде того, а когда случаются напасти, все остальное забывается.

— Что забываеться?

— Как мы их любили.

— Им это было известно.

— Откуда? Мы, конечно, болтали друг с дружкой, но не трудились им лишний раз написать, или помахать, когда они проезжали мимо, или хотя бы крикнуть: «Мы с вами!» Как ты думаешь?

— Белла, о чём ты говоришь, они же не сходят с телевизоров!

— Ну, это совсем другое. Теперь, когда их с нами нет, хоть кто-нибудь подошел к этим ступенькам, чтобы признаться в *открытую*? Что, если эти голоса — вернее сказать, призраки или уж не знаю кто, — обитают здесь годами, каждую ночь ворочают ящик с пианино, и ни одной живой душе не приходит в голову шепотом, а то и в полный голос дать им знать, как мы их любили все эти годы. А почему, собственно?

— В самом деле, почему? — Зельда взгляделась в бескрайнюю, почти отвесную мглу, где, скорее всего, маячили тени, а между ними, быть может, неуклюже громоздилось пианино.

— Если я права,— сказала Белла,— и если ты со мной согласна, нам остается только одно...

— Нам с тобой?

— Ну да, кому же еще? Тише. Пойдем-ка. Они сошли на ступеньку ниже. В тот же миг тут и там начали вспыхивать окна. Где-то раздвинули входную решетку и негодующе закричали в ночь:

— Безобразие!

— Что там за грохот?

— Вам известно, который час?

— Господи,— зашептала Белла,— теперь их услышали все без исключения!

— Этого еще не хватало! — Зелда стала озираться по сторонам.— Так можно все испортить!

— А вот я сейчас полицию вызову! — Наверху яростно хлопнула оконная рама.

— Ох,— выдохнула Белла,— не дай бог, напрянет полиция...

— Ну и что?

— Все пойдет насмарку. Если кто и должен им сказать, чтобы они передохнули и не шумели, так это мы с тобой. Мы их не обидим, верно?

— Само собой разумеется, но...

— Никаких «но». Держись за меня. Идем.

Внизу все так же переговаривались два голоса, пианино заходилось в икоте; подруги осторожно спустились на ступеньку ниже, потом еще на одну, у них пересохло во рту, сердца

колотились как бешеные, а непроглядная тьма пропускала лишь слабый свет фонаря у подножия лестницы, но он был так далеко, что загрустил в одиночестве, дожидаясь, пока запляшут тени.

Окна хлопали одно за другим, скрежетали дверные решетки. Того и гляди, сверху могла обрушиться лавина досады, протестующих криков, а то и выстрелов, готовая безвозвратно смести все и вся.

С этой мыслью подруги крепко обнялись, но обеих так зазнобило, что, казалось, каждая решила вытрясти из другой нужные слова в противовес чужому гневу.

— Зелда, не молчи, скажи им хоть что-нибудь.

— Что тут скажешь?

— Да что угодно! Они обидятся, если мы не...

— Они?

— Ты знаешь, о ком я. Надо их поддержать.

— Ладно, будь по-твоему.— Зелда опустила веки и замерла, подбирая слова, а потом выговорила: — Привет.

— Громче.

— Привет,— окликнула она, сначала тихонько, потом чуть громче.

Под ними впотьмах зашуршали тени. Один голос сделался решительнее, второй уял, а пинанино затреянькало на арфе своих невидимых струн.

— Не бойтесь,— продолжала Зелда.

— Умница. Давай дальше.

— Не бойтесь,— осмелев, повторила Зелда.—

Не слушайте этих крикунов. Мы вас не дадим в обиду. Это же мы! Я — Зелда, только вряд ли вы меня помните, а это Белла, мы вас знаем тыщу лет, с раннего детства, и всегда вас любили. Время ушло, но мы решили вам сказать. Мы полюбили вас, когда впервые увидели в пустыне, а может, на корабле с привидениями, или когда вы торговали вразнос рождественскими елками, или в автомобильной пробке, когда вы отдирали у машин фары,— и любим вас по сей день, верно я говорю, Белла?

Мрак выжидал, притаившись внизу.

Зелда ткнула Беллу в плечо.

— Да, верно! — воскликнула Белла.— Она говорит как есть! Мы вас любим.

— Просто сейчас ничего больше в голову не приходит.

— Но ведь и этого достаточно, да? — Белла взъерошено подалась вперед.— Правда, достаточно?

Ночной ветерок шевелил траву и листья по обеим сторонам лестницы, а тени, застывшие было внизу, по бокам заколоченного ящика, теперь смотрели наверх, на двух женщин, которые почему-то расплакались. Первой не выдержала Белла, но когда Зелда это почувствовала, у нее тоже покатились слезы.

— Так вот.— Зелда сама удивилась, что не утратила дара речи, но продолжила наперекор всему: — Мы хотим, чтоб вы знали: вам нет нужды сюда возвращаться. Нет нужды карабкаться в гору и ждать. Вот что мы хотим сказать, понимаете? Чтобы услышать такие слова на этом самом месте, вы и приходили сюда по ночам, и взбирались по лестнице, и втаскивали наверх пианино, в том-то все и дело, других причин нет, правильно? Наконец-то мы с вами встретились: теперь все сказано напрямик. Спокойно отправляйтесь на отдых, друзья мои.

— Счастливо тебе, Олли,— добавила Белла грустным-грустным шепотом.— И тебе, Стэн, Стэнли.

Прячась в темноте, пианино негромко помурлыкало струнами, скрипнуло старой древесиной.

И тут произошло самое невероятное. Во тьме раздались чьи-то вопли, деревянный ящик загрохотал по склону, пересчитывая ступеньки и отмечая аккордом каждый удар; он кувыркался и набирал скорость, а впереди неслись сломя голову два неясных силуэта: они удирали от взбесившегося музыкального зверя, голосили, спотыкались, орали, проклинали судьбу, взывали к небесным силам, а сами катились ниже и ниже, оставляя позади четвертый, шестой, восьмой, десятый десяток ступеней.

Тем временем на середине лестницы, в ночи, прислушиваясь, ловя каждое движение, вскрикивая, обливаясь слезами и хохоча, поддерживали друг дружку две женщины, у которых перехватывало дыхание, когда они пытались разглядеть — и почти верили, что разглядели, — как три очертания скатывались по ступенькам, как улепетывали два силуэта, толстый и тонкий, как пианино с ревом прыгало за ними по пятам, не разбирая дороги, как внизу, на тротуаре, одинокий фонарь внезапно погас, будто сраженный, а тени кувырком полетели дальше, спасаясь от хищных зубов-клавиш.

А подруги, оставшись вдвоем, смотрели вслед и смеялись до упаду, чтобы потом залиться слезами, и рыдали, чтобы потом рассмеяться, но вдруг лицо Зелды исказилось от испуга, словно рядом прогремел выстрел.

— Что я наделала! — закричала она в панике, ринувшись вперед. — Подождите, я не то сказала, мы не хотели... не исчезайте! Просто удалиитесь, чтобы соседи могли высপаться. Но раз в год... слышите? Раз в год, ночью, ровно через двенадцать месяцев и потом каждый год, неизменно возвращайтесь сюда, договорились? И не забудьте свой ящик, а уж мы с Беллой — подтверди, Белла! — встретим вас на этом самом месте.

— Во что бы то ни стало!

Ответом было долгое молчание над ступенями, нисходящими в черно-белый немой Лос-Анджелес.

— Как по-твоему, они услышали?

Подруги обратились в слух.

И тут далеко внизу прозвучал едва слышный хлопок, будто очнулось старинное авто, а потом промелькнула какая-то причудливая музыкальная фраза, слышанная в детстве на дневном сеансе. Но и она тут же смолкла.

Через некоторое время они побрали вверх по лестнице, вытирая слезы бумажными носовыми платками. Потом обернулись, чтобы на последок взглянуться в темноту.

— Знаешь, что я тебе скажу? — произнесла Зелда. — По-моему, они услышали.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СТУЛ

О

на ждала, пока он завяжет ей глаза шелковой повязкой, но, затягивая узел, он так резко дернул концы платка, что она даже охнула.

— Полегче, Джонни, черт бы тебя побрал, ослабь повязку, а то у меня ничего не выйдет!

— Как скажешь,— легко согласился он, обдав ее резким запахом своего дыхания; между тем зрители уже толпились за канатами ограждения, вечерний бриз теребил купол шатра, а издали доносились призывные звуки шарманки и барабанная дробь.

Сквозь черный шелк она смутно различала мужчин, мальчишек, а кое-где и женщин: зрителей собралось предостаточно, они выложили по десять центов каждый и теперь жаждали увидеть ее пристегнутой к электрическому стулу, с электродами на шее и запястьях.

— Ну вот,— прошептал Джонни, почти невидимый из-за этой повязки.— Так хорошо?

Она не ответила, но пальцы сами собой впились в деревянные подлокотники. В предплечьях и на шее она ощутила биение пульса. За пологом шатра зазывала лез вон из кожи: он надсадно кричал в короткий рупор из папье-маше и лупил тростью по транспаранту, где дрожал на ветру портрет Электры, сидящей в кресле смерти, будто перед обычным чаепитием: соломенные волосы, пронзительные голубые глаза, резко очерченный подбородок.

Когда ее на время ослеплял черный шелк, легче думалось о прошлом, о чём угодно...

Ярмарка переезжала в очередной городок и вскоре опять снималась с места; бурые шатры днем делали глубокий вдох, а ночью выдыхали спертый воздух, когда брезент, шурша, соскальзывал с темных шестов. Что же дальше?

В минувший понедельник этот парень с длинными руками и пытливым раскрасневшимся лицом купил сразу три билета на их вечерние выступления и три раза подряд смотрел, как электрический ток пробивает Электру голубым пламенем; парень стоял прямо у каната и, напружинившись, ловил каждое ее движение, а она, из огня и бледной плоти, возвышалась над ним, сидя на помосте.

Он приходил четыре дня кряду.

— У тебя тут своя публика, Элли,— заметил Джонни на третий вечер.

— Да уж,— отозвалась она.

— Ты, главное дело, не бери в голову,— посоветовал Джонни.

— Ни-ни,— ответила она.— Мне-то что? Не волнуйся.

Как-никак, этот номер она исполняла не первый год. Джонни врубал напряжение, и оно пронизывало ее от лодыжек и до локтей, до самых ушей, тогда он протягивал ей сверкающий меч, она не глядя делала выпад в сторону зрителей, улыбаясь из-под своей полумаски, и людям на плечи и головы сыпались трескучие, плююющиеся искры. На четвертый день она ткнула мечом дальше обычного, в том направлении, где впереди всех стоял, потея от волнения, тот румяный парень. Он резко вскинул руку, словно приготовился поймать лезвие. Голубые искры мостиком устремились к его ладони, но рука не дрогнула и не отстранилась; он схватил огонь пальцами, а потом зажал в кулак и пропустил по запястью, через предплечье внутрь себя.

При свете клинка его глаза вспыхнули синим спиртовым пламенем, а меч своим собственным огнем осветил ее руку, лицо и грудь. Навалившись на канат, парень в молчаливом напряжении потянулся еще дальше. Тогда Джонни закричал: «А ну-ка, все прикоснитесь! Все до единого!» Тогда Электра поводила мечом по воздуху, чтобы каждый мог прикоснуться к лезвию и погладить его рукой; Джонни выругался. Сквозь повязку она заметила жуткое свечение, которое не сходило с румяного лица.

На пятый вечер она не стала касаться пальцев этого парня, а вместо этого щекотала горящим острием его ладонь, царапала и обжигала, пока он не зажмурился.

В ту ночь, закончив выступление, она отправилась на озерную пристань и, даже не оглянувшись, прислушалась и заулыбалась. Озеро дрожало там, где в него впивались опоры. Ярмарочные огни испещрили черную воду неверными, извилистыми дорожками. Под приглушенные вопли колесо обозрения без устали взмывало вверх, а вдали шарманка с надрывом пела «Прекрасный Огайо». Электра замедлила шаги. Она не спеша поставила вперед правую ногу, затем левую и уж только потом остановилась, чтобы обернуться. Рядом мелькнула его тень, и руки заключили ее в объятия. Прошло много времени, прежде чем она слегка отстранилась, разглядела его неомраченное, взволнованное, рожовощекое лицо и сказала:

— Да ты, я вижу, опаснее электрического стула!

— А тебя и вправду зовут Электрой? — спросил он.

На следующий вечер, когда сквозь нее побежал ток, она напряглась, вздрогнула и, прикусив губу, застонала. Ноги заходили ходуном, а руки, нащупав подлокотники, стали царапать древесину.

— Что такое? — выкрикнул Джонни, отделенный шелковой повязкой.— В чем дело?

И отключил напряжение.

— Все нормально,— выдохнула она.

Зрители забеспокоились.

— Ничего страшного. Работаем. Давай!

И он дернул рубильник.

Сквозь нее пополз огонь, но она снова, стиснув зубы, откинулась на высокую спинку. Из темноты вырвалось чье-то лицо, а вместе с ним туловище, которое прижалось к ней. Напряжение разразилось треском. Электрический стул остановился, а потом и вовсе умер.

Через миллион миль темноты Джонни протянул ей меч. Ее вялая подрагивающая рука не смогла его удержать. Джонни сделал вторую попытку, и она машинально ткнула клинком глубоко в ночь.

Там, в ревущей темноте, кто-то тронул лезвие. Она представила, как вспыхнули его глаза, как раскрылись губы, когда их разомкнуло напряжением. Его прижало к канату, с силой прижало к канату, он не мог ни вздохнуть, ни закричать, ни отстраниться!

Подача энергии прекратилась. Остался запах молнии.

— Конец! — крикнули из публики.

Джонни предоставил ей выбираться из кожаных ремней, спрыгнул с невысокой сцены и пошел к проходу. Непослушными руками она судорожно освободилась от пут. Выскочив из шатра, она даже не оглянулась посмотреть, остался ли тот парень висеть на канатах.

Добравшись до трейлера, стоящего за шатром, она рухнула на койку, дрожа и обливаясь потом; даже когда следом вошел Джонни и остановился, глядя на нее сверху вниз, она не смогла сдержать рыданий.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

— Ничего, ничего, Джонни.

— Что ты послала в публику?

— Ничего, ничего.

— «Ничего, ничего», — передразнил он. —

Ладно врать! — Его лицо исказила гримаса. — Чертова кукла! Сто лет таких штук не выкидывала!

— Это нервы!

— Горбатого могила исправит, — не унимался он. — Когда мы только-только поженились, ты такой же номер отмочила. Думаешь, я забыл? Три года торчала на своем стуле, как в гостях. И вот — здрасьте! — кричал он, задыхаясь и наивисая над ней со сжатыми кулаками. — Сегодня опять, будь ты неладна...

— Умоляю тебя, умоляю, Джонни. У меня нервы сдали.

— Ты что себе надумала? — Он угрожающе склонился прямо над ней. — Что надумала?

— Ничего, Джонни, ничего. — Он схватил ее за волосы. — Умоляю!

Он швырнул ее головой в подушку, развернулся и пошел прочь, но за дверью остановился.

— Я знаю, что ты надумала, — сказал он. — Знаю. — И звук его шагов замер в отдалении.

И была ночь, и был день, и был еще один вечер и новые зрители.

Но в публике она так и не высмотрела *его* лица. Теперь, погрузившись в черноту, с повязкой, плотно обхватившей голову, она сидела на электрическом стуле и не теряла надежды, пока Джонни на соседнем помосте расписывал публике чудеса, на которые способен Человек-Скелет; а она все еще надеялась и разглядывала каждого вновь прибывшего. Джонни расхаживал вокруг Человека-Скелета, пыжился и распинался про живой череп и зловещие кости, и наконец зрители стали проявлять нетерпение и, повинувшись голосу Джонни, гремевшему как ржавая труба, развернулись в другую сторону, а сам он запрыгнул на помост — да с таким свирепым видом, что она невольно отшатнулась и увлажнила красные губы.

И вот теперь узел повязки затягивался все туже и туже, а Джонни шептал ей в ухо:

— Соскучилась по нему?

Она промолчала, но не склонила головы. Зрители переминались с ноги на ногу, как скотина в стойле.

— Нету его,— шипел он, подключая электроды к ее рукам. Она не ответила. Он не успокаивался.— Больше он сюда не сунется.— Она задрожала, когда он нахлобучил ей на волосы круглую черную шапочку.— Боишься? — спросил он вполголоса.— А чего бояться? — Он за-

стегнул ремешки у нее на щиколотках.— Ты не бойся. Электричество — штука хорошая, чистая.— У нее перехватило дыхание. Он выпрямился.— Я ему кое-что объяснил,— тихо сказал он, проверяя повязку.— Врезал так, что у него зубы вылетели. А потом шарахнулся об стенку и еще добавил...— Не закончив, он выпрямился и закричал во все горло: — Дамы и господа, смертельный номер! Впервые в истории циркового искусства! Перед вами — электрический стул, точная копия того, что установлен в центральной тюрьме штата. Успешно используется для наказания преступников! — При этом слове она поникла, царапая ногтями древесину, а он продолжал: — У вас на глазах эта красавица примет казнь на электрическом стуле!

Зрители заволновались, а она подумала, что стоящий под сценой обычный трансформатор напряжения Джонни вполне мог переделать в трансформатор тока. Случайность, роковая случайность. Прискорбно. Большой ток, а не высокое напряжение.

Она высвободила правую руку из-под кожаного ремня и услышала, как сработал переключатель; когда ее охватило голубым огнем, она вскрикнула.

Зрители хлопали, свистели и топали ногами. Ах, как хорошо, мелькнула у нее неистовая мысль, ведь это смерть? Вот и славно! Аплодируйте! Кричите «браво»!

Из черной бездны выпало беспомощное тело. «Врезал так, что у него зубы вылетели!» Тело содрогнулось. «А потом еще добавил!» Тело рухнуло, было поднято и снова рухнуло. Она кричала пронзительно и долго, словно терзаемая миллионом невидимых жал. Голубое пламя до бралось до ее сердца. Молодое мужское тело скорчилось и взорвалось шрапнелью костей, огня и пепла.

Джонни невозмутимо подал ей меч и скомандовал:

— Давай.

Ничего не случилось, и это ее потрясло, как вероломный удар.

Она зарыдала, не чувствуя в руках меча, трепеща и дрожа, не в силах управлять своими движениями. Энергия гудела, зрители тянули руки — паучьи лапы, птичьи когти, — отпрыгивая, когда меч начинал шипеть и плеваться.

Ярмарочные фонари гасли один за другим, а в ее костях все еще бурлила энергия.

Щелк. Рубильник улегся в положение «выкл.».

Она ушла в себя, с носа и обмякших губ потекли струйки пота. Задыхаясь, она с трудом сорвала черную повязку.

Зеваки уже толпились у другого помоста и глазели на другое чудо: их поманила Женщина-Гора, и они повиновались.

Джонни держался за рубильник. Потом опустил руки и стал буравить ее темным, холодным, немигающим взглядом.

Пыльные, тусклые, засиженные мухами лампочки освещали шатер. Перед ее слепыми глазами маячили отхлынувшие зрители, Джонни, все тот же шатер, все те же лампочки. Она словно усохла, пока сидела на стуле. Половину сков по электрическим проводам унесло в утробы медных кабелей, провисающих над городом от столба до столба. Голова словно налилась свинцом. Чистый свет только что снизошел сюда, пронзил ее насквозь и снова вырвался на свободу, но это был уже совсем другой свет. Она сделала его другим, теперь она поняла, почему так получилось. И задрожала, потому что пламя потеряло цвет.

Джонни раскрыл рот. Вначале она ничего не слышала. Ему пришлось повторить.

— Считай, ты умерла,—бросил он. И еще раз: — Ты умерла.

Придавленная силками кожаных ремней к электрическому стулу, открывая порывам ветра, которые залетали под полог шатра и утирали влагу с ее лица, пронзенная мраком сверлящих глаз, она сказала то единственное, что только и было возможно:

— Да.—Она закрыла глаза.—Так и есть. Я умерла.

ПРЫГ-СКОК

B

инию разбудил заячий бег по необъятной лунной долине, но на самом деле это было приглушенное и частое биение ее сердца. Она с минуту полежала, пока не восстановилось дыхание. Теперь бег слышался не столь явственно, а потом и вовсе растаял где-то далеко-далеко. Она села на кровати, посмотрела вниз со второго этажа, из окна своей спальни, и там, на длинном тротуаре, в слабом свете луны разглядела те самые «классики».

Накануне вечером кто-то из ребят начертил их мелом — длиннющие, без конца и края, квадрат за квадратом, линия за линией, цифра за цифрой. Граница терялась где-то вдали. Они тянулись неровными лоскутами, 3, 4, 5 и так до 10, потом 30, 50, 90 — да еще не раз сворачивали за угол. Не «классики», а целые «классы»! По таким можно прыгать целую вечность, хоть до горизонта.

Так вот, в то непостижимо раннее, непостижимо тихое утро взгляд ее побежал, поскакал, помедлил — и снова запрыгал по щербатым меловым ступенькам этой своеенравной лестницы, а до слуха донесся собственный шепот:

— Шестнадцать.

Но дальше она уже не побежала.

Впереди — это точно — дождался следующий квадрат, небрежно помеченный голубым номером 17, но ее разум, широко раскинув руки, балансировал и удерживал равновесие, прочно став одной занемевшей ногой между единицей и шестеркой — и ни туда, ни сюда.

Задрожав, она снова опустилась на подушку.

Всю ночь в спальне было прохладно, будто в роднике, а она, как белый камешек, лежала на дне; ей нравилось это чувство — приятно было плыть сквозь темную, но прозрачную стихию из снов и яви. Она осязала, как из ноздрей толчки вырываетяется дыхание, и вдобавок, закрывая и открывая глаза, раз за разом ощущала широкие взмахи ресниц. Но потом из-за холмов выглянуло солнце, и с его появлением — она это явственно чувствовала — всю спальню затрясло, как в лихорадке.

Утро, сказала она про себя. Наверно, день будет особенный. Как-никак, мой день рождения. В такой день может произойти все, что угодно. И, надеюсь, произойдет.

Движение воздуха, словно дыхание лета, тронуло белые занавески.

— Виния!..

Ее звал чей-то голос. Впрочем, откуда было взяться голосу? И все же — Виния приподнялась на локте — он зазвучал опять:

— Виния!..

Она, выскользнув из постели, побежала к высокому окну своей спальни.

Внизу, на свежей траве, стоял Джеймс Конвэй, ее ровесник, семнадцати лет от роду; он-то и звал ее в этот ранний час, а когда в окне появилось ее лицо, со значением улыбнулся и замахал рукой.

— Джим, ты что тут делаешь? — спросила она, а сама подумала: известно ли ему, какой сегодня день?

— Да я уж час как на ногах. Решил выбраться за город, — ответил он, — на весь день, вот и собрался пораньше. Не хочешь присоединиться?

— Ой, наверно, не получится... мои вернутся поздно, я дома одна, мне нужно...

Она увидела зеленый холмистый простор, дороги, уходящие в лето, в август, и реки, и предместья, и этот дом, и эту комнату, и это мгновение.

— Я не смогу... — слабо проговорила она.

— Не слышу! — улыбчиво запротестовал Джеймс, приложив ладонь козырьком.

— А почему ты позвал меня — других, что ли, не нашлось?

Ему пришлось чуток поразмыслить.

— Сам не знаю,— признался он. Подумал еще немного и послал ей приветливый и теплый взгляд.— Потому что потому. Вот и все.

— Сейчас выйду,— сказала она.

— Эй! — окликнул он.

Но в окне уже никого не было.

Они стояли посреди безупречной лужайки. Изумрудную гладь нарушили две цепочки шагов: одна, что полегче, торопливо пробежала тонкой строчкой, а другая, что потяжелее, прошагала неспешно, размашисто, навстречу первой. Городок молчал, как забытые часы. Все ставни еще были закрыты.

— Ничего себе,— сказала Виния.— В такую рань. С ума сойти, как рано. Уж не помню, когда я просыпалась в такое время. Слышно, как люди спят.

Они прислушались к листву деревьев и белизне стен; в этот рассветный час, в этот час шепотов, мыши-полевки устраивались на ночлег, а цветы готовились разжимать яркие кулачки.

— В какую сторону пойдем?

— Как скажешь.

Виния зажмурилась, покрутилась на месте и ткнула пальцем наугад:

— Куда я сейчас показываю?

— На север.

Она открыла глаза.

— Стало быть, пойдем из города на север.
Только оно не к добру.

— Почему это?

И они зашагали из города; между тем солнце уже поднималось над холмами, а лужайки пуще прежнего горели изумрудным огнем.

В воздухе пахло горячим шоссе с белой разметкой, и пылью, и небом, и виноградными водами проворной речки. Над головой округлился свежий лимон солнца. Впереди маячил лес, где жили тени, словно под каждое дерево слетелся миллион трепетных птиц, но на самом деле это подрагивали пятнышки от листьев, не пропускавших света. К полудню Виния и Джеймс Конвэй оставили позади обширные луга, что крахмально и туго пружинили под ногами. День нагрелся, как нагревается на солнцепеке чай со льдом в запотевшем стакане.

Они сорвали гроздь винограда с шершавой дикой лозы. Посмотришь на ягоду против солнца — в ней отчетливо проступают виноградные мысли, погруженные в густо-янтарную мякоть, горячие семена раздумий, накопившиеся у лозы за долгие послеполуденные часы одиночества и созерцания. У виноградин был привкус чистой родниковой воды и чего-то еще, принесенного утренней росой и вечерними дождями. Живая плоть апреля, согретая августом, приго-

товилась отдать свой нехитрый клад первому встречному. А урок отсюда таков: сиди на солнце, склонив голову, под сенью колючей лозы, хоть в мерцании света, хоть в прямых лучах, и вселенная придет к тебе сама. Дай срок — явится небо и подарит дождь, а земля поднимется и войдет в тебя, чтобы напитать изобилием и богатством.

— Съешь виноградину,— сказал Джеймс Конвэй.— Бери сразу две.

С набитыми ртами они жевали мякоть, истекающую соком.

Усевшись на берегу, они скинули обувь и не струсили, когда речная вода заточенным ледяным клинком отsekла им ступни по самую лодыжку.

«Ноги пропали!» — подумала Виния. Но, опустив глаза, увидела, что ноги никуда не делись, просто ушли без спросу на дно и сразу освоились в земноводном царстве.

На обед были ломти хлеба с яичницей, которые Джим прихватил из дома в бумажном пакете.

— Виния,— заговорил Джим, примеряясь к сэндвичу, прежде чем откусить первый кусок,— можно тебя поцеловать?

— Не знаю,— сказала она.— Я как-то об этом не думала.

— А ты подумай,— попросил он.

— Разве мы для того пошли гулять, чтоб ты ко мне приставал с поцелуями? — резко спросила она.

— Да я что? Денек такой классный! Зачем его портить. Но если ты надумаешь поцеловатьсь — скажи, ладно?

— Скажу, — пообещала она, принимаясь за второй сэндвич. — Если надумаю.

Дождь обрушился как нежданная весть. Он принес запахи газировки, лайма, апельсина и чистейшей, самой свежей речки на всем белом свете, которая бурлила талой водой, падавшей с высокого пересохшего неба.

Сначала в вышине возникло какое-то движение, словно шевельнулся тонкий покров. Тучи мягко обволакивали друг дружку. Слабый ветерок тронул волосы Винии и, вздыхая, утер влагу с ее верхней губы, а когда они с Джимом бросились наутек, дождевые капли добрались до них не сразу, но потом все же настигли и холодными колотушками погнали через замшелый бурелом, между неохватными деревьями в самую чащу, в пряную сердцевину урочища. Лес встрепенулся, влажно зашептал над головой, каждый лист зазвенел и расцветился под дождевыми струями.

— Сюда! — выкрикнул Джим.

И они юркнули в огромное дупло, которое приняло их обоих, чтобы спрятать от дождя в

тепло и уют. Они стояли, обнявшись, все еще дрожа от холода, и смеялись, потому что у каждого с носа и щек сбегали дождевые капли.

— Эй! — Он лизнул ее лоб.— Дай-ка попить водички!

— Джим!

Они ловили звуки дождя: падающая вода отмывала вселенную до атласной чистоты, шептались высокие травы, пробуждались сладковатые запахи мокрой древесины и слежавшихся прелых листьев столетней давности.

Потом до слуха донесся еще один звук. Где-то наверху, в теплом сумраке дупла, раздавался ровный гул: словно где-то вдалеке хозяйка печет сладкие пироги, заливает глазурью, украшает цукатами, посыпает сахарной пудрой — в общем, можно было подумать, что в натопленной, неярко освещенной кухне под шум летнего дождя хозяйка готовит обильные яства и умиротворенно мурлычет песенку, не размыкая губ.

— Пчелы, Джим, гляди, пчелы!

— Тихо!

Во влажной, темной воронке дупла мельтешили желтые точки. Запоздалые, промокшие пчелы спешили домой с облюбованных полей, лугов или пастбищ и, проносясь мимо Винии с Джимом, взмывали в темную пустоту, хранящую жар лета.

— Они не тронут. Главное — не шевелись.

Джим покрепче сжал объятия; Виния тоже. Она чувствовала на лице его дыхание, смешанное с запахом терпкого винограда. Чем настойчивее барабанил по стволу дождь, тем крепче они обнимали друг друга, заходясь от хохота, но в конце концов их смех растаял в жужжании пчел, вернувшихся с дальних лугов. И тогда Винии подумалось, что на них в любой момент может обрушиться лавина меда, которая накроет их с головой, запечатает внутри этого дерева, как в заветном куске янтаря, а потом, через тысячу лет, когда снаружи отгремят, отшумят, отцветут стихии веков, случайному путнику повезет найти эту застывшую картину.

Внутри было так тепло, так спокойно, вселенная перестала существовать, оставались только бессловесность дождя да еще лесная полутьма этого дня.

— Виния,— прошептал, немного повременив, Джим.— Теперь-то можно?

Его лицо сделалось очень большим, оно оказалось так близко, что заслонило все лица, которые встречались ей прежде.

— Теперь можно,— ответила она.

Он поцеловал ее.

Дождь буйствовал целую минуту, снаружи холода, а внутри ютилось укромное древесное тепло.

Поцелуй оказался очень нежным. Он был добрым, приятно теплым, а на вкус — как абри-

кос и свежее яблоко, как вода, которую, пропившись от жажды, глотаешь среди ночи, только для этого нужно пробраться в темную летнюю кухню, чтобы там, в тепле, напиться прямо из прохладного жестяного ковшика. Прежде она и вообразить не могла, что поцелуй бывает таким приятным, и безгранично ласковым, и бережным. Теперь Джим обнимал ее совсем не так, как минуту назад, когда защищал от зеленого лесного ненастя; теперь он прижимал ее к груди, как фарфоровые часы, с осторожностью и заботой. Его глаза были закрыты, а ресницы блестели темной влагой; она успела это заметить, когда сама на мгновение открыла глаза, чтобы тут же смежить веки.

Дождь присмирел.

В этот миг на них обрушилась новая тишина, подтолкнувшая к осознанию перемен за пределами их мира. Теперь там не было ничего, кроме присмиревших струй, запутавшихся в неводе лесных ветвей. Туча двинулась прочь, оставляя на синем небосклоне большие рваные заплаты.

Эти перемены повергли Винию с Джимом в некоторое смятение. Они ждали, что дождь вот-вот полет с новой силой, и тогда им поневоле придется застрять в этом дупле еще на минуту, еще на час. Но тут выглянуло солнце, осветило все вокруг ярким светом и вернуло к обыденности.

Медленно выбравшись из дупла, они посторонились, раскинув руки, будто старались сохранить равновесие, а потом стали искать дорогу из этого леса, где вода на глазах испарялась с каждой ветки, с каждого листа.

— Ладно, пора двигаться,— сказала Виния.— Нам туда.

Дорога вела в сторону послеполуденного лета.

В городок они вернулись уже на закате и, взявшись за руки, прошли сквозь последний свет теплого дня. На обратном пути они почти не разговаривали и теперь, раз за разом сворачивая с одной улицы на другую, разглядывали тротуар, тянувшийся под ногами.

— Виния,— проговорил он наконец,— тебе не кажется, что это начало?

— Скажешь тоже, Джим!

— А может, у нас любовь?

— Откуда я знаю?

Они спустились в овраг, перешли через мостки, поднялись на другой берег и оказались на ее улице.

— Как по-твоему, мы с тобой поженимся?

— Рано загадывать,— отозвалась она.

— Да, верно.— Он прикусил губу.— А гулять еще пойдем?

— Не знаю. Посмотрим. Там видно будет, Джим.

Судя по неосвещенным окнам, дома по-прежнему никого не было. Постояв на крыльце, они с серьезным видом пожали друг другу руки.

— Спасибо тебе, Джим, денек был чудный,— сказала она.

— Не за что,— ответил он.

Они постояли еще немного.

Потом он повернулся, сошел по ступенькам и пересек темную лужайку. На дальней кромке остановился и сказал из темноты:

— Спокойной ночи.

Он побежал и уже почти скрылся из виду, когда она в ответ тоже сказала: «Спокойной ночи».

В ночной час ее разбудил какой-то шелест.

Она приподнялась на локте, прислушиваясь. Родители уже вернулись, заперли окна-двери, но что-то здесь было не так. Нет, ей слышались ни на что не похожие звуки. Лежа у себя в спальне, вглядываясь в летнюю ночь, которая совсем недавно была летним днем, она вновь услышала все тот же шорох, и оказалось, это зов гулкого тепла, и мокрой коры, и старого дуплистого дерева, вокруг которого дождь, а внутри — уют и тайна, и вдобавок это жужжение пчел, которые, возвращаясь с далеких лугов, взмывают под своды лета, в неведомую тьму.

И этот шелест — до нее дошло, когда она подняла руку, чтобы найти его на ощупь в лет-

ней ночи,— слетал с ее сонных, полуоткрытых в улыбке губ.

Ее словно подбросило и тихо-тихо поманило вниз по лестнице, за дверь, на крыльцо и через лужайку — на тротуар, где неровные «классы» меловой дорожкой уходили в будущее.

Босые ноги запрыгали по первым цифрам, оставляя влажные следы на каждой клетке, вплоть до 10 и 12, зашлепали дальше, остановились на 16, помедлили у 17, остудились и в нерешительности замерли. Потом она стиснула зубы, сжала кулаки, попятилась и...

Прыгнула в самую середину квадрата под номером 17.

Немного постояла с закрытыми глазами, чтобы испытать, каково оно там.

Потом взлетела по лестнице, нырнула в кровать и поднесла ко рту ладонь, проверяя, не ушло ли дыхание послеполуденного лета, слетает ли с губ сонный шелест — знакомый золотистый гул: да, оказалось, все в порядке.

В скором времени под эту колыбельную к ней пришел сон.

ФИННЕГАН

С

казать, что я никогда не забуду историю с Финнеганом,— значит непростительно принизить значение событий, которые окончились столь печально. Только теперь, на восьмом десятке, я нашел в себе силы описать этот случай в расчете на какого-нибудь добросовестного полицейского, который, полагаю, тут же помчится в лес с заступом и вилами, чтобы откопать мою истину или похоронить ложь.

Факты таковы.

В разное время трое ребятишек убежали гулять и не вернулись. Их тела были обнаружены в дебрях Чатэмского леса без признаков насильственной смерти, однако все они были полностью обескровлены, словно виноград, сморившийся на лозе в жаркое, засушливое лето.

Эти иссохшие останки невинных жертв породили бесчисленные слухи о вампирах и про-

чей кровожадной нечисти. Такие вымыслы всегда идут по пятам за реальными событиями. Кто, как не кладбищенский оборотень, говорили люди, обескровил и загубил троих, да, верно, и обрек на смерть три десятка других.

Детей похоронили на самом лучшем, освященном месте. Вскоре после этого сэр Роберт Мерриуэзер, достойный лавров Шерлока Холмса, но из скромности молчавший о своем таланте, миновал сто двадцать дверей родового замка и отправился на поиски мерзкого душегуба. Позвав с собою, добавим, вашего покорного слугу, чтобы нести фляжку и зонт, а также предупреждать об опасностях, которые в темном, недобром лесу могли таиться под каждым кустом.

Сэр Роберт Мерриуэзер, усомнитесь вы?

Именно он. И самых невероятных дверей в его уединенном замке насчитывалось десять десятков да еще дюжина.

Неужто хозяину служили все двери без исключения? Нет, от силы каждая девятая. Откуда же они взялись в старинном жилище сэра Роберта? Да он их коллекционировал — выписывал из Рио, Парижа, Рима, Токио и Центральной Америки. Когда приходил очередной экспонат, его тут же заносили в нижние или верхние покои, причем крепили на петлях прямо к стене, чтобы створки хорошо просматривались с обеих сторон. Потом хозяин устраивал экскурсии,

демонстрируя старинные порталы завзятым любителям антиквариата, которых приводили в восторг и затейливые излишества, и суровая простота, и рококо, и образчики раннего ампира, выброшенные на свалку племянниками Наполеона или изъятые у Германа Геринга, некогда погревшего руки в Лувре. Везли сюда в плоских деревянных ящиках и экспонаты совсем иного рода, протравленные песчаными бурями Оклахомы, оклеенные афишами ярмарок, похороненных ураганами 1936 года. Стоило только упомянуть, что бывают двери, которые вам совершенно не по вкусу,— они оказывались тут как тут. Стоило назвать самое отменное качество — в коллекции находилась дверь именно такой марки, надежно спрятанная от посторонних глаз, настоящая красавица за стенами забвения.

Сам я впервые пришел к владельцу для того, чтобы познакомиться с этой коллекцией, а не со смертью. По его воле, которая имела силу приказа, я получил возможность утолить свое любопытство, но, едва переступив порог, убедился, что сэра Роберта теперь занимает не столько собрание из десяти дюжин дверей, сколько одна-единственная *темно-серая* дверь. Тайный, доселе не найденный вход. Ведущий — куда? В могилу.

Хозяин наскоро провел экскурсию, открывая и закрывая створки дверей, спасенных от унич-

тожения в Пекине, томившихся под землей вблизи Этны или просто-напросто уворованных в Кентукки. Но изболевшимся сердцем он был далеко от этого показа, который в другое время мог бы доставить ему неподдельную радость.

Он завел речь о том, что весенние дожди напоили землю, дав жизнь растениям, и люди стали выбираться на природу, чтобы насладиться ясной погодой, но вместо этого нашли тело мальчугана, обескровленное через две ранки на шее, а пару недель спустя — тела двух девочек. Вызвали полицию; местные жители, бледные и ошеломленные, потянулись в пабы; матери запирали детей дома, а отцы пугали их рассказами об ужасах Чатэмского леса.

— Согласны ли вы,— произнес в заключение сэр Роберт,— устроить вместе со мною не совсем обычный и совсем не веселый пикник?

— Согласен,— ответил я.

Пасмурным воскресным утром мы закутались в непромокаемые накидки и, загрузив саквояж сэндвичами и красным вином, отправились в лес.

Пока мы спускались по склону в сырую, мрачную чащу, у нас было достаточно времени, чтобы вспомнить, как описывали газеты обескровленные детские тела, как полицейские десятки раз наугад прочесывали лес и как с тех пор в округе, только стемнеет, с барабанным стуком запирались все двери.

— Дело к дождю. Черт возьми. Так и есть! — Сэр Роберт воздел бледное лицо к небу, и над тонкими губами задрожали седые усы. В свои преклонные годы он был уже немощен и слаб.— Наш пикник пойдет наスマрку!

— Пикник? — переспросил я.— Убийца явится сюда перекусить вместе с нами?

— Молю Бога, чтобы так и вышло,— сказал сэр Роберт.— Да-да, молю Бога, чтобы так и вышло.

Мы шагали то сквозь туман, то сквозь неяркие лучи солнца, то через заросли, то через поляны и наконец оказались на безмолвной прогалине, где любой звук тонул в мокром частоколе деревьев, в подушках зеленого мха, в кочках лесного дерна. Голые ветви еще не почуяли весну. Равнодушный солнечный диск, напоминавший об арктических широтах, был холодным и почти безжизненным.

— То самое место,— возвестил наконец сэр Роберт.

— Где нашли детей? — уточнил я.

— Без единой кровинки.

Оглядевшись, я представил себе детские тела, ужас тех, кто их нашел, и растерянность полицейских, которые прибыли по вызову, пошептались, обыскали поляну и уехали ни с чем.

— Убийцу так и не нашли?

— Он слишком изощрен. Скажите, вы достаточно наблюдательны? — спросил сэр Роберт.

— А что надо примечать?

— В этом-то весь вопрос. Полицейские на нем споткнулись. Они вбили себе в голову, что у этой кровавой бойни — человеческий след, и пустились в розыск убийцы о двух руках, о двух ногах, в одежде и с ножом. Они хотят найти убийцу в людском обличье, упуская из виду вполне очевидное, хотя и поразительное явление. Вот это!

Он легонько постучал перед собой тростью.

Произошло что-то неуловимое. Я уставился на землю и шепнул:

— Еще раз.

И снова произошло то же самое.

— Паук,— вскричал я.— Шмыг — и нету! Проворен, однако!

— Финнеган,— пробормотал сэр Роберт.

— Что?

— Была такая присказка: «Финнеган был не зван, прошмыгнулся, как таракан». Глядите.

Перочинным ножом сэр Роберт срезал кусок дерна и отряхнул его от комков земли, чтобы показать мне какое-то гнездо. Паук в ужасе заметался и упал на землю.

Сэр Роберт передал гнездо мне.

— Ни дать ни взять серый бархат. Потрогайте. Этот пострел — образцовый строитель. Крошечное укрытие замаскировано и позволяет находиться в постоянной готовности. Здесь муха не пролетит. Выскочил, схватил, шмыг в дыру и захлопнул дверцу!

— Я и не подозревал, что вы так любите живность.

— Терпеть не могу. Но этот сорванец — особая статья: у нас с ним много общего. Двери. Петли. Все прочие паукообразные мне не интересны. Но, увлекшись коллекцией дверей, я стал изучать повадки этого необыкновенного умельца.— Сэр Роберт покачал маленькую заслонку, подвешенную на петлях из нитей паутины.— Какое мастерство! В нем-то и кроются истоки тех трагедий.

— Вы имеете в виду убийства детей?

Сэр Роберт кивнул:

— На ваш взгляд, у этого леса есть какая-нибудь особенность?

— Уж очень здесь тихо

— Тихо? — Губы сэра Роберта тронула слабая усмешка.— Да здесь царит просто невообразимое безмолвие! Ни одного привычного звука: ни птиц, ни жуков, ни кузнецов, ни лягушек. Нигде ни шелеста, ни малейшего движения. Полицейские не приняли это в расчет. Что им до таких пустяков? Но полное отсутствие лесных голосов на этой прогалине и подсказало мне невероятную теорию относительно тех убийств.

Он повертел в руках удивительную конструкцию.

— Вообразите следующую картину: паук, внушительных размеров, строит себе внушительных размеров укрытие, чтобы приманить

заигравшегося ребенка глухим шорохом, выскочить, схватить и утащить под землю, мягко хлопнув дверцей. Ну, что скажете? — Сэр Роберт обвел взглядом деревья.— Несусветная чушь? А может, что-то в этом есть? Эволюция, селекция, развитие, мутация, и вот — б-р-р-р!

Он опять постучал по земле тростью. Открылась крошечная дверца, которая тут же захлопнулась.

— Финнеган,— сказал сэр Роберт.

Небо потемнело.

— Сейчас хлынет! — Бросив хмурый взгляд на тучи, он выставил под дождь свои старческие ладони.— Дьявольщина! Паукообразные не выносят сырости. Таков и наш кровожадный Великан-Финнеган.

— Финнеган! — скептически повторил я.

— Не сомневаюсь, он существует.

— Паук величиной с ребенка?

— Вдвое больше.

Холодный ветер принял сеять морось.

— Боже праведный, неужели мы уйдем ни с чем? Быстрее — может, еще успеем. Взгляните сюда.

Сэр Роберт концом трости развернулся прелые листья, обнажив пару бурых шаров неправильной формы.

— Это еще что? — Я нагнулся.— Старинные пушечные ядра?

— Не угадали.— Он разбил их тростью.— Земля, и ничего больше.

Я потрогал темные обломки.

— Наш Финнеган занимается землеройными работами, чтобы устроить себе логово. Своими огромными, как грабли, лапами он вгрызается в почву, скатывает ее в шар и, зажав челюстями, выбрасывает из норы.

Сэр Роберт протянул мне на дрожащей ладони штук шесть округлых комков.

— Это — простые катышки из маленького паучьего гнезда. Словно игрушечные.— Тут он постучал тростью по бурым шарам, что лежали у нас под ногами.— А как вы объясните появление *вот этих*?

Я рассмеялся:

— Не иначе как сами ребяташки скатали из мокрой земли!

— Глупости! — Сэр Роберт, прия в раздражение, обшаривал яростным взглядом деревья и землю.— Клянусь, это темное чудовище притаилось где-то рядом, под бархатной створкой. Возможно, прямо у нас под ногами. И нечего таращить глаза. Его дверь при gnана без изъяна. Заправский строитель этот Финнеган. Гений маскировки!

Сэр Роберт долго не мог успокоиться, распisyвая бурые земляные шары и пресловутого паука на тонких дергающихся ногах, с хищной пастью, а деревья между тем дрожали от завываний ветра.

Вдруг он махнул тростью и вскричал:

— Берегитесь!

Я даже не успел обернуться. У меня замерло сердце, кровь застыла в жилах.

Что-то вцепилось мне в спину.

Перед этим послышался треск, будто кто-то откупорил гигантскую бутылку или стукнул заслонкой. Ползучий гад заскользил у меня вдоль позвоночника.

— Стойте! — приказал сэр Роберт.— Вот так!

Он сделал выпад тростью. Я рухнул ничком. Оторвав от меня инородное тело, он поднял его над головой.

Оказалось, это ветер с треском отломил засохший сук и запустил им мне в спину.

Дрожа с головы до ног, я едва сумел подняться.

— Бредни,— повторил я раз десять.— Чушь. Дикие бредни!

— К черту бредни, да здравствует бренди! — воскликнул сэр Роберт.— Глоток бренди?

Небо сделалось совсем черным. На нас обрушился ливень.

Одна дверь, за ней другая, потом еще и еще — и вот наконец мы на пороге кабинета в родовом замке сэра Роберта. Теплая, уютная комната с камином, где на углях играет огонь. Мы с аппетитом съели сэндвичи, дожидаясь прекращения дождя. По расчетам сэра Роберта, небо должно было проясниться часам к восьми, и у нас

еще оставалась возможность при свете луны возвратиться, хоть и с вяющей неохотой, в Чатэмский лес. У меня из головы не шел засохший сук с цепкой паучьей хваткой; пришлось для храбрости глотнуть и вина, и бренди.

— В лесу стоит полная тишина,— сказал сэр Роберт, завершая трапезу.— Разве обыкновенный злоумышленник смог бы добиться такого безмолвия?

— Отчего же нет? Какой-нибудь маньяк, расставив ловушки с отравленной приманкой, разбросав повсюду порошок от насекомых, вполне может уничтожить всех птиц, зайцев и жуков,— возразил я.

— С чего бы ему этим заниматься?

— Чтобы породить слухи об огромном пауке. Чтобы совершить идеальное преступление.

— Никто, кроме нас с вами, не придает значения этой тишине, даже полиция. Разве убийца стал бы себя утруждать без особой надобности?

— А при чем тут убийца? Можно ведь и так поставить вопрос.

— Не уверен, что это будет правильно.— Сэр Роберт запил сэндвичи добрым вином.— Эта прожорливая тварь опустошила весь лес. Когда другой добычи не осталось, она принялась за детей. Полная тишина, цепочка убийств, обилие пауков-строителей, большие земляные катыши — все сходится.

Старческая ладонь поползла по столешнице — ни дать ни взять чистый, ухоженный паук. Потом сэр Роберт сложил высохшие руки чашей и поднял их перед собой.

— На дне паучьей норы образуется форменная свалка из объедков живности, употребленной в пищу. Попытайтесь вообразить, как выглядит такая свалка в логове нашего Великан-Финнегана!

Я попытался. У меня перед глазами возник притаившийся за темной дверью Восьминогий Великан, а потом — бегущий в лесном полумраке ребенок с веселой песенкой на устах. Невидимое засасывающее движение воздуха, прерванная песенка — и вот уже прогалина пуста, эхо разносит стук упавшей заслонки, а под слоем черной земли беззвучно суетится паук: связывает онемевшего ребенка, орудя дирижерскими палочками своих тонких ног.

Что же хранит свалка в норе этого невообразимого паука? Какие объедки жутких пиршеств? Меня передернуло.

— Дождь вот-вот прекратится,— удовлетворенно заметил сэр Роберт.— Назад, в лес. Мне потребовалась не одна неделя, чтобы начертить карту этого проклятого места. Все тела были обнаружены на одной и той же полуоткрытой прогалине. Туда-то и повадился душегуб, если это, конечно, человек. Или же там обитает, прямо в склепе, коварный шелкопряд, землекоп, дверных дел мастер.

— Нельзя ли без подробностей? — запротестовал я.

— Слушайте дальше.— Сэр Роберт как ни в чем не бывало допил бургундское.— Выброшенные тела несчастных детей были найдены с интервалом в тринадцать дней. Отсюда следует, что этот мерзкий восьминогий хищник кормится раз в две недели. Сегодня — как раз четырнадцатые сутки со дня последнего убийства, когда в лесу нашли сухую кожу да кости. К ночи наш тайный знакомец непременно проголодается. Итак! Не пройдет и часа, как вы будете представлены Финнегану, великому и ужасному!

— По этому поводу,— сказал я,— необходимо выпить.

— Я ухожу.— Сэр Роберт миновал дверь эпохи Людовика XIV.— Чтобы отыскать последнюю, роковую и самую зловещую дверь из всех, какие мне попадались. Следуйте за мной.

Да будь я трижды проклят! Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Солнце зашло, дождь перестал, тучи расступились и обнажили холодную, растревоженную луну. Мы шли вперед, наше молчание растворялось в молчании обессиленных троп и прогалин, и тут сэр Роберт протянул мне изящный серебряный пистолет.

— Впрочем, едва ли он вам поможет. Убить гигантского паука не так-то просто. Неизвестно,

куда метить. Если промахнетесь, времени для второго выстрела не останется. Эти проклятые твари — что большие, что малые — двигаются молниеносно.

— Благодарю.— Я принял у него оружие.— Мне нужно выпить.

— Разумеется.— Сэр Роберт достал серебряную фляжку с бренди.— Пейте на здоровье.

Я сделал глоток.

— А вы?

— У меня есть другая, заветная, фляжка.— Сэр Роберт продемонстрировал свой запас.— Для особых случаев.

— Зачем же себе отказывать?

— Я решил застать изверга врасплох и должен действовать на трезвую голову. Но за четыре секунды до его нападения хлебну из этой фляжки славного «Наполеона» и преподнесу кое-кому неприятный сюрприз.

— Сюрприз?

— Не будем опережать события. Увидите все своими глазами. И этот подлый душегуб — тоже. А теперь, любезнейший, мы с вами расстанемся. Мне — сюда, а вам — вот туда. Если нет других соображений.

— Какие могут быть соображения, когда у меня поджилки трясутся? Что это у вас?

— Держите. На случай, если я не вернусь.— Он вручил мне запечатанный конверт.— Прочтете вслух в присутствии полицейских. Это

поможет отыскать и меня, и Финнегана. Кому потеря, кому находка.

— Умоляю, избавьте меня от подробностей. И без того я, как дурак, таскаюсь за вами по лесу, а Финнеган — если, конечно, он существует — устроился в тепле прямо у нас под ногами да еще злорадствует: «Вот болваны, принесла их нелегкая в такой холод. Чтоб они околели!»

— Как знать. Все, ступайте. Если мы пойдем вдвоем, он носа не высунет. А так выглядит из какой-нибудь незаметной трещины, обведет поляну выпученным глазом, потом нырнет воссвояси, и — *вж-ж-жик* — один из нас провалится во тьму.

— Только, чур, не я. Чур, не я.

Нас разделяло футов шестьдесят; в тусклом лунном свете мы уже начали терять друг друга из виду.

— Вы где? — окликнул меня сэр Роберт из темных зарослей, словно из другого мира.

— К несчастью, здесь, — прокричал я в ответ.

— Вперед! — потребовал он. — Держитесь в пределах видимости. Подойдите поближе. Мы почти у цели. Я это чувствую, я почти...

Последняя туча отплыла в сторону, и луна ярко осветила сэра Роберта, который полуприкрыл глаза и размахивал руками, как щупальцами, задыхаясь в нетерпеливом ожидании.

— Ближе, еще ближе, — едва слышно выдохнул он. — Не отходите. Тише. Кажется...

Он замер. В его облике отразилось нечто такое, от чего мне захотелось сорваться с места, броситься к нему, столкнуть с кочки, на которой он остановился.

— Сэр Роберт, что с вами? — закричал я.— Бегите!

Но он прирос к месту. Одна рука резала воздух, как дирижерская палочка, что-то искала и пыталась нашупать, а другая рванулась вниз и вытащила серебряную фляжку. Он поднял ее над головой, навстречу луне, как прощальную чашу. Потом, словно мучимый жаждой, сделал огромный глоток, второй, третий и — о боже! — четвертый!

Разведя руки в стороны, он подставил грудь ветру, запрокинул голову, по-мальчишески рассмеялся и вил в себя последние капли заветного напитка.

— Эй ты, Финнеган, покажись, не таись! — воскликнул он.— Попробуй съешь меня!

Он топнул ногой.

Издал победный клич.

И тут же исчез.

Через мгновение все было кончено.

Нечто мелькнуло и расплылось, из земли с шелестом вырос темный пучок, втянул в себя воздух, раздался глухой удар упавшего тела и хлопок створки.

Прогалина опустела.

— Сэр Роберт! Спасайтесь!

Но спасаться было некому.

Забыв, что меня может постичь та же участь, я бросился туда, где сэр Роберт только что изобразил свой отчаянный тост.

Неотрывно глядя на опавшую листву, я так и не уловил ни звука, только сердце колотилось как бешеное, а там, где листья ветром уносило в сторону, виднелись лишь камешки, сухая трава да голая земля.

По всей видимости, я, запрокинув голову, стал выть на луну, как пес, а потом упал на колени и, не чувствуя страха, принял разгребать руками землю в поисках врат подземного склепа, где тонкие ноги бесшумно сучили нить, опутывая и усыпляя добычу, которая совсем недавно была моим добрым знакомым. Это и есть последняя дверь, пронеслось у меня в голове, когда я иступленно выкрикивал его имя.

Мне удалось найти лишь курительную трубку, трость да пустую фляжку из-под бренди, оброненные на том месте, где он простился с ночью, с жизнью, со всем на свете.

Не без труда поднявшись, я выпустил из пистолета шесть пуль в бесчувственную землю, хотя большей глупости было не придумать, а потом начал мерить нетвердыми шагами эту невесть откуда взявшуюся могилу, эту замурованную гробницу, не теряя надежды услышать приглушенные крики, стоны, мольбы о помощи,— но все напрасно. Безоружный, я описывал круг за

кругом и содрогался от рыданий. Мне хотелось остаться там до утра, но кипы падающих листьев и лютое паучье вероломство сухих веток наполнили мое сердце мучительным ужасом. На бегу я все еще повторял его имя среди безмолвия, запечатанного тучами, которые полностью скрыли луну.

Добравшись до замка, я стал барабанить в дверь, стеная и захлебываясь, пока не вспомнил: она открывалась внутрь и никогда не запиралась.

В полном одиночестве я сидел в библиотеке и, возвращая себя к жизни при помощи спиртного, читал письмо, оставленное мне сэром Робертом.

Дорогой Дуглас,

Я уже стар и много повидал на своем веку, но пока пребываю в здравом уме. Финнеган — это не плод воображения. Мой аптекарь снабдил меня сильнодействующим ядом, который в преддверии нашего похода я смешаю с бренди. Это зелье надо выпить до дна. Финнеган не распознает отправленную приманку и с наскоку затащит меня к себе в логово. Был человек — и пропал. Но в считанные минуты после собственной смерти я принесу смерть этой твари. Полагаю, на земле больше не существует таких особей-людоедов. Он сгинет, и его роду конец.

Несмотря на свой возраст, я чрезвычайно любознателен. Смерть мне не страшна. Врачи говорят, я все равно долго не протяну — либо сверну себе шею, либо умру от саркомы.

Вначале у меня была мысль подсунуть нашему врагу отравленного кролика. Но как тогда выяснить, существует ли на самом деле этот Финнеган и где его нора? Сдохни он в своем мрачном подземелье — я так и останусь в неведении. Поэтому я избрал другой способ: хотя бы на один победный миг мне откроется истина. Сочувствуйте мне. Завидуйте. Молитесь за меня. Не обессудьте: ухожу, не прощаясь. Крепитесь, друг мой.

Сложив письмо, я разрыдался.

Больше сэра Роберта никто не видел.

Поговаривают, будто он совершил самоубийство, разыграв мелодраму собственного сочинения, и по прошествии времени мы откопаем бренные останки его сухопарого тела; поговаривают, будто это он сам убивал детей; будто его увлечение дверными створками и петлями и вообще пристрастие к дверям разожгло в нем болезненный интерес к определенному роду пауков, вследствие чего он с маниакальной настойчивостью принялся изобретать и мастерить самую удивительную дверь на свете, вырыл какую-то нелепую берлогу да сам же в нее и прыгнул за своей смертью прямо у меня на глазах, чтобы увековечить этого выдуманного Финнегана.

Но я не нашел никакой берлоги. Думаю, простой смертный не станет сооружать врата в преисподнюю, даже если это сэр Роберт, азартный собиратель дверей.

Но у меня остаются вопросы: станет ли простой смертный убивать, обескровливать тела своих жертв, строить подземный склеп? Что стоит за этими поступками? Желание создать самый изощренный, тайный способ ухода? Какая глупость. А откуда взялись огромные бурые катыши, якобы выброшенные из паучьей норы?

Где-то глубоко под землей, в безымянном склепе, что устлан серым бархатом, лежат, соединившись навеки, Финнеган и сэр Роберт. Не берусь утверждать, что первый — это параноидальное альтер-эго второго. Но как бы то ни было, убийства прекратились, в Чатэмском лесу опять бегают зайцы, среди кустов порхают птицы и бабочки. Пришла новая весна, и по лесной прогалине, разгоняя тишину, с криком носится детвора.

Финнеган и сэр Роберт, покойтесь с миром.

РАЗГОВОР В НОЧИ

B

поздний ночной час он услышал плач. Женский плач. Нетрудно было понять, что на лужайке перед домом всхлипывает не маленькая девочка и не зрелая матрона, а юное существо лет восемнадцати-девятнадцати. Плач не умолкал довольно долго, постепенно затихал, потом начинался заново, да еще летний ветер, обеспокоенный приближением осени, переносил эти рыдания то в одну сторону, то в другую.

Лежа в постели, он прислушивался до тех пор, пока к горлу не подступил ком. Тогда уж он повернулся на другой бок, зажмурился, дал волю слезам, но так и не избавился от посторонних звуков. Мыслимое ли дело, чтобы какая-то молоденькая незнакомка среди ночи приходила к нему поплакать?

Стоило ему сесть в кровати, как рыдания прекратились.

Подойдя к окну, он посмотрел вниз. На лужайке никого не было, трава блестела от росы. От края к самой середине, где совсем недавно кто-то переминался с ноги на ногу, вела цепочка следов, а другая такая же цепочка уходила в сад, раскинувшись позади дома.

Лужайку освещала полная луна, однако никаких призраков не было и в помине, только эти цепочки следов.

Отойдя от окна, он почему-то продрог и направился вниз — согреться и выпить горячего шоколада.

Этот плач он выбросил из головы до следующего вечера, но и тогда решил, что приходила, скорее всего, какая-нибудь соседка, у которой случились неприятности, — наверно, не могла попасть домой и остановилась излить свое горе.

И все же?..

В сгущающихся сумерках он шел домой от автобусной остановки и с удивлением поймал себя на том, что ускорил шаги. К чему бы это?

Идиот, обругал он себя. Вчера под твоим окном плакала девушка, которую ты даже не видел, а сегодня, чуть стемнело, уже готов бежать сломя голову.

Допустим, ответил он себе, но этот голос!

Что в нем особенного: красивый?

Нет, не в том дело. Знакомый.

Где же он слышал этот голос, бессловесный в рыданиях?

И спросить не у кого, если живешь в пустом доме, откуда родня съехала в незапамятные времена.

Он свернул к себе на лужайку и остановился с затуманенным взором.

А чего он, собственно, ожидал? Что она будет дожидаться на том же месте? Неужели ему так одиноко, что какой-то голос, услышанный далеко заполночь, разбередил все чувства?

Нет. Попросту говоря, ему не терпелось выяснить, кто такая эта плачущая незнакомка.

У него не было ни малейшего сомнения, что сегодня она вернется, стоит ему только заснуть.

Он лег в одиннадцать и, проснувшись в три, расстроился, что проспал чудо. Может, соседний городок сгорел от удара молнии, может, землетрясение уничтожило половину земного шара — он спал как убитый!

Недотепа! — упрекнул он сам себя. Откинул простыни, подскочил к окну — и убедился, что действительно проспал все на свете.

Ибо трава была примята изящными следами.

А он даже не слышал рыданий!

Ему захотелось сбежать вниз и рухнуть на колени посреди лужайки, но в эту минуту по улице медленно проехала полицейская машина, которая патрулировала темень и пустоту.

Мыслимо ли метаться по лужайке, что-то высматривать, прочесывать траву, если полицейская машина вот-вот поедет в обратную сторо-

ну? Как он объяснит свое поведение? Собирает клевер? Выпалывает одуванчики? Что, что еще придумать?

Его просто разрывало от нерешительности. Спускаться — не спускаться?

Да и то сказать, услышанные рыдания уже начали выветриваться из памяти, хотя он силился их запомнить. Если упустить ее и на следующую ночь, то даже воспоминаний не останется.

Позади него, на ночном столике, зазвонил будильник.

Что за чертовщина, подумал он. На какое же время я его поставил?

Он нажал кнопку и, присев на кровать, стал слегка раскачиваться с закрытыми глазами, а сам ждал и прислушивался.

Ветер переменился. Дерево за окном встрепенулось и зашептало. Открыв глаза, он подался вперед. Сначала вдалеке, потом ближе, потом под самым окном раздался тихий девичий плач.

Она вернулась к нему на лужайку, значит, он не совсем пропавший. Сиди тихо-тихо, приказал он себе.

И ветер, отодвинув занавеску, принес ее рыдания к нему в спальню.

Теперь осторожно. Осторожно, но быстро.

Он подкрался к окну и посмотрел вниз.

Стоя посреди лужайки, она плакала, и ее лицо, в обрамлении длинных, рассыпанных по плечам темных волос, блестело от слез.

Что-то было невыразимое в том, как подрагивали опущенные руки, как ветер беззвучно шевелил ее волосы,— он поежился и едва устоял на месте.

Определенно, он ее знал — и не знал. Видел ее прежде — и никогда не видел.

Поверни голову, подумал он.

Словно в ответ его мыслям, ночная гостья опустилась коленями на траву, позволив ветру разгладить ее волосы, склонила голову и зарыдала так отчаянно и горько, что ему тоже захотелось плакать. Нет, не надо! У меня сердце разрывается!

Она опять будто бы услышала, внезапно за-прокинула голову и начала успокаиваться, глядя на луну,— тут-то он и рассмотрел ее лицо.

И вправду он когда-то уже его видел, но где?

Упала слезинка. Дрогнули веки.

Словно шторка фотоаппарата.

— Провалиться мне на этом месте! — зашептал он.— Не может быть!

Он резко развернулся и, не чуя под собой ног, бросился к чулану, из которого обрушилась лавина коробок и альбомов. Сначала он рылся на ощупь, потом зажег в чулане свет, отшвырнул в сторону шесть альбомов, наконец-то вытащил нужный и принялся торопливо листать страницы; в какой-то момент он ахнул и остолбенел, потом поднес фотографию к глазам и, как слепой, побрел назад, к окну.

Пристально поглядев вниз, на лужайку, он перевел взгляд на фотографию, совсем ветхую, пожелтевшую от времени.

Да, да, оно самое! От этого образа у него началась резь в глазах, а потом и в сердце. Его тряслось, как от нещадных ударов, когда он, не выпуская альбома из рук, оперся на подоконник и почти выкрикнул:

— Эй, ты! Как ты посмела сюда вернуться? Как посмела прийти молодой? Как посмела явиться в таком обличье? Бродишь ночами по моей лужайке, как девушка-недотрога! Да ты отродясь не была молодой! Никогда! Будь проклята, будь трижды проклята твоя горячая кровь, будь проклята твоя необузданная душа!

Но он этого не выкрикнул и вообще не произнес ни звука.

Зато в его глазах что-то полыхнуло, как сигнальный огонь.

Плач прекратился.

Девушка посмотрела наверх.

И в этот миг альбом выскользнул у него из пальцев и полетел из распахнутого окна на землю, как бьющая крыльями ночная птица.

С приглушенным криком он развернулся и побежал вниз.

— Нет, нет,— вопил он что есть мочи.— Я совсем не то хотел... Вернись!

В считанные секунды он скатился по лестнице и оказался на крыльце. У него за спиной ру-

жейным выстрелом хлопнула дверь. Этот грохот пригвоздил его к перилам, ровно на полпути к лужайке, где теперь оставались одни только следы. Улица зияла пустыми тротуарами, деревья отбрасывали тени. В доме за деревьями на втором этаже бубнило радио. На дальнем перекрестке урчал проезжающий автомобиль.

— Постой,— шептал он.— Вернись. У меня просто сорвалось...

Он осекся. Ведь те слова не были сказаны вслух, это всего лишь мысли... Всплеск ярости, ревности.

Вот это она и уловила. Каким-то образом расслышала. А теперь?..

Больше она не вернется, подумал он. Что ж поделаешь...

Он молча посидел на крыльце, кусая костяшки пальцев.

В три часа ночи за окном спальни ему послышался вздох, а потом тихие шаги по траве; он выжидал. Фотоальбом, уже закрытый, лежал на полу. Но все равно в нем явственно виделось и узнавалось ее лицо. Хотя это уму непостижимо — чистой воды помешательство.

Перед тем как заснуть, он успел подумать: призрак.

Очень странный призрак.

Призрак той, что умерла.

Призрак той, что умерла в старости.

Но явилась другой.

Явилась совсем юной.
Но ведь призрак навечно остается в том возрасте, в каком человека настигла смерть, верно?
Нет, не верно.
По крайней мере, этот призрак опровергал такую молву.
— Почему?.. — зашептал он.
Но сон оказался сильнее шепота.

Прошла ночь, потом еще одна, и еще — а на лужайке было пусто; даже луна, которая прежде смотрела в упор, теперь слегка отвернулась и нахмурилась.

Он ждал.
Во мраке первой ночи, ровно в два часа, через палисадник прошла кошка, совсем не похожая на простое бродячее животное.

На вторую ночь протрусил, улыбаясь деревьям, пес, чей высунутый красный язык болтался, как небрежно повязанный галстук.

На третью ночь, от двадцати пяти минут первого до четырех утра, в воздухе между лужайкой и деревьями трудился паук, сооружая диковинный циферблат, который на рассвете смахнула крылом пролетавшая птица.

Он проспал почти весь воскресный день и в сумерках проснулся от озноба, хотя был совершенно здоров.

На пятый день, когда стемнело, цвет неба вроде как посулил ее скорое возвращение; такую

же надежду внушали ветер, льнувший к деревьям, и облик луны, которая наконец-то осветила место действия.

— Понятно,— сказал он вполголоса.— Уже скоро.

Но в полночь ничего не произошло.

— Ну же,— шептал он.

Час ночи — и опять ничего.

Ты должна прийти, твердил он про себя.

Нет, не так: ты непременно придешь.

Он уснул на каких-то десять минут и проснулся, как от толчка, в десять минут третьего в твердой уверенности: стоит только подойти к окну — и...

Она будет там.

Так и вышло.

Вначале он ее не увидел и даже застонал, но потом заметил какое-то шевеление в тени старого дуба: оттуда показался башмачок, а потом появилась и она сама, сделала шаг и застыла.

Он задержал дыхание, подождал, пока успокоится сердце, и дал себе команду развернуться кругом, двинуться вперед и осторожно спуститься по лестнице, отсчитывая ступени: пятнадцать, четырнадцать, тринадцать, двигаясь в темноте без спешки: шесть, пять, четыре — и так до первой. Он отворил дверь с еле слышным шорохом и бесшумно переступил через порог, чтобы не спугнуть ночную гостью.

Так же тихо он сошел с крыльца и остановился на краю лужайки, будто дальше начинался пруд. Посреди этого пруда стояла, как на тонком льду, девушка, боявшаяся сделать шаг, чтобы не уйти под воду.

Ей не было его видно. И тогда...

Она, можно сказать, подала сигнал.

На сей раз ее волосы были стянуты на затылке. Взмахом своих белых рук, одним касанием пальцев, прикосновением снежинок, она распустила узел.

Упавшие темной пелериной волосы заструились и улеглись на ее плечах, которые подрагивали вместе с тенями.

Ветер тронул темные пряди, провел ими по ее лицу, по ладоням, еще поднятым кверху.

Тени, упрятанные лунным светом под каждое дерево, закачались, словно повинувшись этому движению.

Весь мир заворочался во сне.

Ветер все усиливался; гостья ждала.

По белым тротуарам не застучали шаги. На целой улице — насколько хватало глаз — не открылась ни одна дверь. Не поднялась оконная рама. Не скрипнуло, не дрогнуло ни одно крыльцо.

Он сделал еще один шаг по маленькой лунной поляне.

— Кто ты?.. — ахнула она и попятилась.

— Не бойся, не бойся, — тихо сказал он. — Все хорошо.

По ее телу опять пробежала дрожь. Проблеск надежды, ожидания сменился страхом. Одна рука придерживала развеивающиеся на ветру волосы, другая загораживала лицо.

— Я ближе не подойду,— сказал он.— Верь мне.

Она не сводила с него глаз; после долгой паузы ее плечи немного расслабились, горькие складки в уголках рта разгладились. Все ее существо прониклось правдивостью его слов.

— Ничего не понимаю,— сказала она.

— Я тоже.

— Что ты здесь делаешь?

— Сам не знаю.

— А я что здесь делаю?

— Пришла с кем-то повидаться.

— Неужели?

Вдалеке городские часы пробили три раза. Она прислушалась, и ее лицо затуманилось от боя курантов.

— Но ведь сейчас так поздно. По ночам люди не выходят из дома на лужайку.

— Выходят, если этого не миновать,— возразил он.

— Зачем?

— Может, мы на этот вопрос ответим сообща, если потолкуем.

— О чём, скажи на милость?

— О том, что тебя сюда привело. Если поговорим без спешки, может, и выясним. Я-то знаю, почему пришел. Услышал, как ты плачешь.

— Ох, мне так стыдно.

— Напрасно. Чего тут стыдиться? На меня, например, частенько накатывают слезы. А потом разбирает смех. Но это — только когда поплачешь. Так что не стесняйся.

— Странный ты, честное слово.

Ее рука отпустила волосы. Другая рука отстринилась, и на девичьем лице отразилось робкое, но неугасающее любопытство.

— Я-то думала, только со мной такое бывает.

— Все так думают. Просто мы не привыкли этим делиться. Но если увидишь мрачную физиономию — будь уверена: человек никогда не плачет. Встретишь помешанного — будь уверена: он давным-давно осушил слезы. Ты не смущайся.

— Кажется, у меня слезы кончились.

— Ничего, можно и по второму разу.

У нее вырвался тихий смешок.

— Да ты и впрямь с чудинкой. Кто ты такой?

— После скажу.

Стоя посреди лужайки, она пристально изучала его руки, лицо, губы, потом глаза.

— А ведь я тебя знаю. Вот только откуда?

— Так недолго все испортить. И потом, ты все равно не поверишь.

— Поверю!

Теперь настал его черед тихонько рассмеяться.

— Ты совсем девчонка.

— А вот и нет, девятнадцать стукнуло! Струха уже.

— И то верно, когда девчонке от двенадцати до девятнадцати, на нее годы давят. Уж не знаю, почему так получается. А теперь сделай одолжение, объясни, чем ты тут занимаешься по ночам?

— Я... — Она закрыла глаза, обдумывая ответ. — Жду.

— Вот как?

— И грущу.

— Грустишь оттого, что приходиться ждать?

— Да вроде нет.

— А сама-то знаешь, чего ждешь?

— Кто тут разберет. Просто нутром чего-то жду, и все тут. Не знаю, как сказать словами. И понять не могу. Голова непутевая!

— Будет тебе! Ты — как все, кто быстро взрослеет и многоного желает. Сдается мне, девчонки, девушки вроде тебя, испокон веков ускользали из дома. Как у нас в Гринтауне, так и в Каире, и в Александрии, в Риме, в Париже. Проснутся летней ночью — и ноги сами несут их в укромное место, будто кто-то позвал по имени...

— Верно, кто-то меня позвал! Так и было! Позвали по имени! Истинная правда! А ты откуда знаешь? Не ты ли меня позвал?

— Нет, не я. Хотя мы с тобою оба с ним знакомы. Имя вспомнишь, когда вернешься домой — уж не знаю, в какую тебе сторону, — и ляжешь спать.

— Что значит «в какую сторону»? Вот же мой дом, позади тебя,— сказала она.— Туда и пойду. Я здесь родилась.

— Надо же,— засмеялся он.— Я тоже.

— Ты? Кроме шуток? Честно?

— Ну, да. Стало быть, ты слышала, как тебя позвали. Вышла из дома...

— Все верно. Уже не в первый раз. И, как всегда, никого не застала. Но здесь точно кто-то есть, я ведь не ослышалась?

— Настанет время — и появится человек, которому как раз впору будет тот голос.

— Ох, зачем ты меня дразнишь?

— Я не шучу. Поверь мне. Так и будет. Уж сколько девушек слышали этот зов — в разные годы, в разных местах, в летний зной, а то и в зимнюю стужу выходили они прямо на холод, и стояли, не замерзая, среди сугробов, и прислушивались, и высматривали незнакомые следы на полночном снегу, а мимо пробегал только старый пес, оскалившиесь в улыбке. Вот ведь незадача, такая незадача.

— И верно, такая незадача.— Он успел разглядеть улыбку, хотя луна вышла всего лишь на миг и тут же спряталась за тучи.— Глупости это все, да?

— Вовсе нет. У парней случается то же самое. Лет в шестнадцать-семнадцать начинают совершать дальние походы. Конечно, такой не будет стоять на одном месте, ожидая неизвест-

но чего. Но уж как зашагает — не остановишь! От полуночи до рассвета может отмахать не одну милю, домой доберется без сил, там его словно прорвет, а потом, во сне, ему привидится собственная смерть.

— Даже обидно: одни стоят, другие шагают — и никак им не...

— Не повстречаться?

— Вот-вот. Жалко, правда?

— Рано или поздно встречи не миновать.

— Ну нет, мне уже никого не встретить. Я старая, страшная, гадкая и этот голос слышу многие ночи подряд: он зовет, я выхожу, а там — никого, хоть умри.

— О прекрасная дева,— негромко произнес он.— Не умирай. Всадники уже мчатся на подмогу. Тебя спасут.

В его словах было столько уверенности, что она невольно подняла глаза, хотя до этого смотрела на свои руки, в которых держала душу.

— Ты точно знаешь? — спросила она.

— А как же!

— Честно? Не обманываешь?

— Богом клянусь, клянусь всем сущим.

— Тогда рассказывай дальше.

— Рассказывать-то особенно нечего.

— Нет, рассказывай!

— Все у тебя будет хорошо. Очень скоро, в один прекрасный день или в одну прекрасную ночь, кое-кто тебя позовет, ты выйдешь — а он тут как тут. На этом игра и закончится.

- Игра в прятки? Уж очень она затянулась.
- Она, почитай, закончилась, Мари.
- Тебе известно мое имя?!
- Смутившись, он замолчал. В его планы не входило себя выдавать.
- Как ты узнал и, вообще, кто ты такой? — не отступала она.
- Сегодня ночью заснешь — и узнаешь. Если слишком многое будет сказано словами, то ты исчезнешь, а может, я исчезну. Теперь я и сам не знаю, кто из нас двоих — призрак.
- Только не я! Уж конечно не я. Вот, до меня можно дотронуться. Я стою на земле. Да что там говорить — взгляни! — И она протянула ему на ладони последние слезы, которые смахнула с ресниц.
- И впрямь настоящие. Что ж, милая девочка, остается признать, что ночной гость — это я сам. Явился тебе сообщить, что все будет хорошо. Ты веришь, что бывают особенные призраки, необыкновенные?
- А что в тебе особенного?
- Кто-то из нас двоих необыкновенный. А может, мы оба. Призрак влюбленности, призрак рождения.
- Я или ты?
- Парадоксы трудно объяснить.
- Все зависит от того, как посмотреть: одного из нас вообще не может быть — либо тебя, либо меня.

— Если тебе так проще, считай, что меня здесь нет. Скажи, ты веришь в призраков?

— Кажется, верю.

— Так вот, сдается мне, они бывают особенноими. Не призраки мертвцев. А призраки желаний и надежд, можно даже сказать, призраки влечений.

— Не понимаю.

— Ну, случается у тебя, скажем, такое: ты в поздний час, вечером или ночью, лежишь в постели без сна, а тебя одолевают грезы, до того настойчивые, что от них душа рвется из тела, словно кто-то дергает длинное белое полотнище, вывешенное из окна? Когда чего-то хочется так сильно, что душа расстается с телом и летит вдогонку за желанием, да еще с невообразимой скоростью?

— Вообще-то... да. Случается!

— Мальчишкам это знакомо, да и взрослым тоже. Я, например, в двенадцать лет зачитывался романами Берроуза про Марс. В них Джон Картер вставал под звездами, воздев руки к Марсу, и просил о перелете. Тогда Марс забирал у него душу, выдергивал его, как больной зуб, из обычной жизни, перебрасывал через космос и опускал среди мертвых марсианских морей. Мальчишки, мужчины — они такие.

— А девчонки и женщины?

— Они просто грезят. И тогда призраки вырываются на свободу. Ожившие призраки. Ожившие надежды. Ожившие влечения.

— Это они зимними ночами приходят на лужайку?

— Можно и так сказать.

— Выходит, я призрак?

— Да, призрак-желание — такое сильное, что оно тебя убивает, но никак не убьет, сотрясает и разве что не сокрушает.

— А кто же ты?

— Наверно, призрак-ответ.

— Призрак-ответ. Ну и ну!

— Сама посуди. Не успела ты задать вопрос — у меня уже готов ответ.

— Вот и отвечай!

— Хорошо, слушай, девочка-женщина. Время ожидания почти прошло. Время отчаяния вот-вот закончится. Скоро, теперь уже совсем скоро, тебя позовет какой-то голос, и когда ты явишься — в двух лицах: призрак-желание и покинутое им тело, — перед тобой будет стоять парень, которому придется впурю тот голос.

— Умоляю, не говори о том, чему не бывать! — воскликнула она дрогнувшим голосом. У нее на глазах опять блеснули слезы. Она полузакрыла лицо руками, словно защищаясь.

— Я тебя дразнить не собираюсь. Мое дело — ответить, вот и все.

Городские куранты в очередной раз пробили в ночи.

— Поздно уже, — сказала она.

— Очень поздно. Тебе пора.

— Больше ничего не скажешь?

— А тебе больше ничего и не нужно.

Замерло последнее эхо огромных башенных часов.

— Как удивительно,— прошептала она.— Призрак-вопрос, призрак-ответ.

— Славные призраки, лучше не бывает, верно?

— Мне не встречались. Мы с тобой — близнецы.

— Куда ближе, чем ты думаешь.

Сделав шаг, она посмотрела вниз и радостно ахнула:

— Ты видишь? Видишь? Я могу двигаться!

— Вижу.

— Как ты там сказал: мальчишки совершают ночные вылазки, могут отмахать не одну милю.

— Да, так и есть.

— Если я сейчас вернусь к себе, то все равно не усну. Меня тоже тянет совершить вылазку.

— Тогда не медли,— сказал он тихо.

— А куда идти?

— Ну...— протянул он и внезапно нашел ответ. Теперь он твердо знал, куда ее направить, и вдруг разозлился на себя самого за такое все-знайство, а в придачу и на нее — за этот вопрос. Горло сжала ревность. Ему захотелось пропустить по улице, добежать до дома, где в другие времена жил некий человек, разбить окно, поджечь крышу. Что же будет, что будет, если и вправду так поступить?

— В какую сторону? — спросила она, не дождавшись ответа.

Теперь, подумал он, придется сказать. Делать нечего.

Если не сказать, то ты, мстительный идиот, никогда не появишься на свет.

У него вырвался неистовый смех, что вобрал в себя целую ночь, и вечность, и безумные мысли.

— Стало быть, хочешь узнать дорогу? — переспросил он, поразмыслив.

— Непременно!

Он кивнул.

— До угла, направо четыре квартала, потом налево.

Она быстро повторила.

— Какой там адрес?

— Грин-Парк, дом одиннадцать.

— Вот спасибо! — Она поднялась на пару ступенек и вдруг пришла в замешательство, беспомощно обхватив ладонями шею. Губы задрожали. — Странно как-то получается. Не хочу уходить.

— Почему?

— Да потому... Вдруг я тебя больше не увижу?

— Увидишь. Через три года.

— Это точно?

— Я буду не таким, как сейчас. Но это буду я. И ты уже никогда меня ни с кем не перепутаешь.

— Ну, тогда мне легче. Между прочим, твоё лицо мне знакомо. Откуда-то я тебя знаю, и очень хорошо.

Оглядываясь на него, она стала медленно подниматься по лестнице, а он все так же стоял у крыльца.

— Спасибо,— повторила она.— Ты спас мне жизнь.

— И себе — тоже.

Тени деревьев упали на ее лицо, пробежали по щекам, мелькнули в глазах.

— Бывает же такое! Ночами, когда не спится, девчонки придумывают имена для своих будущих детей. Ужасная глупость. Джо. Джон. Кристофер. Сэмюэль. Стивен. Теперь вот пришло в голову — Уилл.— Она дотронулась до мягкого, чуть округлого живота, а потом протянула руку в темноту.— Тебя ведь зовут Уилл?

— Да.

У нее хлынули слезы.

Он зарыдал вместе с ней.

— Все хорошо, все прекрасно,— выговорила она, помолчав.— Теперь можно уходить. Больше не появлюсь на этой лужайке. Слава богу, и спасибо тебе за все. Доброй ночи.

Ступая по траве, она ушла в темноту и двинулась по тротуару вдоль проезжей части. На дальнем углу обернулась, помахала ему и исчезла.

— Доброй ночи,— негромко отозвался он.

Что ж это такое, подумалось ему: то ли я еще не появился на свет, то ли ее уже давно нет в живых? Одно или другое?

Луна уплыла за тучу.

Это движение побудило его сделать шаг, приблизиться к крыльцу, подняться по ступеням, войти в дом и затворить дверь.

Деревья вздрогнули от налетевшего ветра.

Тут снова показалась луна, чтобы оглядеть лужайку, где тянулись по росистой траве две цепочки следов: одна в одну сторону, другая — в другую, и обе медленно, медленно уходили вместе с ночью.

Когда луна завершила свой путь по небу, внизу только и осталось, что нехоженая лужайка в обильной росе.

Часы на башне пробили шесть раз. На востоке зарделся огонь. Где-то прокричал петух.

УБИТЬ ПОЛЮБОВНО

||

Джошуа Эндерби проснулся среди ночи, ощущив у себя на шее чьи-то пальцы.

В густой тьме он скорее угадал, нежели разглядел невесомое, тщедушное тельце, нависшее прямо над ним: его благоверная пристраивалась так и этак, норовя трясущимися руками сдавить ему горло.

Он широко раскрыл глаза. До него дошло, что она задумала. Это было так нелепо, что он едва не расхохотался!

Его половина, дряхлая и желтушная, в свои восемьдесят пять годков отважилась на убийство!

От нее несло ромом с содовой; усевшись пьяной мухой ему на грудь, она трепыхалась и принарывливалась, словно под ней был манекен. При этом она досадливо отдувалась, костлявые руки вспотели, и тут у нее вырвалось:

— А сам-то ты что?

«При чем тут я?» — лениво подумал он, не поднимая головы. Он сглотнул слюну, и этим еле заметным движением кадыка освободился от ее немощных клешней. «Что ж я сам не сдохну? Так надо понимать?» — безмолвно вскричал он. Еще несколько мгновений он гадал, хватит ли у нее духу его прикончить. Не хватило.

А может, взять да резко включить свет, чтобы застигнуть ее врасплох? Дура-дурой, тощая курица, оседлала постылого мужа, а ему хоть бы что — вот смеху-то будет!

Джошуа Эндерби промыгдал что-то невнятное и зевнул.

— Мисси?

Ее руки так и застыли у него на ключице.

— Ты уж, будь добра... — он повернулся на бок, словно в полусне, — того... сделай одолжение... — еще один зевок, — отодвинься... на свой край. Что? Ох, как хорошо-то.

Мисси заворочалась в темноте. Он услышал, как звякнули кубики льда. Это она нацедила очередную порцию рома.

Назавтра, в ясный теплый полдень, ожидающие гостей старики — Джошуа и Мисси — устроились на террасе и протянули друг другу бокалы. Он предложил ей «дюбонне», а она ему — херес.

Наступила пауза: каждый внимательно изучал спиртное и не торопился подносить его к губам.

Когда Джошуа вертел свой бокал в руках, у него на скрюченном пальце сверкнул и заиграл крупный бриллиантовый перстень. Старика передернуло, но в конце концов он собрался с духом.

— Знаешь, Мисси,— начал он,— а ведь ты уже одной ногой в могиле.

Мисси высунулась из-за букета нарциссов, стоявшего в хрустальной вазе, и бросила взгляд на усохшего, как мумия, супруга. У обоих затряслись руки; оба это заметили. Сегодня, по слухам прихода гостей, она натянула густо-синее платье, на которое ледяными нитями легло тяжелое колье, вдела в уши искрящиеся шарики-серьги и ярко накрасила губы. «Вавилонская блудница на склоне лет»,— неприязненно подумал он.

— Как странно, милый, просто уму непостижимо,— манерно проскрипела Мисси.— Не далее как минувшей ночью...

— Ты то же самое подумала обо мне?

— Надо бы кое-что обсудить.

— Вот и я о том же.— Подавшись вперед, он застыл в кресле, как восковая фигура.— Дело не срочное. Но на тот случай, если я тебя прикончу или ты — меня (в принципе, разницы нет), нам нужно друг друга обезопасить, верно? И нечего на меня таращиться, голубушка. Думаешь, я не видел, как ты ночью надо мной сутилась?

Примеривалась, как бы ловчее ухватить за горло, звенела стаканами, уж не знаю, что еще.

— О господи.— Напудренные щечки Мисси вспыхнули.— Выходит, ты не спал? Какой ужас. Извини, я должна прилечь.

— Потерпишь.— Джошуа преградил ей путь.— Случись мне первым отправиться на тот свет, тебя нужно оградить от подозрений, чтобы комар носу не подточил. То же самое нужно организовать и для меня — на случай твоей кончины. Какой смысл планировать... устранение... другого, если за это самому придется болтаться на виселице или жариться на электрическом стуле?

— Резонно,— согласилась она.

— Так вот, я предлагаю... как бы это сказать... время от времени обмениваться любовными записочками. Не скучиться на нежные слова в присутствии знакомых, делать друг другу подарки, и так далее, и тому подобное. Я буду оплачивать счета за цветы и бриллиантовые браслеты. Ты, со своей стороны, можешь приобрести для меня кожаный бумажник, трость с золотым набалдашником и прочую дребедень.

— Надо признать, голова у тебя варит неплохо,— сказала она.

— Если мы будем изображать безумную, проверенную временем любовь, ни у кого не возникнет и тени подозрения.

— Положа руку на сердце, Джошуа,— устало произнесла Мисси,— мне совершенно все равно, кто из нас первым отправится в мир иной. Есть только одна загвоздка: дожив до седых волос, я решила напоследок хоть что-то в этой жизни провернуть с блеском. Ведь моим уделом всегда было дилетантство. Кроме всего прочего, ты мне никогда не нравился. Да, я была в тебя влюблена — сто лет назад. Но ты так и не стал мне другом. Если бы не дети...

— Не умствуй,— перебил он.— Мы с тобой — вздорные старые развалины; нам только и осталось, что устроить похоронный балаган. Но игра со смертью будет куда увлекательнее, если договориться о правилах и создать друг другу равные условия. Кстати, давно ли ты надумала меня укокошить?

Она заулыбалась.

— Помнишь, на прошлой неделе мы ездили в оперу? Ты поскользнулся, рухнул на мостовую и едва не угодил под машину.

— Боже праведный! — Он расхохотался.— Я-то подумал, это случайный прохожий толкнул нас обоих! — Его согнуло от смеха.— Ну, ладно. Зато ты месяц назад грохнулась в ванне. А ведь это я смазал дно жиром!

Она инстинктивно ахнула, пригубила «дюбонне» и замерла.

Угадав ее мысли, он покосился на свою рюмку.

— Это, случаем, не отравлено? — Он понюхал содержимое.

— Вот еще,— ответила она и, как ящерица, быстро и боязливо тронула кончиком языка сладкий напиток.— При вскрытии в желудке найдут следы яда. Ты лучше душ проверь. Я установила предельную температуру, чтобы тебя хватил удар.

— В жизни не поверю! — фыркнул он.

— Ну, допустим, замышляла,— призналась она.

В парадную дверь позвонили, но трель получилась не радостной, а похоронной. «Чушь!» — подумал Джошуа. «Жуть!» — подумала Мисси, но тут же просияла:

— Совсем вылетело из головы: у нас же сегодня гости! Это Гаури с женой. Он, конечно, ужасный пошляк, но ты прояви терпение. И ворот застегни.

— Не сходится. Чересчур тugo накрахмален. Очередная попытка меня задушить?

— Жаль, не додумалась! Ну, шагом марш!

И они, взявшись под ручку, с фальшивым хохотом направились к порогу встречать супругов Гаури, о которых чуть не забыли.

Начали с коктейлей. Старые развалины сидели рядышком, держась за руки, как школьники, и натужно смеялись незатейливым анекдотам мистера Гаури. Сверкая фарфоровыми улыбка-

ми, они приговаривали: «Надо же, как забавно!» И тут же — друг другу на ухо: «Какие есть задумки?» — «Электробритву в ванну?» — «Неплохо, неплохо!»

— А Пэт ему и говорит... — рокотал мистер Гаури.

Стараясь не шевелить губами, Джошуа прошептал жене:

— Знаешь, моя неприязнь к тебе уже бьет через край, как первая любовь. А теперь, в довершение всего, ты склоняешь меня к тяжкому преступлению. Как тебе это удается?

— Учись, пока я жива, — так же тихо ответила Мисси.

В гостиной зазвучали раскаты смеха. Обстановка разрядилась, стала непринужденной и даже легкомысленной.

— А Пэт ему и говорит: «Майк, давай сначала ты!» — торжествующе закончил Гаури.

— Ой, умора!

Раздался новый взрыв хохота.

— Ну-ка, дорогой мой, — Мисси повернулась к старику мужу, — теперь ты что-нибудь расскажи. Но прежде, — со значением добавила она, — спустись в погреб, милый, принеси бренди.

Гаури — сама любезность — вскочил с кресла.

— Позвольте, я схожу!

— Ах, что вы, мистер Гаури, ни в коем случае! — Мисси отчаянно замахала руками.

Но Гаури уже выскочил из комнаты.

— О боже, боже,— ужаснулась Мисси.

В тот же миг из погреба донесся отчаянный вопль, а затем — оглушительный грохот.

Мисси засеменила на помощь, но через мгновение вернулась, сдавив рукой горло.

— Бетси, крепитесь,— простонала она.— Надо спуститься и посмотреть. Кажется, мистер Гаури упал с лестницы.

На следующее утро Джошуа Эндерби шаркая переступил через порог; он прижимал к груди обтянутый бархатом футляр размером примерно метр на полтора, с закрепленными в гнездах пистолетами.

— Вот и я! — прокричал он.

Ему навстречу, позякивая браслетом, вышла Мисси: в одной руке она держала ром с содовой, а другой опиралась на тросточку.

— Это еще что? — недовольно спросила она.

— Сначала ответь мне, как здоровье старика Гаури?

— Порвал связки. Жаль, что не голосовые.

— Надо же, как некстати подломилась эта верхняя ступенька.— Он повесил футляр на свободный крючок.— К счастью, слазать в погреб вызвался Гаури, а не я.

— Скорее к несчастью.— Мисси залпом осушила бокал.— Теперь объясни, что это значит.

— Я ведь коллекционирую старинное оружие.— Он указал на пистолеты в кожаных гнездах.

— Ну и что?...

— Оно требует ухода. Пиф-паф! — ухмыльнулся он.— Коллекционер застрелил жену во время чистки дуэльного пистолета. «Я не знал, что он заряжен»,— повторяет безутешный вдовец.

— Один-ноль в твою пользу,— сказала Мисси.

Через час он принялся чистить коллекционный револьвер и едва не вышиб себе мозги.

Жена прибежала, стуча тросточкой, и застыла в дверях.

— Подумать только. Ничто тебя не берет.

— Заряжен, мать честная! — Трясущейся рукой он поднял револьвер.— Он же не был заряжен! Неужели...

— Неужели что?

Он выхватил три других экспоната.

— Все до единого заряжены! Это ты!

— Конечно я,— не стала отпираться Мисси.—

Пока ты обедал. Наверно, чаю хочешь. Пошли.

В стене зияло пулевое отверстие.

— Какой, к дьяволу, чай? — взвился он.— Неси джин.

Настал ее черед делать покупки.

— В доме завелись муравьи.— Что-то со стуком перекатывалось у нее в сумке. По всем ком-

натам без промедления были расставлены ловушки для муравьев; на подоконники, чехлы с крюшками для гольфа и оружейные футляры лег слой белого порошка. Из пакетов были извлечены различные сорта крысиного яда, приманки для мышей и средства от домашних насекомых.— Теперь ползучим тварям спасенья нет,— заявила она, щедрой рукой рассыпая отраву на полках со съестными припасами.

— Роешь мне яму,— заметил Джошуа,— и сама же в нее попадешь.

— Не дождешься. И вообще, жертве должно быть все равно, как отдать концы.

— Но такой садизм — это уж слишком. Мне вовсе не светит лежать в гробу с перекошенной физиономией.

— Пустое. Чтобы тебя навеки перекосило, милый мой, достаточно подмешать тебе в какао одну-единственную щепотку стрихнина!

— Имей в виду,— выпалил он в ответ,— у меня есть рецепт гремучей смеси, от которой тебя и вовсе разнесет в клочья!

Она присмирила.

— Помилуй, Джош, не стану же я подсыпать тебе стрихнин!

Он поклонился:

— Тогда и я не стану подсыпать тебе гремучую смесь.

— Договорились,— сказала она.

Смертельные игры не прекращались. Он купил самые большие крысоловки, чтобы расставить в закутках коридора.

— Привыкла расхаживать босиком — вот и получай: увечье невелико, а заражение крови обеспечено!

Тогда она усеяла все диваны булавками для чехлов. Стоило ему провести рукой по обивке, как из пальцев начинала сочиться кровь.

— О черт! — Он зализывал ранки. — Это что, отравленные стрелы из джунглей Амазонки?

— Нет, что ты: самые обычные ржавые иглы от противостолбнячных инъекций.

— Ну и ну,— только и сказал он.

Несмотря на быстро подступающую немощь, Джошуа Эндерби оставался заядлым автомобилистом. Его частенько видели за рулем, когда он со старческим азартом гонял вверх-вниз по холмам Беверли, раскрыв от напряжения рот и моргая выцветшими глазами.

Как-то вечером он позвонил из Малибу.

— Мисси? Представляешь, я чуть не рухнул в пропасть. Правое переднее колесо отлетело на ровном месте!

— Я рассчитывала, что это произойдет на повороте!

— Ну, извини.

— В «Экшен-Ньюс» показывали, как это делается: ослабляешь болты — и дело с концом.

— Ладно, я — старый осел,— сказал он.— А у тебя-то что новенького?

— На лестнице оторвалась ковровая дорожка. Горничная чуть копчик не сломала.

— Бедняжка Лайла!

— Я ведь теперь ее всюду посылаю вперед. Скатилась кубарем, все ступеньки пересчитала. Ее счастье, что накопила жирку.

— Неровен час, она по нашей милости отправится на тот свет.

— Ты шутишь? Лайла мне — как родная!

— В таком случае дай ей расчет, а сама подыскивай новую горничную. Окажись она между двух огней, ее, по крайней мере, будет не так жалко. Страшно подумать, что на Лайлу может упасть абажур или, к примеру...

— Абажур, говоришь? — вскричала Мисси.— А ведь ты возился с хрустальной люстрой из дворца Фонтенбло, что досталась мне от бабушки! Вот что я вам скажу, господин хороший: руки прочь от этой люстры!

— Каюсь, каюсь,— пробормотал он.

— Нет, надо же было додуматься! Этим хрустальным подвескам нет цены! Да если они, упав, не укокошат меня на месте, я и на одной ноге доскачу, чтобы прибить тебя тростью, а потом откачаю и еще раз прибью! — Телефонная трубка яростно придавила рычаг.

Как-то вечером, отужинав, Джошуа Эндерби вышел на террасу с сигаретой. Вернувшись в комнату, он обвел глазами стол:

— А где же твой пончик с клубникой?

— Угостила новую горничную. Мне не хотелось сладкого.

— Ты соображаешь, что делаешь?

Она вперилась в него ненавидящим взглядом:

— Не хочешь ли ты сказать, старый черт, что пончик был отравлен?

В кухне что-то с грохотом обрушилось на пол.

Джошуа отправился посмотреть, в чем дело, и очень скоро вернулся.

— Новая горничная свое отслужила,— сообщил он.

Тело новой горничной взволокли на чердак и спрятали в сундуке. Ее исчезновение осталось незамеченным.

— Даже обидно,— сказала Мисси, выждав неделю.— Я все ждала, что прибудет высокий, суровый человек с блокнотом, набегут фотографы, защелкают вспышки. Кто бы мог подумать, что у бедняжки не было ни родных, ни близких.

В доме что ни день толпились гости. Так задумала Мисси.

— Под шумок легче провернуть дело. Чем не стрельба по движущейся мишени!

К ним опять зачастил мистер Гаури, который сильно хромал после падения с лестницы, хотя

с той поры прошла не одна неделя. Он все так же сыпал анекдотами и надсадно хохотал, а однажды едва не отстрелил себе ухо из дуэльного пистолета. Гости помирали со смеху, но сочли за благо убраться пораньше. Гаури поклялся, что ноги его больше не будет в этом доме.

Потом вышел казус с одной дамочкой по имени мисс Каммер, которая, оставшись у них ночевать, решила воспользоваться электробритвой хозяина и получила если не смертельный, то поистине сокрушительный удар током. Унося ноги, она растирала правую подмышку. Джошуа не долго думая стал отращивать бороду.

Вскоре после этого пропал некий мистер Шлейгель. А вслед за ним — мистер Смит. В последний раз несчастных видели по субботам в гостях у Эндерби.

— В прятки играете? — подтрунивали знакомые, дружески похлопывая Джошуа по спине.— Признайтесь, что вы с ними сделали? Отравили мухоморами? Пустили на удобрение?

— Скажете тоже! — сдавленно посмеивался Джошуа.— Ха-ха, при чем тут мухоморы! Один полез в ледник за мороженым, не смог выбраться и за ночь сам превратился в эскимо. Другой зацепился за обруч для крокета и пробил головой стекло в оранжерею.

— Превратился в эскимо! Пробил стекло! — подхватывали гости.— Ну, Джошуа, вы и шутник!

— Это чистая правда! — настаивал Джошуа.
— Чего только люди не придумают!
— Нет, серьезно, куда запропастился стариk Шлейгель? А этот прохиндей Смит?

— И в самом деле, куда подевались Шлейгель и Смит? — спросила Мисси через пару дней.

— Надо подумать. Историю с мороженым подстроил я сам. А вот обруч?.. Не ты ли подбросила его в самое неподходящее место, чтобы я споткнулся и угодил головой в стекло?

Мисси застыла. Он попал в точку.

— Так-так,— сказал Джошуа,— значит, настало время кое о чем потолковать. Пирушкам надо положить конец. Еще одна жертва — и сюда примчится полиция с сиренами.

— Верно,— согласилась Мисси.— Наши маневры рикошетом ударят по нам самим. Что же касается обруча... Перед сном ты всегда прогуливаешься по оранжерее. Но за каким чертом туда понесло Шлейгеля — в два часа ночи? Погоделом этому болвану. Долго он будет преть под компостом?

— Пока я его не перетащу к замороженному.

— Силы небесные! Отныне никаких гостей.

— Будем коротать время наедине — ты да я, да еще... гм... люстра.

— Не дождешься! Я так запрятала стремянку — вовек не отыщешь.

— Проклятье! — не сдержался Джошуа.

В тот вечер, сидя у камина, он наполнил несколько рюмок самым лучшим портвейном из домашнего погреба. Стоило ему выйти из комнаты, чтобы ответить на телефонный звонок, как она бросила в свою собственную рюмку щепоть белого порошка.

— Какая гадость,— пробормотала она.— Банально до неприличия. Зато расследования не будет. На похоронах люди скажут: он в последнее время ужасно выглядел, краше в гроб кладут.

С этими словами она — для верности — добавила еще чуть-чуть смертоносного зелья. Тут вернулся Джошуа, опустился в кресло и взял со стола рюмку. Поверив ее перед глазами, он с ухмылкой перевел взгляд на жену:

— Шалишь!

— Ты о чём? — с невинным видом спросила она.

В камине уютно потрескивали поленья. На полке тикали часы.

— Не возражаешь, дорогуша, если мы поменяемся рюмочками?

— Уж не думаешь ли ты, что я подсыпала тебе яду, пока ты говорил по телефону?

— Тривиально. Избито. Но не исключено.

— Ох уж, бдительность-подозрительность. Ну, будь по-твоему. Меняемся.

На его лице отразилось удивление, однако рюмки перешли из рук в руки.

— Чтоб тебе пусто было,— буркнули они в один голос и даже рассмеялись.

Каждый с загадочной улыбкой опорожнил свою рюмку.

С видом беспредельного блаженства они поудобнее устроились в креслах, обратив к огню призрачно-бледные лица, и наслаждались ощущением тепла, которое разливалось по их тонким, если не сказать, паучьим жилам. Джошуа расправил ноги и протянул пальцы к тлеющим углям.

— Ах,— выдохнул он.— Что может быть лучше доброго портвейна!

Мисси склонила седую головку, пожевала ярко накрашенные губы и начала клевать носом, то и дело исподволь поглядывая на мужа.

— Жалко горничную,— вдруг прошептала она.

— Да уж,— так же тихо отозвался он.— Горничную жалко.

Огонь разгорелся с новой силой, и Мисси, помолчав, добавила:

— Мистера Шлейгеля тоже жалко.

— Нет слов.— Он подремал.— Да и Смита, между прочим, тоже.

— И тебя, старичок,— после паузы медленно выговорила она, хитро сощурившись.— Как самочувствие?

— В сон клонит.

— Сильно?

— Угу.— Он остановил на ней взгляд совершенно ясных глаз.— А ты, дорогуша, сама-то как?

— Спать хочется,— ответила она, смежив веки. Тут оба встрепенулись.— К чему эти распросы?

— В самом деле,— насторожился он.— К чему это?

— Видишь ли...— Она долго разглядывала носок черной туфельки, медленно отбивавшей ритм,— я полагаю, хотя до конца не уверена, что у тебя скоро откажут желудочно-кишечный тракт и центральная нервная система.

Он еще немного посидел с сонным видом, безмятежно поглядывая на огонь в камине и прислушиваясь к тиканью часов.

— Отравила? — дремотно произнес он, и тут неведомая сила подбросила его с кресла.— Что ты сказала? — Упавшая на пол рюмка разлетелась вдребезги.

Мисси подалась вперед, словно прорицательница.

— У меня хватило ума подсыпать яду в свою же порцию — я знала: ты захочешь поменяться рюмками, чтобы себя обезопасить. Вот и поменялись! — Она захихикала дребезжащим смешком.

Откинувшись на спинку кресла, он схватился обеими руками за лицо, словно боясь, как бы

глаза не вылезли из орбит. Потом вдруг что-то вспомнил и разразился неудержимым взрывом хохота.

— В чем дело? — вскричала Мисси.— Что смешного?

— Да то,— задохнулся он, кривя рот в жуткой ухмылке и не сдерживая слез,— что я тоже подсыпал яду в свою собственную рюмку! Искал удобного случая, чтобы с тобой поменяться!

— Боже! — Улыбка исчезла с ее лица.— Что за нелепость? Почему мне это не пришло в голову?

— Да потому, что мы с тобой слишком умные! — Он снова откинулся назад, сдавленно хохотнув.

— Какой позор, какое непотребство, надо же так оплошать, о, как я себя ненавижу!

— Будет, будет,— проскрипел он.— Лучше вспомни, как ты ненавидишь меня.

— Всем истерзанным сердцем и душой. А ты?

— Прощенья тебе не дам и на смертном одре, женушка моя, божий одуванчик, старая вешалка. Не поминай лихом,— добавил он совсем слабо, откуда-то издалека.

— Если надеешься и от меня услышать «не поминай лихом», то ты просто рехнулся.— Ее голова бессильно свесилась набок, глаза уже не открывались, она едва ворочала языком.— А впрочем, чего уж там? Не поминай ли...

У нее вырвался последний вздох. Поленья в камине сгорели дотла, и одно лишь тиканье часов тревожило ночной тишину.

На следующий день их обнаружили в библиотеке. Оба покоились в креслах с самым благодушным видом.

— Двойное самоубийство,— решили все.— Их любовь была так сильна, что они просто не смогли уйти в вечность поодиночке.

— Смею надеяться,— произнес мистер Гаури, опираясь на костили,— моя дражайшая половина, когда настанет срок, тоже разделит со мной эту чашу.

В МГНОВЕНЬЕ ОКА

||

Оогда в мюзик-холле показывали фокусы, я заметил человека, точь-в-точь похожего на меня.

В воскресенье мы с женой пошли на вечернее представление. Лето выдалось на редкость погожим; публика таяла от жары и предвкушения чуда. Вокруг нас сидели благонравные пары, которые сначала от души веселились, а потом заволновались, увидев карикатуру на самих себя, увеличенную до невероятных масштабов.

На сцене распиливали пополам женщину.

Надо было видеть довольные ухмылки жена-
тых мужчин.

Объявили следующий номер; ассистентка за-
шла в шкафчик и исчезла. Бородатый фокусник
изображал слезы отчаяния. Но она, помахивая
набеленной ручкой, возникла на карнизе балко-
на — бесконечно прекрасная, далекая, недоступ-
ная.

Надо было видеть кошачьи усмешки замужних дам!

— Взгляни на эти лица,— сказал я жене.

Теперь женщина парила в воздухе... богиня истинной любви, рожденная мужским воображением. Лишь бы только ее прелестные ножки не коснулись земли. Пусть остается на своем невидимом пьедестале. Смотрите все! И не рассказывайте мне, как это делается, слышите? Просто любуйтесь ее полетом и предавайтесь мечте.

А что представляет собой этот расторопный человечек, который жонглирует тарелками, шарами, звездами и факелами, крутит на локтях обручи и при этом удерживает на носу голубое перо? Да ничего особенного, отвечал я себе: чейто муж, вечно в разъездах, интрижки, работа, обед всухомятку, репетиция, стимуляторы, снотворное, банковский счет, мелочная экономия.

Наверно, зрители шли на представление не для того, чтобы полностью отрешиться от мира, а для того, чтобы увидеть его в мало-мальски приемлемом обличье: более ярким, чистым, стремительным, точным — зрелище одновременно вдохновляющее и грустное.

Будто мы в жизни не видали, как исчезает женщина?

А там, на черном бархате помоста, как раз исчезали женщины — загадочные существа из пудры и розовых лепестков. Алебастровые статуэтки, фигурки из летних лилий и прохладных

дождевых струй, переплавленных в мечту,— и эта мечта оборачивалась пустым зеркалом уже оттого, что фокусник жадно тянул к ней руки.

Из шкафчиков и комодов, из рыболовных сетей, вздрагивая, как тонкий фарфор, от выстрелов фокусника, исчезали женщины.

Это символично, подумал я. Почему фокусник наводит пистолет на хрупкую ассистентку? Не иначе как он — тайный раб мужского подсознательного.

— Что-что? — спросила жена.

— А?

— Ты что-то бормотал.

— Извини.— Я раскрыл программку.— О! Следующим номером выступает мисс Миг! Самая ловкая в мире карманница!

— Ну уж, самая ловкая,— фыркнула жена.

Я скосил глаза, чтобы разобраться, шутит она или нет. В темноте мне показалось, что ее губы изогнулись в улыбке, смысл которой до меня так и не дошел.

Из оркестровой ямы доносилось жужжение, словно там потревожили пчелиный рой.

Открылся занавес.

На сцене, без громкого пения фанфар, без развевающейся мантии, без эффектного поклона, лишь со снисходительным кивком и едва заметно вздернутой левой бровью, возникла мисс Миг.

Когда она щелкнула пальцами, я подумал: сейчас на сцену выбегут дрессированные собачки.

— Мне нужны добровольцы. Мужчины!
— Сиди.— Жена дернула меня за рукав.
А я уже вскочил было с кресла.

По залу прокатилось волнение. Подобно молчаливой своре псов, зрители поднялись со своих мест и двинулись (или, если уж быть точным, бросились) к сцене, как только иллюзионистка поманила их пальцем, не знавшим маникюра.

Я сразу догадался, что именно она, мисс Миг, на протяжении всего вечера разыгрывала исчезновение.

Малобюджетный иллюзион, отметил я про себя, каждый артист работает в нескольких номерах. И эта особа ничем не лучше прочих.

— Что-что? — переспросила жена.
— Опять я бормотал?

Честно признаться, мисс Миг произвела на меня отталкивающее впечатление. Она выглядела так, будто успела сойти со сцены, переоделась за кулисами в мешковатый, неглаженый твидовый костюм с пятнами соуса и травы, растрепала прическу, кое-как намазала губы, уже собиралась покинуть театр через служебный подъезд — и тут ей крикнули: «Ваш выход!»

В таком виде она и предстала перед нами: простые уличные туфли, ненапудренный нос, руки мельтешат, а лицо равнодушное — просто отбывает номер, вот и все...

Но теперь она стояла как вкопанная и выжидала, засунув руки в мешковатые твидовые кар-

маны и холодно поджав губы, а бессловесные волонтеры по-собачьи трусили к сцене.

Эту разношерстную свору она мгновенно подчинила себе и несколькими тычками выстроила в одну шеренгу.

Публика замерла в ожидании.

— Все свободны. Займите свои места!

Еще один щелчок неухоженных пальцев.

В полной растерянности, недоуменно переглядываясь, добровольцы потянулись к ступеням. Она позволила им одолеть ровно половину лестницы и, словно делая одолжение, спросила:

— Ничего не забыли?

Все как один резко обернулись.

— Это чье?

С кислой улыбкой, которая могла бы поспоприть с самыми сухими винами, она лениво извлекла из кармана мужской бумажник. Из складок жакета достала еще один. Потом третий, четвертый, пятый... В общей сложности десять штук!

Она держала их между пальцами, как печенье для послушной собачонки.

Мужчины прищурились. Пробыв на сцене считанные минуты, к этим предметам они конечно же не имели никакого касательства. Фокусница ни перед кем не задерживалась. Это розыгрыш. Просто-напросто за выход на сцену можно получить новехонький бумажник — как сувенир!

Но на всякий случай волонтеры решили проверить сохранность своих вещей, и каждый из участников номера стал похож на изваяние, которое ищет невидимый глазу изъян в старом, наспех собранном каркасе. То один, то другой, раскрыв рот, сосредоточенно ощупывал пиджак и рылся в карманах брюк.

Все это время мисс Миг не обращала на своих добровольных помощников ни малейшего внимания. Она бесстрастно сортировала бумажники, словно ежедневную почту.

Именно в этот миг я и заметил того человека — он стоял на правом фланге, у края сцены. Я поднес к глазам бинокль. Пригляделся повнимательнее. Потом, для верности, еще раз.

— Надо же,— сказал я с напускной беспечностью.— Один из этих типов немного смахивает на меня.

— Который? — заинтересовалась жена.

Я протянул ей бинокль, по-прежнему изображая равнодушие:

— Крайний справа.

— Скажешь тоже, смахивает. Да это вылитый ты! — заключила жена.

— Ну, можно и так сказать,— скромно согласился я.

Выглядел этот парень хоть куда. Но, по-видимому, неприлично вот так любоваться собой и выносить благосклонные суждения. Отчего-то у

меня по спине пробежал холодок. Забрав у жены бинокль, я закивал, все более изумляясь такому сходству:

— Короткая стрижка. Очки в роговой оправе. Здоровый цвет лица. Голубые глаза...

— Прямо брат-близнец! — воскликнула жена.

Это отнюдь не звучало преувеличением. Но до чего же неуютно было сидеть в зале и одновременно видеть себя на сцене.

— Нет-нет, не может быть,— повторял я шепотом.

Однако то, что не укладывалось в голове, было открыто взгляду. Каково население земного шара? Два миллиарда? Примерно так. Но даже снежинки, и те всегда разные — двух одинаковых не найдешь! А тут, прямо передо мной, как вызов моему «я» и моему спокойствию, стоял слепок с той же самой модели, идеальный двойник.

Что мне было делать — верить или не верить, гордиться, бежать куда подальше? Ведь я узрел рассеянность Всевышнего.

— Нет, не припоминаю,— молвил Всевышний,— чтобы я уже создавал такое прежде.

В благоговейном трансе и душевном волнении я подумал: а ведь Всевышний ошибается.

На память пришли обрывки из читанных когда-то книжек по психологии.

Наследственность. Окружающая среда.

— Смит! Джоунз! Хелстром!

Это мисс Миг проводила перекличку, как сержант перед строем, и возвращала похищенное.

Телесная оболочка достается нам от всех предшествующих поколений, подумал я. Это наследственность.

Но в то же время телесная оболочка — это окружающая среда, верно?

— Уинтерс!

На то она и окружающая среда, чтобы каждого из нас окружать. Тело и в самом деле окружает — тут тебе и озера, и башни из кости, и тучные закрома, и непаханые просторы души, разве не так? Неужели эта видимость, что мелькает в окнах-зеркалах — лицо у одного безмятежное, как снегопад, у другого бездонное, как горная пропасть, руки — два лебединых крыла или же пара воробыиных крыльышек, ступни — у кого наковальни, у кого мотыльки, туловище — как мешок с мукой или как лесной папоротник, — неужели все это, ежедневно наблюдаемое, не оставляет отпечатка в голове, не создает образ, не формирует ум и дух, словно податливую глину? Отчего же нет? Именно так оно и происходит!

— Бидвелл! Роджерс!

А что там поделывал незнакомец, угодивший в такую же, как у меня, телесную среду?

Мне захотелось вскочить с места и прокричать, как водилось в старину: «Что на часах?»

И чтобы он, словно городской глашатай, как две капли воды похожий на меня, прошествовал мимо и торжественно объявил: «На часах ровно девять, в городе все спокойно...»

Но вот вопрос: спокойно ли ему?

Вопрос: что скрывается за этими очками в роговой оправе — близорукие глаза или близорукая душа?

Вопрос: едва наметившаяся полнота — не означает ли она, что и мозги заплывают жирком?

Короче говоря, может ли так быть, что его душа стремится на север, а моя — на юг? Если нас облекает одинаковая плоть, может ли так быть, что у одного ум горяч, как лето, а у другого холоден, как зима?

— Ну и ну,— сказал я почти в полный голос.— Что, если мы и вправду двойники?

Сзади на меня зашикали.

Мне стало трудно глотать.

Что, если он много курит, чутко спит, за обедом переедает, проявляет симптомы маниакально-депрессивного психоза, излишне говорлив, непоследователен в мыслях, склонен к эротическим фантазиям...

Человек с таким телосложением, с таким лицом просто не может быть иным. У нас, надо полагать, даже имена похожи.

Имена!

— ...л...бл...ер...

Мисс Миг выкрикнула его имя!

Но я не рассыпал. Кто-то из зрителей в этот момент закашлялся.

Оставалось надеяться, что она повторит. Но нет, мой близнец уже выступил вперед. Проклятье! Споткнулся! В зале раздались смешки.

Я поспешил навести на него бинокль.

Теперь мой близнец стоял в самом центре сцены и мял в руках вернувшийся к нему бумажник.

— Выпрямись,— зашептал я.— Не сутулься.

— Ш-ш-ш,— рассердилась жена.

Я исподволь расправил плечи.

Даже не верится, что у меня такой импозантный вид, думал я, поправляя очки. Неужели у меня столь тонко очерченный — поистине аристократический — нос? И такая же гладкая, чистая кожа, и такой же твердый подбородок?

От этих мыслей меня бросило в краску.

Но в конце-то концов, если жена подтвердила, что это — вылитый я, какие могут быть сомнения? Тем более что на его лице заметна печать интеллекта.

— Дай сюда бинокль.— Это жена ткнула меня локтем в бок.

Я уступил с крайней неохотой.

Она подкрутила линзы и, наведя бинокль на сцену, стала внимательно следить за действиями — нет, не моего двойника, а самой мисс Миг, которая теперь напропалую льстила тем, кто попадался ей под руку, заговаривала им зубы и

шарила по карманам. Моя жена то и дело злорадно фыркала и прыскала со смеху.

Что и говорить, мисс Миг могла соперничать с богом Шивой.

У нее было не две руки, а по меньшей мере девять. Пока она с равнодушным видом перемещалась вдоль шеренги, эти руки, как вольные птицы, летали, шуршали, хлопали, парили, скользили, кружили, трепетали — прикасаясь к жертвам без единого касания.

Что у нас в этом кармане? А в этом? А здесь?

Она теребила жилеты, пробегала по лацканам, тряслася брюки — в карманах звенела мелочь. Едва уловимо, но как-то мстительно задерживала палец в нужной точке, будто подбивала итог на кассовом аппарате. Чисто по-мужски и в то же время с невероятной легкостью расстегивала пиджачные пуговицы, возвращала бумажник кому-то одному и тут же похищала у другого. Хватала добычу, на время оставляла у себя, разжигалась новой да еще успевала извлечь банкноты и пересчитать их за спиной у владельца, а потом доверительно брала его за руку и снимала часы.

В ее сети угодил даже доктор!

— У вас термометр с собой? — спросила она.

— А как же!

Он порылся в карманах и явно забеспокоился. Еще раз обшарил карманы. Зрители громогласно помогали ему советами. Оглянувшись, он

увидел... что у мисс Миг изо рта торчит его градусник, похожий на незажженную сигарету. Вытащив его из-за щеки, она посмотрела на шкалу.

— Температура! — воскликнула она.— Тридцать девять! — И, закатив глаза, изобразила озноб.

Зал взревел от восторга. Между тем она снова подбиралась к своим жертвам, заигрывала, дергала их за рукава, ерошила волосы и спрашивала:

— Почему без галстука?

Бедняга хватался руками за ворот — но поздно.

Тогда она неизвестно откуда выхватывала галстук и бросала его хозяину.

Словно магнитом, она незримо притягивала к себе талисманы, медальоны, римские монеты, корешки билетов, носовые платки, булавки для галстуков, а зрители входили в раж и содрогались от хохота, глядя, как подопытные кролики лишаются последней защиты и предметов гордости.

Стоило кому-то из них прикрыть рукой задний карман — она обшаривала жилет. Стоило прижать к груди жилет — она потрошила брючные карманы. Небрежная и скучающая, жесткая и неуловимая, она умудрялась внушить очередному волонтеру, что все его вещи при нем, а сама в мгновенье ока с легким презрением из-

влекала принадлежащий ему предмет из своих необъятных твидовых одежд.

— Это еще что? — Она подносила к глазам письмо.— «Милая Элен, прошлой ночью, когда мы с тобой...»

Багровый от стыда, автор письма бросался к мисс Миг, отбирал заветный листок и прятал его поглубже в карман. Не проходило и минуты, как письмо снова оказывалось у нее в руках, и все начиналось сначала: «Милая Элен, прошлой ночью...»

Страсти разгорелись не на шутку. Одна женщина. Десяток мужчин.

Подарив одному поцелуй, она сняла у него ремень.

У другого — подтяжки.

Женщины-зрительницы стонали от хохота.

Их спутники, неприятно пораженные, волей-неволей присоединялись.

Какой же отъявленной стервой показала себя мисс Миг! Она прилюдно высекла, как мальчишек, этих ухмыляющихся, самоуверенных типов, обвела их, словно дикарей, вокруг пальца, поймала в бронтозавровые складки твида, расставила по местам, как болванки, и при этом успела назвать каждого милым, обаятельным, а то и настоящим красавцем.

Вот оно, сказал я себе, воплощенное безумие! Жены заходились презрительным смехом, ловя

ртом воздух, впадали в истерику оттого, что у них на глазах вероломство превратилось во всеобщее увеселение. Мужья, будто застигнутые необъявленной войной, пытались сопротивляться, но не успели и глазом моргнуть, как потерпели сокрушительное поражение. Каждый из моих соседей сидел с обреченным видом, словно страшился удара ножом в горло, боялся чихнуть, чтобы его голова не скатилась в проход...

«Скорее! — подумал я.— Нужно что-то делать!»

— Эй, ты, на сцене, да-да, ты, мой двойник, увернись! Спасайся!

А ведь она нацелилась прямо на него!

— Не поддавайся! — твердил я своему близнецу.— Просчитывай на шаг вперед! Присядь, уклонись. Отскочи в сторону. Не смотри, куда она хочет. Смотри, куда она не хочет! Ну же! Не зевай!

Сейчас даже не помню, прокричал ли я эти слова во весь голос или процедил сквозь зубы, но только все мужчины в зале обомлели, когда мисс Миг схватила моего близнеца за руку.

«Будь начеку», — шептал я.

Поздно. Он лишился часов. Но сам еще этого не знал. «У тебя увеличились часы!» — молча кричал я и сокрушался: он потеряет счет времени!

Мисс Миг отряхнула лацкан его пиджака. Шаг назад! — предостерег я себя.

Поздно. Его авторучка, стоившая не один десяток долларов, исчезла. А он и не догадывался. Она щелкнула его по носу. Он — идиот! — оскалился. Следом за авторучкой уплыл бумажник. Нечего тереть нос, разиня, пиджак придержи!

— Плечики чем подбиты? — Она ущипнула его за плечо.

Он скосил глаза на правый рукав. «Нет!» — беззвучно закричал я, потому что в этот миг иллюзионистка залезла в левый карман его пиджака и вытащила письма. Она поцеловала его в лоб, оставив ярко-красный отпечаток, и отступила назад, прихватив с собой все, что оставалось у него в карманах: пригоршню мелочи, какой-то документ и коробочку шоколадных пастилок, которые она с жадностью отправила в рот. «У тебя мозгов — что у быка! — вопил я, не разжимая губ.— Где у тебя глаза?! Следи за ее движениями!»

Она повернула его спиной к залу, измерила, как заправский портной, расстояние между лопatkами, а потом спросила:

— Знакомая вещица? — И вернула ему галстук.

Моя жена чуть не лопнула со смеху. Она так и не отдала мне бинокль — следила за каждым жестом, за каждой недоуменной гримасой, пока у бедняги изымали его личные вещи. Ее губы скривились в торжествующей усмешке.

«Да что же это такое! — орал я среди общего неистовства.— Уходи со сцены!» На самом деле я не издал ни звука и терзался от невозможности завопить что есть мочи. Да уходи же, если у тебя осталась хоть капля гордости!

Высокие темные своды сотрясались от людского хохота, как от извержения вулкана. Этот мрачный гrot, казалось, осветился каким-то нездоровым жаром, странным отблеском. Мой двойник жаждал вырваться, подобно собаке Павлова, которая за долгий срок перестала воспринимать звонки и не получала ни еды, ни ласки. В его взгляде сквозила обреченность безумца.

«Падайничком! Прыгай в оркестр! Уползай!» — твердил я.

Тем временем скрипки и трубы с вагнеровским пафосом оплакивали горечь судьбы.

Последний жест, одно небрежное прикоснение мисс Миг — и мой двойник лишился белоснежной сорочки. Подброшенная в воздух, она мягко упала на помост, и одновременно с ней упали брюки, из которых был незаметно выдернут ремень. Свалились брюки — и зрители буквально свалились с кресел. Лавина хохота едва не снесла балки; оглушительное эхо вторило грому веселья.

Тут дали занавес.

Мы сидели как побитые. Обескровленные, погребенные под завалами, раздавленные и выпотрошенные, сваленные без всяких почестей в

общую могилу, мы, мужчины, глазели на этот опустившийся занавес, за которым скрылись обманщица и обманутые, за которым кто-то лихорадочно натягивал брюки на длинные, тощие ноги.

Нескончаемым приливом по берегу ночи прокатилась овация. Мисс Миг и не подумала выйти на поклоны. Это было ниже ее достоинства. Она отгородилась занавесом. Но я кожей ощущал ее присутствие: неулыбчивое, равнодушное. Она холодно оценивала децибелы аплодисментов и сравнивала их с теми, что гремели в предыдущие вечера.

Вне себя от злости, я вскочил с места. Если вдуматься, я не оправдал своих ожиданий. Когда нужно было присесть — качнулся, когда нужно было сделать шаг назад — подался вперед. Кретин!

— Бесподобное представление! — изрекла жена, когда толпа несла нас к выходу.

— Бесподобное? — взвился я.

— Тебе не понравилось?

— Все испортила эта карманница. Номер шаблонный, грубый, артистизма ни на грош.— Я закурил.

— Да она всех заткнула за пояс!

— Нам сюда.— Я направил жену к служебному подъезду.

— Разумеется,— проворковала жена,— тот субъект, похожий на тебя, был с ней вговоре.

Если не ошибаюсь, это называется подсадкой. Такой тип до поры до времени сидит в публике — ему за это платят.

— Нормальный человек ни за какие деньги не позволит над собой глумиться. Нет, это просто идиот, потерявший всякое чувство меры.

— Куда ты меня тащишь?

Оглядевшись, мы сообразили, что стоим прямо за кулисами.

Наверно, меня привело сюда желание разыскать двойника и крикнуть: «Фигляр! Болван! Позор всему мужскому племени! Тебе сыграют на дудке — ты запляшешь. Почешут — запрыгашь как козел!»

Нет, по правде говоря, мне просто хотелось увидеть своего близнеца воочию, посмотреть этому предателю в глаза и убедиться, что его телесная оболочка хоть чем-то отличается от моей. И вообще, кто знает, как повел бы себя я сам, доведясь мне оказаться на его месте.

За сценой горели осветительные приборы — где в полную мощь, где совсем тускло; фокусники болтали между собой. Среди них была и мисс Миг!

Там же, улыбаясь, стоял мой близнец!

— Сегодня ты был в ударе, Чарли, — похвала мисс Миг.

Значит, его зовут Чарли. Дурацкое имя.

Чарли потрепал мисс Миг по щеке.

— Это вы были в ударе, мэм!

Неужели правда? Сообщник, подсадка. Интересно, сколько ему заплатили? Долларов пять, от силы десять — чтобы он остался без сорочки, чтобы уронил штаны, а вместе с ними — человеческое достоинство? Предатель, оборотень!

Я смотрел на него в упор, пылая от злости
Он поднял глаза.

Возможно, они остановились на мне.

Возможно, до него дошли токи моей досады и ярости.

Он выдержал мой взгляд, но лишь на какое-то мгновение, растянув губы в улыбке, словно при виде старого однокашника, которого не обязательно окликать, если не вспомнишь имени

Но все же он уловил мою злость. Его лицо побледнело. Улыбка исчезла. Он быстро отвел глаза. Потом уставился в пол и сделал вид, будто слушает мисс Миг, которая, смеясь, рассказывала что-то собратьям по профессии.

Я по-прежнему не сводил с него взгляда и вскоре покрылся испариной. Ненависть отхлынула. Гнев остыл. Я рассмотрел его профиль, подбородок, глаза, крылья носа, линию роста волос — не упустил ни одной мелочи. Вдруг до меня донеслось:

— Бесподобное представление!

Моя жена, выступив вперед, пожимала руку негодяйке-карманнице.

На улице я сказал:

— Что ж, на этом можно поставить точку

— На чем? — не поняла жена.

— Я убедился: он на меня совершенно не похож. Подбородок острый. Нос приплюснутый. Нижняя губа тонкая. Брови — как щетина. На расстоянии, когда сидишь в зале, еще можно обмануться. Но вблизи — нет, нет и нет. Стрижка ежиком, очки в роговой оправе — вот и все сходство. Каждый дурак может коротко подстричься и нацепить очки.

— Вот именно,— подтвердила жена.— *Каждый дурак*.

Когда она садилась в машину, я невольно залюбовался ее изящными, точеными ножками.

Отъезжая от тротуара, я — так мне показалось — выхватил глазами знакомое лицо, которое, между прочим, было обращено в мою сторону. Но точно сказать не могу. Зато теперь сомнений не оставалось: сходство — это одна видимость.

Лицо растворилось в толпе.

— В жизни не забуду,— сказала жена,— как он остался без штанов!

Я рванул с места, но тут же сбросил скорость, и до самого дома мы ехали очень-очень медленно.

СЛАВА В ВЫШНИХ ДОРИАНУ

- **Д**

обрый вечер. Приветствую. Вижу, вижу, пригласительный билет у вас с собой. Отважились? Вот и славно. Сюда, прошу вас. Держите.

Рослый, эффектного вида незнакомец с божественно красивыми глазами и ослепительно золотистыми волосами протянул мне бокал.

— Для обострения вкусовых ощущений,— добавил он.

Я принял у него бокал; в левой руке он держал бутылку, на этикетке которой читалось: «Бордо». И ниже: «Сент-Эмильон».

— Не волнуйтесь,— сказал он.— Это не отправлено. Я, с вашего позволения, присяду. Итак, отведайте!

— Благодарю.— Я пригубил напиток и улыбнулся, зажмутившись от удовольствия.— Вы настоящий ценитель. Уж не помню, когда я пробовал вино такого отменного качества. Но по

какому поводу торжество и зачем я сюда приглашен? Кому понадобилось мое присутствие в гриль-ресторане «Анатомия Грея»?

Хозяин, не поднимаясь с места, наполнил свой бокал.

— Это я решил себя порадовать. Сегодня для нас с вами — великая ночь. Не менее значимая, чем Рождество или Хэллоуин.— Острый, как у ящерицы, кончик языка нырнул в вино и, ублаготворенный, шмыгнул назад.— Мы устраиваем торжества по поводу того, что я наконец-то удостоен чести...

Он набрал полную грудь воздуха и закончил на едином дыхании:

— ...приобщиться к Дориану. Войти в круг Друзей Дориана. Выбор пал на меня!

— Вот оно что! — Меня рассмешил такой ответ.— Теперь понятно, откуда взялось название заведения. Дориан — владелец «Анатомии Грея?»

— Скажу больше. Он вдохновитель и вождь. Причем по праву.

— Послушать вас — в мире нет выше счастья, нежели стать другом Дориана.

— Да что там в мире — в жизни. В целой жизни! — Он раскачивался в кресле, захмелев не от вина, а от тайного ликования.— Вот угадайте!

— Что именно?

— Сколько, по-вашему, мне лет?

— На вид — от силы двадцать девять.

— Двадцать девять. Приятно слышать. Не тридцать, не сорок, не пятьдесят, а всего лишь...

— Надеюсь, вы не будете спрашивать, под каким знаком я родился,— сказал я.— После такого вопроса я обычно разворачиваюсь и иду к дверям. А родился я на стыке двух знаков, в августе тысяча девятьсот двадцатого года.

Я сделал вид, будто собираюсь уходить, но собеседник мягко взял меня за лацкан.

— Нет-нет, голубчик, вы меня превратно поняли. Посмотрите-ка сюда. И вот сюда.— Он провел пальцами вокруг глаз, потом дотронулся до шеи.— Видите морщины?

— У вас нет морщин,— сказал я.

— Вы наблюдательны. У меня действительно нет морщин. Именно поэтому я и стал сегодня новообращенным, неотразимо привлекательным Другом Дориана.

— Не вижу связи.

— Взгляните на мои руки.— Он поддернул манжеты.— Ни одного пигментного пятна. Меня не тронула старческая ржавчина. Итак, повторяю вопрос: сколько мне лет?

Взболтнув в бокале вино, я внимательно рассмотрел дрожащее на поверхности отражение своего собеседника.

— Шестьдесят? — наугад предположил я.— Семьдесят?

— Невероятно! — Пораженный, он откинулся на спинку кресла.— Что вас навело на эту мысль?

— Буквальная ассоциация. Вы все время твердите о Дориане. Я читал Оскара Уайльда и прекрасно знаю сюжет «Дориана Грея». Сам собою напрашивается вывод, что у вас, сэр, на чердаке спрятан портрет, стареющий вместо вас, тогда как вы, попивая старое вино, сохраняете молодость.

— Нет, не так.— Белокурый красавец придинулся к столу.— Я не сохранил, а вернул себе молодость. Ведь меня уже настигла старость, глубокая старость; но время повернуло вспять, и я, после года неустанных занятий, достиг своей цели.

— Вашей целью было выглядеть на двадцать девять лет?

— Как вы догадливы!

— И когда вам стукнуло двадцать девять, вас избрали полноправным...

— Другом Дориана! Точно! Но никакого портreta нет и в помине, нет даже чердака, нет сохраненной молодости. Есть молодость обретенная — вот в чем суть.

— Все равно не понимаю!

— Милый мой, Другом Дориана можете стать и вы. Пойдемте. Прежде чем открыть вам великую тайну, мне бы хотелось провести вас в дальний конец этого зала и открыть несколько дверей.— С этими словами он схватил меня за руку.— Бокал возьмите с собой. Вино вам пригодится!

Лавирия между столами, он торопливо вел меня через зал, который на глазах заполняли посетители: среди них преобладали пожилые джентльмены, но попадались и молодые; было даже несколько дам, которые — все без исключения — постоянно курили. Я еле поспевал за своим провожатым, беспрестанно оглядываясь на табличку «Выход», как на спасательный круг.

Мы остановились у какой-то золоченой двери.

— Что за ней скрывается? — спросил я.

— А что скрывается за любой золоченой дверью? — ответил вопросом на вопрос виновник торжества. — Прикоснитесь.

Протянув руку, я оставил на двери отпечаток большого пальца.

— Какие ощущения? — поинтересовался хзянин.

— Молодость, свежесть, красота. — Я еще раз коснулся позолоченной створки. — Все весны, прошлые и будущие.

— Да вы, оказывается, поэт. Толкайте сильнее.

Мы вместе налегли на дверь, и она, не скрипнув, распахнулась настежь.

— Здесь обитает Дориан?

— Нет-нет, здесь его ученики, последователи, но еще не Друзья. Полюбуйтесь.

Вдоль невероятно длинной стойки бара выстроилась шеренга — вернее, бесконечная череда — молодых людей, словно отраженных в не-

сметном количестве зеркальных лабиринтов, где зеркала на противоположных стенах множат до бесконечности одно и то же изображение, которое, становясь все меньше и меньше, в конце концов делается и вовсе неразличимым. Все эти юноши как по команде повернулись в нашу сторону, а потом устремили пристальные взгляды друг на друга. До слуха почти явственно доносился их одобрительные возгласы. И с каждым возгласом лица становились все моложе, красивее, благороднее...

Я неотрывно смотрел на эту причудливую мозаику, на златокудрую фалангу, словно сошедшую с холмов и полей элизиума. Древний миф распахнул свои врата, и взору явились Аполлон и его спутники — один прекраснее другого.

Судя по всему, я невольно ахнул от восхищения. Мой провожатый втянул ртом воздух, будто решив допить все, что осталось у меня в бокале.

— Полностью с вами согласен! — поддержал он, а потом перешел на шепот.— Видите, вам бросили вызов. Не мешкайте, иначе попадете в передрягу. За мной!

Чуть покачиваясь, он заскользил по полу в своих бесшумных дорогих туфлях, увлекая меня за собой, легко придерживая за локоть и обдавая дыханием, в котором угадывался аромат цветов. Я услышал свой голос:

— Мне доводилось читать, что Герберт Уэллс завораживал женщин своим медовым дыханием. Но потом я узнал, что это симптом тяжелой болезни.

— Любопытно. Хотите сказать, от меня несет больницей и лекарствами?

— Нет, я не то имел в виду...

— Не отставайте. Вы — лакомый кусочек для голодных зверей. Раз-два, раз-два...

— Постойте.— У меня перехватило дух, но не от быстрой ходьбы, а от внезапного озарения.— Вот этот юноша, и тот, что за ним, и следующий...

— Ну-ну?

— Черт побери,— вырвалось у меня,— они же совсем одинаковые, как близнецы!

— Почти угадали! Не только эти трое, но и те, что дальше, и все-все, кого вы здесь увидите. У всех один возраст — двадцать девять лет, рост шесть футов, нежный загар, белозубая улыбка, ясный взгляд. Каждый самобытен, но все хороши собою, как я!

Бросив на него беглый взгляд, я осмыслил увиденное. Схожесть красоты. Ошеломляющее море юности.

— Не пора ли вам назвать свое имя?

— Дориан.

— Но вы сказали, что входите в круг его друзей.

— Да, так и есть. И эти — тоже. Притом все мы носим его имя. Вот этот красавец. И тот, что рядом с ним. Разумеется, когда-то всех нас звали куда проще. Смит и Джонс. Фил и Гарри. Джейк и Джимми. Но потом мы вступили в круг Друзей.

— Не для того ли сюда пригласили меня? Чтобы я тоже вступил в этот круг?

— Как-то я увидел вас в баре и навел справки. С той поры миновал ровно год, на вид у вас вполне подходящий возраст...

— Подходящий?

— Что вас удивляет? Вам ведь под семьдесят?

— Допустим.

— Ужас! Кому охота разменивать восьмой десяток?!

— Я не против.

— Не против? Неужели вам не хочется испытать настоящее счастье, вспомнить безумства юности? Окунуться в них с головой?

— Это уже в прошлом.

— Ничего подобного. Вас пригласили — вы пришли, потому что вам интересно.

— Что тут интересного?

— Вот это.— Он оттянул воротник, чтобы обнажить шею, а потом несколько раз согнулся и разогнулся бледные запястья.— И все вот это! — Широким жестом он обвел безупречные лица

тех, мимо кого мы проходили.— Сыны Дориана.
Неужели вам не хочется быть таким же молодым, полным сил?

— Разве это в моей власти?

— Признайтесь, вы думали об этом ночи на-
пролет в течение многих лет. Скоро вы вольетесь в их ряды!

Мы достигли конца этой длинной шеренги загорелых юношей с белоснежными зубами и медовым, как у Герберта Уэллса, дыханием...

— Неужели вас это не соблазняет? — продолжал мой спутник.— Неужели вы откажетесь от...

— Бессмертия?

— Нет! От того, чтобы прожить еще двадцать лет, умереть в девяносто и выглядеть на двадцать девять, лежа в гробу, будь он трижды проклят! Перед нами зеркало: кто в нем отражается?

— Старый козел среди сотни фавнов.

— Вот именно!

— Где тут записываются? — рассмеялся я.

— Значит, вы согласны?

— У меня еще остались вопросы.

— Ну что с вами делать! Ладно, вот вторая дверь. Проходите.

Распахнув следующую золоченую дверь, еще ослепительнее первой, он подтолкнул меня вперед, вошел следом и захлопнул ее за собой. Я впился глазами в темноту.

— А здесь что? — спросил я шепотом.

— Тренировочный зал Дориана, что же еще? Кто занимается здесь час за часом, день за днем, тот возвращает себе молодость.

— Ну и ну! — Дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте, я вглядывался в бескрайний полумрак, где сновали какие-то тени и шелестели голоса. — Насколько я знаю, спортивные упражнения помогают сохранить, а не вернуть молодость... А теперь хотелось бы узнать...

— Читаю ваши мысли. Имеется ли у каждого из помолодевших стариков, что выстроились у стойки бара, собственный портрет, спрятанный на чердаке?

— И что вы мне ответите?

— Отвечу «нет»! Есть лишь Дориан. Слава в вышних Дориану!

— Который стареет за всех вас?

— Точно! Полюбуйтесь, какой у него тренировочный зал!

Я присмотрелся к высокому гимнастическому помосту, похожему на зловещий берег, куда приливной волной набегали десятки теней, издавая протяжные стоны.

— Наверно, не стоит здесь задерживаться, — сказал я.

— Чепуха. Пойдемте. На вас никто не обратит внимания. Они все... заняты. А я поведу вас, как Моисей. — Меня обдало сладковатым дыха-

нием.— Сим повелеваю, чтобы Красное море расступилось.

Мы двинулись вперед по проходу меж двумя набегающими темными волнами — одна кошмарнее другой — под судорожные вздохи, крики, толчки, глухой стук и навязчивый шепот: еще, еще, о боже, еще!

Я бросился наутек, но провожатый поймал меня за руку.

— Взгляните направо, теперь налево, теперь опять направо!

Можно было подумать, по сторонам барахтаются сотни две диких зверей, но нет, это были люди, которые боролись, прыгали, падали, катались по полу. В темноте вздымалось море плоти, на бесчисленных борцовских матах извивались конечности, поблескивала потная кожа, сверкали зубы; мужские тела лезли вверх по канатам, вращались на обтянутых кожей гимнастических конях, подтягивались на перекладинах, срывались в гущу стенаний и сдавленных воплей.

— Господи! — вскричал я.— Что все это значит?

— Посмотрите вот туда.

Над диким кишением плоти в дальней стене виднелось огромное окно, футов сорок в ширину и десять в высоту; за холодным стеклом маячило Нечто, в упоении следящее неотрывным, всеохватным взглядом за теми, кто внизу.

Между тем над их головами проносились невообразимой силы вдохи: какая-то прожорливая, невидимая мощь раз за разом поглощала воздух гимнастического зала. Тени извивались и падали: под этим могучим вдохом они кренились в одну сторону, а меня стала одолевать духота. Можно было подумать, в потемках кто-то время от времени включал гигантский пылесос, который забирал влажный воздух и не отдавал его назад. В долгих промежутках извивались и падали тени, а потом недоступная взору жадная глотка с неутолимым сладострастием опять втягивала в себя спертый воздух. Вдох, вдох и еще раз вдох, утоляющий желания.

А тени все клонились вбок, и вскоре неведомая сила увлекла меня самого в ту же сторону, к всеохватному стеклянному глазу — к гигантскому окну, за которым бесформенное Нечто пожирало воздух спортивного зала.

- Дориан? — спросил я наугад.
- Ступайте поклонитесь ему.
- Да как же... — Передо мной судорожно метались тени.— А эти-то здесь зачем?
- Вот у него и спросите. Страшно? Кто смел, тот и сумел. Вперед!

Он распахнул третью дверь, но я даже не заметил этого движения и уж тем более не разобрал, была ли она обжигающе золотой, потому что меня обдало удушливым жаром, словно из

парника. Дверь тут же захлопнулась, и мой злакудрый доброжелатель запер ее на щеколду.

— Готовы?

— Мне нужно домой!

— Нет, сперва подойдите,— указал пальцем мой провожатый,— к нему.

Вначале я ничего не увидел. Тусклый свет, как и в гимнастическом зале, не мог осветить громадных чертогов. Мне в нос ударили запах тропической зелени. Чувственное дуновение ветерка ласкало щеки. Откуда-то повеяло плодами манго и дынного дерева; аромат увядавших орхидей примешивался к соленому запаху невидимого морского прибоя. Эти запахи несло с собой все то же могучее дыхание, которое то замирало, то оживало снова.

— Здесь никого не видно,— возразил я.

— Подождите, пусть глаза привыкнут к темноте.

Я ждал, глядя перед собой.

Поблизости не оказалось ни одного кресла — в них просто не было нужды.

Он не сидел, не полулежал, а громоздился на исполнинском ложе, размеры которого поражали воображение: футов этак пятнадцать на двадцать. Мне вспомнилась квартира знакомого писателя, где пол одной из комнат был устлан тюфяками, чтобы женщины, приходившие к нему в гости, спотыкались у самого порога и сразу принимали горизонтальное положение.

Нечто подобное я увидел у Дориана, только здесь под стать лежбищу был и его обитатель: в центре колыхалось необозримое стекловидное месиво, обтянутое пленкой кожи.

Принадлежность Дориана к мужскому или женскому полу оставалась загадкой. Передо мной был необъятный пудинг, медуза-великан, чудовищный вал похотливого студня, который шевелил толстыми губами и время от времени с характерным булькающим звуком выпускал зловонные газы. К этим беззастенчивым выхлопам добавлялось натужное урчание работающего насоса — все те же редкие, но нескончаемые вдохи. Оцепенев от ужаса и дурных предчувствий, я по неведомой причине испытал какое-то благование к этому созданию, будто выплеснуто му из мутного прибрежного ила. Это был желебобразный калека-монстр, выброшенный на берег осьминог с оторванными щупальцами, у которого не осталось сил ни уползти, ни перекатиться назад, в сточную трубу океана, откуда его исторгли чудовищные волны, судорожные порывы собственного дыхания и пулеметные очереди газов; поэтому он и остался лежать бесформенной кучей, даже не шевеля едва различимыми конечностями и скрюченными пальцами. Мне пришлось долго вглядываться в эту гору плоти, чтобы на дальнем краю различить выгнутое, как глубокая тарелка, лицо и смутное подобие че-

репа, открытую щель глаза, хищную ноздрю и красную резаную рану, в которой с трудом угадывался рот.

После долгого молчания это существо, окавшееся Дорианом, заговорило.

А может, зашептало. Или зашелестело.

И с каждым шорохом, с каждым шипением меня обдавало удущивым дыханием, запахом тлена, словно из дирижабля, надутого испарениями гнилого болота и упавшего в смердящую лужу. С рыхлых губ слетел один-единственный протяжный слог: «Да-а-а».

Что «да»?

А потом:

«Та-а-ак».

— Когда же... в какое время... это сюда...— запинаясь, пробормотал я,— он сюда попал?

— Кто знает? Когда правил Король-Королевич? Когда Бут уложил пистолет в чемоданчик из-под грима? Когда Наполеон окропил желтой струей московские снега? А скорее всего, когда вообще ничего не было. Что вас еще интересует?

Я прочистил горло.

— А он и вправду?..

— Дориан? Дориан, который тайком захаживал на чердак? Проверить свой портрет? И в какой-то миг решил, что портрета ему мало? Нет, холст, масло — одна видимость. Миру требовалось нечто большее: то, что будет утолять жажду

ночными ливнями, а голод — утратами и низменными пороками, вбирая их в себя, чтобы раздавать, переварить, истощнуть из вселенского чрева. Этакий пищевод для греха. Реторта для болезнестворных бактерий. Вот что такое Дориан.

Этот утес, обтянутый кожей-пленкой, вдруг продул невидимые трубы и клапаны, издав при этом некое подобие смеха, который, булькнув, затонул в водянистой гуще.

Из какого-то отверстия вырвались газы, а вслед за тем опять послышалось одно-единственное слово: «Да-а-а».

— Он вам рад! — заулыбался мой провожатый.

— Да уж, вижу.— Я начал выходить из себя.— Но с какой стати? Ведь я здесь не по своей воле. Мне дурно. Я хочу немедленно уйти.

— Это невозможно,— рассмеялся он,— потому что вы — избранный!

— Избранный?

— Мы давно к вам присматривались.

— Проще говоря, следили, шпионили, ходили по пятам? По какому праву?!

— Спокойно, не горячитесь. Далеко не все становятся избранными.

— Кто сказал, что я к этому стремился?

— Если бы вы могли посмотреть на себя нашими глазами, ответ был бы очевиден.

Я оглянулся и заметил, что студенистую гору прорезали слабо блеснувшие озерца: исполин

приподнял веки, чтобы разглядеть происходящее. Но почти сразу все отверстия закрылись наглухо — и рваная рана губ, и щели ноздрей, и холодные глаза. Лицо затянулось резиновой пленкой кожи. Теперь о нем напоминали только свисающие вдохи.

«Да-а-а», — послышался шепот.

«Да-а-ан-н-ные», — донеслось бормотание.

— Данные здесь! — Мой спутник достал карманный компьютер и вывел на дисплей мою фамилию, адрес и номер телефона.

Поглядывая то на меня, то на экранные строчки, он принял выдавать такие сведения, от которых мне стало не по себе.

— Холост, — сказал он.

— Был женат, но развелся.

— В настоящее время холост! Как у вас с женщинами?

— Бестактный вопрос.

Он постучал ногтем по дисплею:

— Завсегдатай злачных мест.

— Я бы не сказал.

— Творческое начало отсутствует. Спать ложится поздно. Встает поздно. Трижды в неделю по вечерам напивается.

— Неправда, дважды в неделю!

— Посещает тренажерный зал. Заметьте, ежедневно. Физические нагрузки чрезмерны. Злоупотребляет пребыванием в сауне и длительными сеансами массажа. В последнее время стал

увлекаться спортом. Каждый вечер играет в баскетбол, футбол или теннис. Да вы, я вижу, себя не щадите!

— Это мое личное дело!

— И наше тоже! Кто балансирует на краю пропасти, у того может закружиться голова. Опустите все эти факты в щель «однорукого бандита», что засел у вас в голове. Рывок — и увидите, как завертятся перед глазами лимоны и вишенки! Рывок!

Боже праведный. Все так и есть. Бары. Пьянство. Ночные бдения. Тренажеры. Сауны. Массажистки. Баскетбол. Теннис. Футбол. Рывок. Руковать вниз. Завертелось!..

— Не иначе как джекпот? — Довольный, он изучал мое лицо.— Три вишенки в ряд?

Меня передернуло:

— Косвенные улики. Никакой суд не признает меня виновным.

— Наш суд признал вас избранным. Мы изучаем линию жизни не по руке, а по жаждущим чреслам. Верно я говорю?

Желе затрепыхалось и выпустило обойму газов. «Да-а-а».

Говорят, мужчина, одержимый влечением, может не заметить, что бросается в темный омут: удовлетворив свою похоть, он теряет рассудок. Придавленный чувством вины, начинает презирать себя за животную необузданность, хотя его предостерегали против этой опасности ро-

дители, соседи, церковь, весь прошлый опыт. Нахлынувшее вожделение заманивает его в силки греховного соблазна. Он возлагает вину на нечестивую искусиельницу и лишает ее жизни. А женщина, наоборот, в приступе гнева и раскаяния скорее сама примет яд. Ева, покончив с собой, упокоится в райских кущах. Тогда и Адам соорудит себе виселицу, скрутив удавку из Змея.

Но что могло навести на мысль об убийстве на почве страсти, о женщинах, об искущении? Впереди было лишь необъятное средоточие пыхтящей плоти, а рядом — белокурый красавец. И были слова, летящие в меня потоком стрел. Мое тело ощетинилось иголками, как дикобраз, и отчаянно сопротивлялось: «Нет, нет, нет». Это слово повторялось во мне эхом, пока не прозвучало в полный голос:

— Нет!

«Да-а-а», — прошептали испарения живого холма, скелета, погруженного в прогорклое заливное.

«Да-а-а».

У меня вырвался изумленный возглас, потому что перед глазами выстроились все мои спортивные игры, сауны,очные бары, короткие сны — слагаемые одержимости.

Плутая темными коридорами, я столкнулся с незнакомцем, чье изъеденное осинами, изборожденное морщинами лицо лоснилось от похоти; оно было усеяно пигментными пятнами и

отмечено столь явной печатью излишеств, что я попытался отвести взгляд. Это чучело, разинув рот, потянулось к моей руке. По глупости я собрался было ответить на его рукопожатие и... уперся пальцами в стекло! В зеркало. Я слишком глубоко заглянул в собственную жизнь. Мне и прежде случалось на ходу ловить свое отражение в сверкающих витринах — они множили меня до бесконечности, превращая в мутный людской поток, словно хлынувший из подземной реки. По утрам, бреясь перед зеркалом, я видел отраженное здоровье. Но это!.. Настоящий троглодит, прошедший сквозь века, словно муха в янтаре. Мой фотопортрет после сотни постельных кульбитов! Кто же подсунул мне такое зеркало? Мой прощелыга-хозяин в сговоре с этим прогнившим скопищем газов.

— Выбор пал на тебя,— шептали они.

— Я отказываюсь! — прогремел мой ответ.

Не знаю, действительно ли я выкрикнул это что есть мочи или только подумал, но передо мной разверзлось горнило. Исполинская куча зарокотала газами. Белокурый красавец отшатнулся, сраженный тем, что их попытка приоткрыть мою суть, докопаться до нутра не вызвала ничего, кроме отвращения. Прежде, когда Дориан призывал: «Друг», к нему бросались толпы новообращенных атлетов, чтобы превознести до небес этого безрукого, безногого, безликого ко-

лосса из осклизлой тины. Они задыхались в его миазмах, снова и снова поднимались на ноги, сходились в яростной схватке и катались по полу темного зала, а потом, обретя юность, устремлялись в иное бытие.

А что же я? Что я натворил, если этот слизень с присвистом выпустил зловонные ветры?

— Идиот! — зарычал мой провожатый, стиснув кулаки.— Прочь отсюда! Убирайся!

— Убираюсь! — подхватил я и стремительно развернулся.

Сейчас мне трудно вспомнить, как именно я упал. Не могу даже сказать, что стало тому причиной: возможно, слишком поспешное бегство от злобного извержения слюны и желчи, брызнувшего из гнилостной кучи. В меня полетели не смертоносные молнии, а обжигающие волны мести. «За что?» — мелькнуло в голове. Что Дориану до тебя, что тебе до него, почему гидра, таившаяся за твоей видимостью, вырвалась на свободу, почему у тебя задрожали колени, руки, даже ногти, спрашивал я себя, когда Дориан в последний раз опалил мне волосы и накрыл потоком зловонной лавы.

Агония длилась не более секунды.

Меня толкнула какая-то неведомая сила. Нужели это взбунтовалась моя тайная сущность? Что-то рывком дернуло меня вперед и бросило прямо на Дориана.

Он издал два леденящих душу вопля: первый — предупредительный, второй — отчаянный.

В падении я как-то умудрился не погрузить руки в глубь ядовитого месива, в растекающуюся студенистую глыбу. Клянусь, я едва-едва коснулся этой плоти, царапнул, а точнее, провел по ней ногтем правого мизинца.

Одним ногтем!

Так и получилось, что Дориан получил пробоину и пошел ко дну. Так и получилось, что этот пузырь с воплями испустил дух. Так и получилось, что омерзительный дирижабль на глазах потерял упругость, а его бескостная оболочка сморщилась и стала опадать в ночи, складка за складкой, извергая вонючую магму, тучи присвистывающих нутряных газов и жалобный вой.

— Дьявольщина! Что ты наделал? Убийца! Будь ты проклят! — заорал белокурый красавец, не в силах спокойно наблюдать за кончиной Дориана.

Он замахнулся, чтобы обрушить на меня удар, но передумал и бросился к выходу, успев прокричать:

— Сюда! Запирайся! Не отворяй, заклинаю! Быстрее! — И выскочил из зала, хлопнув дверью.

Я ринулся следом, задвинул щеколду и только тогда обернулся.

Дориан беззвучно опадал.

Он опускался все ниже и ниже, постепенно исчезая из виду. Подобно огромному шатру, лишенному распорок, он опустился на пол и стал просачиваться в трубы и люки, окружавшие необъятное ложе. Видимо, эти отверстия были про-деланы как раз на тот случай, если этот кожистый куль по какой-то причине растает и выпустит из себя жидкую заразу вперемешку с удушливой гнилью. У меня на глазах последний сгусток мерзкой слизи засосало в трубу, и я остался стоять в пустом зале, куда только что стекались непотребные выбросы и нерожденные эмбрионы, образуя смердящие залежи, которые впускали в себя грехи, изломанные кости и души, а выпускали монстров, прикрывшихся красотой. Их порочный властелин, безумный правитель исчез, растворился. Напоследок в трубе что-то булькнуло и вздохнуло.

Боже мой, подумал я, это еще не конец, еще висят в воздухе тлетворные миазмы, еще течет к морю эта жижа, которую подхватят приливы, чтобы отнести на чистые пляжи, куда на рас-свете потянутся люди...

Даже сейчас...

Я не двигался с места и, закрыв глаза, ждал.

Чего? Какого-то продолжения — оно с неиз-бежностью должно было наступить. И насту-пило.

Мне почудилась какая-то дрожь, вибрация, а потом явственно ощутимая тряска: стена ходила ходуном, а вместе с ней золотая дверь.

Я повернулся на этот звук, чтобы видеть происходящее своими глазами.

С другой стороны кто-то таранил стену и молотил кулаками. Толчки и удары обрушивались один за другим. Слышались голоса, переходившие в крик.

Под титаническим напором дверь едва не слетела с петель.

Оцепенев от страха, я думал, что она не выдержит, и тогда в пустой проем хлынет неудержимая волна изголодавшихся, разъяренных чудовищ, свора полумертвых тварей. Их вопли, метания, мольбы о помощи были так ужасны, что я заткнул уши.

Дориан растворился, но они остались. Опять крики. Вопли. Вопли. Крики. Бесчисленные сплетения рук и ног сотрясали дверь, тела падали, голоса взвывали о помощи.

Во что они теперь превратились? — спросил я себя. Нарциссы. Красавцы.

Скоро приедет полиция, твердил я. Ждать осталось недолго. Но...

Что бы ни случилось...

Нельзя отпирать эту дверь.

ВСЕ ХОРОШО, ИЛИ ОДНА БЕДА — СОБАКА ВАША СДОХЛА

3

то был день пожаров, катастроф, землетрясений, ураганов, затмений, извержений вулканов, кровавых побоищ и множества других бедствий, в довершение которых Солнце поглотило Землю и в небе погасли звезды.

А попросту говоря, самый важный член семьи Бентли испустил дух.

Звали его Песик, потому что это был обычновенный пес.

Воскресным утром, когда можно было никуда не спешить, Песика обнаружили на кухонном полу: уже холодный, он лежал головой к Мекке, скромно поджав лапы, и впервые за два десятка лет не вилял хвостом.

Двадцать лет! Надо же, подумали все, неужто и вправду так долго? Но все равно, как такое могло произойти?

Все семейство разбудила Сьюзен, младшая из девочек:

— Что-то с Песиком! Идите скорее сюда!

Роджер Бентли, даже не накинув халата, в пижаме выскочил из спальни и увидел всеобщего любимца, распостертого на кафельном полу. Следом прибежала мать семейства, Рут, а потом и сынишка Скип, двенадцати лет. Взрослые дети, которые уже обзавелись семьями и переехали жить в другие города, прибыли позднее. Каждый говорил примерно одно и то же:

— В голове не укладывается! Как же мы будем без Песика?

Песик ничего не отвечал: он, как пожар Второй мировой, только что отшумел и оставил после себя опустошенность.

Сьюзен залилась слезами, за ней Рут, потом, как и следовало ожидать, прослезился отец и самым последним — Скип, который всегда долго раскачивался.

Не сговариваясь, они окружили пса и все как один опустились на колени, чтобы его погладить, будто от этого он мог вскочить, просиять улыбкой, какую всегда вызывало у него предвкушение кормежки, и, опережая всех, с лаем броситься к двери. Но ласка не помогала; слезы хлынули еще сильнее.

В конце концов родители и дети поднялись с колен и, обнявшись, пошли готовиться к завтраку, но толком даже не поели, потому что Рут сказала:

— Негоже оставлять его на полу.

Роджер Бентли бережно поднял Песика на руки, вынес в сад и опустил возле бассейна.

— А дальше что?

— Ума не приложу,— отозвался Роджер Бентли.— Столько лет у нас в семье никто не умирал, а тут...— Он осекся, хлюпнул носом и покачал головой.— Я не то хотел сказать...

— Все правильно,— поддержала его Рут Бентли.— Песик и в самом деле был для нас как родной. Господи, как я его любила!

У всех опять брызнули слезы; Роджер Бентли под благовидным предлогом ушел в дом и вернулся с одеялом, чтобы накрыть пса, но Сьюзен схватила его за руку:

— Нет, не надо! Хочу на него насмотреться. Ведь я его никогда больше не увижу. Он у нас такой красивый. И такой... старенький.

Они вынесли свои тарелки в сад и уселись вокруг Песика — невыносимо было оставлять его в одиночестве.

Роджер Бентли позвонил старшим детям; каждый из них, оправившись от первых слез, сказал одно и то же: скоро буду, ждите.

Когда они примчались в родительский дом — сначала сын Родни, которому исполнился двадцать один год, а потом старшая дочь Сэл, ей было уже двадцать четыре,— на всех опять нахлынула волна скорби, а потом семья сидела молча, надеясь на чудо.

— Что будем делать? — Родни нарушил гнетущую тишину.— Я понимаю, это всего лишь пес...

— Всего лишь? — вскинулся гневный хор.

Роджер пошел на попятную.

— Спору нет, он достоин мавзолея. Но его удел — собачье кладбище «Орион»; это в Бербанке.

— Собачье кладбище?! — вскричали все вместе, но каждый на свой манер.

— Да что вы, в самом деле? — сказал Родни.— Нелепый разговор получается.

— Почему нелепый? — У раскрасневшегося Скипа задрожали губы.— Песик — он... Песик был — наш самый дорогой. Из чистого золота!

— Вот именно,— подтвердила Сьюзен.

— Прошу меня простить.— Роджер Бентли отвернулся и обвел глазами бассейн, живую изгородь, небесный свод.— Думаю, пора вызывать мусоровоз, который забирает дохлых собак.

— При чем тут мусоровоз? — не поверила своим ушам Рут Бентли.

— При чем тут дохлые собаки? — возмутилась Сьюзен.— Песик у нас — не дохлая собака.

— А кто же он у нас? — уныло спросил Скип.

Все взоры устремились на Песика, который поклонился у кромки бассейна.

— Он...— выдохнула, поразмыслив, Сьюзен,— он... он мой любимчик!

Не дожидаясь очередного потока слез, Роджер Бентли снял трубку установленного в саду

телефона, соединился с кладбищем домашних животных, задал несколько вопросов и вернул трубку на место.

— Двести долларов,— сообщил он.— Полагаю, это приемлемо.

— За Песика? — возмутился Скип.— Уж больно дешево!

— Ты шутишь? — спросила мужа Рут Бентли.

— Вовсе нет,— ответил Роджер.— Я всю жизнь посмеивался над такими заведениями. Но раз уж мы расстаемся с Песиком навсегда... — он помолчал.— Его заберут ближе к полудню. Прощальная церемония — завтра.

— Прощальная церемония! — фыркнул Родни, остановился у кромки бассейна и сделал несколько круговых движений руками.— Нет, увольте, это без меня.

Почувствовав спиной долгие осуждающие взгляды, он обернулся и втянул голову в плечи.

— Ну ладно-ладно, приду.

— Песик бы тебя не простила,— всхлипнула Сьюзен и вытерла нос.

Но Роджер Бентли ничего этого не слышал. Переведя глаза с собаки на родных, а потом на небо, он зажмурился и вполголоса произнес:

— Боже милостивый! Да понимаете ли вы, что это единственное горе, которое постигло нашу семью за все минувшие годы? Никто из нас даже ни разу не хворал, так ведь? Не лежал в больнице. Не попадал в аварию

Он выждал.

— Да, так и есть,— согласились все.

— Круто! — вырвалось у Скипа.

— Вот именно. Вы же видите, сколько вокруг аварий, несчастных случаев, болезней.

— А может быть...— начала Сьюзен, но не сразу договорила, потому что у нее срывался голос.— Может, Песик для того и умер, чтобы показать, какие мы везучие.

— Везучие?! — Роджер Бентли открыл глаза.— Это правда! Известно ли вам, как нас прозвали...

— Научно-фантастическое поколение,— подхватил Родни, с невинным видом зажигая сигарету.

— Откуда ты знаешь?

— Да ты постоянно об этом твердишь — читаешь лекции даже за обедом. Нож для консервных банок? Фантастика. Автомобили. Радиоприемник, телевизор, кино. Все на свете! Научная фантастика, куда ни кинь!

— А разве не так? — вскричал Роджер Бентли, обращая взгляд к Песику, как будто ответ знали последние покидающие свою обитель блохи.— Черт побери, ведь раньше и в помине не было автомобилей, консервных ножей, телевизоров. Перво-наперво их надо придумать. Начало лекций. Затем их надо сконструировать. Середина лекций. Таким образом, фантастика становится свершившимся научным фактом. Лекция окончена.

— Я посрамлен! — Родни с преувеличенным почтением захлопал в ладоши.

Груз сыновней иронии пригнул Роджера Бентли к земле; он погладил несчастное издохшее животное.

— Прошу прощения. Расстроился из-за Песика. Ничего не могу с собой поделать. На протяжении тысячелетий род людской только и делал, что умирал. Но этот период завершился. Одним словом, научная фантастика.

— Хоть стой, хоть падай,— усмехнулся Родни.— Ты, отец, начитался всякой макулатуры.

— Допустим.— Роджер коснулся черного собачьего носа.— А как же Листер, Пастер, Солк? Они ненавидели смерть. Изо всех сил старались ее побороть. В том-то и заключается суть научной фантастики. Неприятие данности, жажда перемен. А ты говоришь — макулатура!

— Это уже древняя история.

— Древняя история? — Роджер Бентли негодуше воззрился на сына.— Не скажи. Я, например, появился на свет в тысяча девятьсот двадцатом году. В те времена, если человек хотел в выходные проведать родителей, его путь лежал...

— На кладбище,— подхватил Родни.

— Точно. Мои брат с сестрой умерли, когда мне шел восьмой год. Из родни осталась ровно половина! А теперь скажите-ка, милые дети, много ли ваших сверстников умерло в юном возрасте? В начальной школе? В старших классах?

Обведя взглядом родных, он выжидал.

— Ни одного,— ответил, помолчав, Родни.

— Ни одного! Слышите? Ни одного! Вот так-то. А я к десяти годам потерял шестерых лучших друзей! Постойте! Я кое-что вспомнил!

Роджер Бентли бросился в дом, порылся в чулане, вытащил на свет божий старую пластинку — семьдесят восемь оборотов в минуту — и бережно сдул с нее пыль. Щурясь от солнца, он прочел на этикетке:

— «Все хорошо, или Одна беда — собака ваша сдохла».

Жена и дети потянулись к нему, чтобы разглядеть эту реликвию.

— Ничего себе! Сколько же ей лет?

— В двадцатые годы, когда я был от горшка два вершка, ее крутили день и ночь.

— «Все хорошо, или Одна беда — собака ваша сдохла»? — переспросила Сэл, глядя в глаза отцу.

— Эту пластинку ставят на собачьих похоронах,— пояснил он.

— Кроме шуток? — усомнилась Рут Бентли.
Тут позвонили в дверь.

— Неужели это за Песиком, машина с кладбища?

— Не может быть! — закричала Сьюзен.— Еще рано!

Повинуясь единому порыву, семья выстроилась плечом к плечу между своим любимцем и

надрывающимся звонком, поставив заслон вечности.

А потом все дружно заплакали.

Что удивительно и в то же время трогательно: на похороны пришло множество народу.

— Я и не знала, что у Песика было столько друзей,— всхлипнула Сьюзен.

— Шакалил по всей округе,— фыркнул Родни.

— О мертвых плохо не говорят.

— А что, неправда, что ли? Иначе с чего бы сюда пожаловал Билл Джонсон? И Герт Сколл, и Джим — из дома напротив.

— Эх, Песик,— сказал Роджер Бентли.— Жаль, ты этого не видишь.

— Он видит.— У Сьюзен потекли слезы.— Не важно, где он сейчас.

— Рева-корова,— зашипел Родни.— Тебе дай почитать телефонный справочник — ты и над ним слезами обольешься.

— Заткнись! — не стерпела Сьюзен.

— Сейчас же замолчите, оба хороши!

И Роджер Бентли, опустив глаза долу, вошел прямиком в ритуальный зал, где в уютной позе покоился Песик. Ящик для собаки выбрали не слишком роскошный, но и не слишком простой, а как раз такой, как нужно.

В руках у Роджера Бентли был старый, облезлый патефон. Из-под стальной иглы вырывалось шипение и потрескивание. Соседи выстроились полукругом.

— Похоронного марша не будет,— коротко объявил Роджер.— Только это...

И голос из далекого прошлого стал выводить историю о том, как хозяин, вернувшись с курорта, расспрашивает домочадцев, что произошло в его отсутствие.

Они ему: «Все хорошо, любезный наш хозяин».

А потом спохватились: «Одна беда — собака ваша сдохла. Ох, даже вспомнить тяжело».

«Собака? — не верит своим ушам хозяин.— Да как же так — моя собака сдохла?! Как это все произошло?»

«Виной всему — горелая конина».

«При чем тут горелая конина?» — пытает хозяин.

«У нас намедни вспыхнула конюшня». Ну, собака, мол, объелась горелой конины и сдохла.

«Да как же так? — кричит хозяин.— И почему огонь попал в конюшню? Как это все произошло?»

«Да ветром искру принесло, лошадок крепко припекло, собака сразу тут как тут...»

«Ветром искру?.. — выходит из себя хозяин.— Как это всё?..»

«Да занавески занялись, до неба искры поднялись...»

«Занавески? Неужто сгорели занавески?!»

«Да поминальная свеча была куда как горяча...»

«Поминальная?»

«Да ваша тетушка слегла и Богу душу отдала, а поминальная свеча была куда как горяча, и занавески занялись, до неба искры поднялись, их в стойло ветром принесло, лошадок крепко припекло, собака сразу тут как тут...»

Короче: все хорошо. Одна беда — собака ва-ша сдохла!

Пластинка издала прощальный хрип и умолкла.

В тишине у кого-то вырвался сдавленный сме-шок, хотя в песне говорилось о смерти — соба-чей и человеческой.

— Теперь, по всей видимости, нас ждет лек-ция? — Родни был в своем репертуаре.

— Нет, проповедь.

Роджер Бентли положил руки на конторку, сверяясь с несуществующими заметками.

— Трудно сказать, что привело сюда нашу семью: мысли о Песике или же о нас самих. Ду-маю, верно и то и другое. Мы живем себе — и горя не знаем. Сегодня на нас впервые обруши-лось несчастье. Конечно, не стоит гневить судь-бу, чтобы, не дай бог, не накликать новые беды. Но давайте попросим: смерть, сделай милость, не спеши в нашу сторону.

Он повертел в руках пластинку, будто читая слова песни среди спиральных дорожек.

— Все было хорошо. Вот только на тетушки-ных похоронах от свечи вспыхнули занавески, искры разнесло ветром, и собака приказала дол-

го жить. У нас же — как раз наоборот. Много лет все было хорошо. Никто не мучился сердцем, не страдал печенью, жили — не тужили. Нам ли сетовать?

Тут Роджер Бентли заметил, что Родни следит за временем.

— Когда-нибудь придет и наш срок.— Роджер Бентли заторопился.— В это трудно поверить. Мы избалованы благоденствием. Но Сьюзен правильно сказала: Песик своей смертью послал нам осторожное напоминание, и мы должны прислушаться. А заодно порадоваться. Чему? — спросите вы. Тому, что мы стоим у истоков невероятной, поразительной эры — эры долголетия, которая останется в веках. На это можно возразить: если будет война, все пойдет прахом. Не знаю... Скажу только одно: хочу верить, вы все доживете до глубокой старости. Лет через девяносто люди победят сердечные болезни и злокачественные опухоли, а потому станут жить дольше. В мире будет меньше горя — и слава богу. Легко ли этого достичь? Нет, нелегко. Возможно ли к этому прийти? Да, возможно. Не везде, не сразу. Но в конечном счете мы приблизимся к этой цели. Вчера я вспоминал, что полвека назад проведать дядю с тетей, деда и бабушку, братьев-сестер ходили на кладбище. Все разговоры вертелись вокруг смерти. От нее было некуда деться. Время вышло, Родни?

Сын жестом дал понять: осталась одна минута.

Роджер Бентли понял, что пора закругляться.

— Конечно, и в наши дни умирают дети. Но не миллионами. А старики? Они перебираются в теплые края, а не в мраморные склепы.

Отцовский взор охватил всех присутствующих, которые с подозрительно блестящими глазами сидели на скамьях.

— Да что далеко ходить, посмотрите друг на друга! А потом оглянитесь в прошлое. Тысячелетия ужаса и скорби. Не представляю, хоть убейте, как родители могли сохранять рассудок, теряя детей! Но они жили дальше, хоть и с разбитым сердцем. Между тем чума и обыкновенный грипп все так же уносили миллионы жизней. Так вот, мы сейчас вступаем в новую эру, но пока этого не осознаем, потому что находимся в эпицентре урагана, где царит спокойствие... Сейчас я закончу; скажу лишь последнее слово о Песике. Мы его очень любили и потому устроили эти проводы, хотя кому-то такие ритуалы могут показаться излишними. Но мы ничуть не жалеем, что приобрели для него участок и договорились посвятить ему прощальную речь. Это не значит, что мы непременно будем приходить к нему на могилу, но кто знает? По крайней мере, у него есть место. Песик. старина, пустя тебе земля будет пухом. А теперь давайте воспользуемся носовыми платками.

Все присутствующие дружно высыпкались.

— Папа,— заговорил вдруг Родни,— а можно... еще разок прокрутить пластинку?

На него устремились изумленные взгляды.

— Именно это,— сказал Роджер Бентли,— я и сам хотел предложить.

Он опустил иглу на дорожку. Послышалось шипение.

В том месте, когда в стойло попала искра, когда мясо подкоптилось, а собака лопнула от обжорства, дверь маленького ритуального зала тихо стукнула.

Все головы повернулись назад.

На пороге стоял никому не известный человек, держа в руках плетеную корзинку, из которой доносилось хорошо узнаваемое слабое тявканье.

В том месте, когда у гроба дрогнула свеча, от которой вспыхнула занавеска, и в стойло попала искра...

...все домашние, потянувшись к солнечному свету, окружили незнакомца и дождались главу семейства, чтобы тот отогнул край покрывала и позволил им запустить руки внутрь корзины.

Как впоследствии говорила Сьюзен, лучше бы ей в тот миг дали почитать телефонный справочник.

ВЕДЬМИН ЗАКУТ

Б

ыл стук в дверь, яростный, истовый, неукротимый стук, рожденный из безумия, страха и жажды быть услышанным, выбраться на волю, найти спасение. Был грохот кулаков по невидимой притолоке, были глухие удары, толчки, рывки, скрежет! Чем-то острым царапали по деревянной филенке, выковыривали загнанные по самую шляпку гвозди. Были сдавленные крики в чулане, и неразборчивые мольбы, и зов на помощь, а потом тишина.

Тишина была тягостнее и страшнее всего прочего.

Роберт и Марта Уэбб сели в кровати.

— Слышал?

— Вот опять.

— Это на крыльце.

Теперь тот, кто стучал, и молотил, и лихорадочно обдирал в кровь пальцы, и рвался к свободе

де, погрузился в молчание, словно прислушивался, чтобы определить, придет ли помошь в ответ на мольбы и стук.

Зимняя ночь наполнила дом снежным молчанием; оно запорошило все комнаты, занесло полы и столешницы, завалило ступеньки.

Вскоре стук раздался снова. А потом...

Тихий плач.

— На крыльце.

— Нет, в доме, где-то внутри.

— Думаешь, это Лотта? Но дверь-то не заперта.

— Лотта постучалась бы обычным манером, и все. Нет, это не она.

— Кто же еще? Она ведь звонила.

Оба посмотрели на телефон. Если поднять трубку, в ней слышалась только зимняя тишина. Телефонные линии не работали. С тех самых пор, когда в близлежащих городах начались беспорядки. Так вот, в трубке теперь можно было услышать разве что собственное сердцебиение.

— Можно у вас пересидеть? — надрывалась Лотта за шестьсот миль от них.— Всего одну ночь!

Не успели они ответить, как в трубку хлынули шестьсот миль тишины.

— Лотта была на грани срыва. Ручаюсь, она вот-вот будет у нас. Скорее всего, это она и есть,— сказала Марта Уэбб.

— Исключено,— отозвался Роберт.— Я по ночам и не такое слышал. Не приведи Господь.

Они лежали в нетопленой спальне фермерского дома, затерянного на просторах Массачусетса, в стороне от главных дорог, вдали от городов, над неприветливой речкой, у кромки черного леса. Декабрь прошел половину студеного пути. Воздух рассекло белым запахом снега.

Им не лежалось. При свете коптилки они свесили ноги и сидели на краю кровати, как над пропастью.

— Внизу никого нет и быть не может.

— Но звуки такие, будто кто-то помирает от страха.

— Да ведь нынче все живут в страхе. Не зря же мы с тобой обосновались подальше от городов, беспорядков и прочих мерзостей. Сил больше нет терпеть прослушки, аресты, налоги, выходки безумцев. Не успели мы найти убежище, как от знакомых отбою не стало. А теперь еще вот это... Эй! — Он мельком взглянул на жену.— Ты никак струсила?

— Не знаю, что и сказать. В призраков я не верю. Как-никак, на дворе тысяча девятьсот девяносто девятый год, и я еще из ума не выжила. Во всяком случае, смею надеяться. Где, кстати, твой револьвер?

— Он нам не понадобится. Не спрашивай почему. Не понадобится — и точка.

Каждый взял в руку по коптилке. Еще месяц — и в белых бараках позади дома заработает маленькая электростанция, начнется подача энергии, но пока суд да дело — они передвигались по ферме, как привидения, в неверном пламени масляных ламп и свечей.

На лестничной площадке они помедлили. К тридцати девяти годам оба сделались в высшей степени осмотрительными.

Из вымороженных комнат на первом этаже доносились рыдания, мольбы и стоны.

— Этой бедняжке, видно, совсем тugo пришлось, — сказал Роберт. — Жалко ее, хотя одному Богу известно, кто она такая. Пойдем-ка.

Они сошли по ступеням.

При звуке их шагов плач сделался еще громче. Кто-то с тупой обреченностью бился в невидимую дверь.

— Ведьмин закут! — выдавила Марта Уэбб.

— Скажешь тоже!

— Точно тебе говорю.

Остановившись в длинном коридоре, они всматривались в уголок под лестницей, где еле заметно подрагивала обшивка стен. Но теперь рыдания утихли, словно плакальщица вконец обессилела или отвлеклась на что-то другое; а может, она испугалась голосов и начала подслушивать. Зимняя ночь молчала; муж с женой зашлились, подняв перед собой беззвучные огни коптилок.

Наконец Роберт Уэбб сделал шаг вперед и обшарил стену в поисках секретной кнопки или потайной пружины.

— Пусто,— объявил он.— Как-никак мы в этом доме прожили без малого полтора месяца; под лестницей — обыкновенный чулан, вот и все. Помнишь, нам еще агент говорил, когда оформляли купчую: в чулан невозможно проникнуть без нашего ведома. У нас...

— Молчи!

Они прислушались.

Тишина.

— Она ушла. Если это была живая душа. Вот чертовщина, ведь эта дверь стоит запертой с незапамятных времен. Теперь уж никому не ведомо, как она открывается. По сути, здесь и двери-то нет. Просто обшивка отстала от стены, и это местечко облюбовали крысы, вот и весь сказ. Они и топочут, и скребутся. Так ведь? — Он повернулся и вопросительно посмотрел на жену, которая не сводила глаз с тайника.

— Что за вздор,— отозвалась она.— Крысы, слава богу, не плачут. Мы же слышали голос и мольбы о помощи. Я сперва подумала: Лотта все-таки добралась. Но теперь-то ясно: это была не она, а кто-то другой, кому тоже некуда деваться.

Марта Уэбб вытянула руку и провела дрожащими пальцами по старой кленовой панели.

— Как бы открыть этот чулан?

— Разве что ломом и кувалдой. Только не сегодня.

— Ой, Роберт!

— Не приставай. Я устал.

— Мы же не можем ее бросить — неровен час...

— Она затихла. Послушай, я еле на ногах стою. Завтра встану пораньше и вышибу эту дверь к чертовой матери, договорились?

— Договорились.— Она чуть не плакала.

— Одно слово: женщины,— бросил Роберт Уэбб.— Что ты, что Лотта. Одна другой лучше. Как только она переступит порог — если доберется,— тут будет сумасшедший дом.

— Лотта никому зла не делает!

— Может, и так. Только пусть язык придержит. Сейчас не время бить себя в грудь: я, мол, за социализм, за демократию, за гражданские свободы, против абортов, за шинфейнеров, за фашистов, за коммунистов — мало ли кто за кого. Тут целые города исчезают с лица земли, а потому люди ищут козлов отпущения, вот Лотте и приходится стрелять с бедра, чтобы ее не размазали по стенке. Теперь, будь она неладна, в бега ударились.

— Если ее поймают — бросят за решетку. А то и убьют. Скорее всего, убьют. Нам с тобой повезло: запас провизии есть, сидим и в ус не дуем. Слава богу, мы все просчитали заранее;

как чувствовали, что грядет и голод, и резня. Хоть как-то себя обезопасили. А теперь нужно обезопасить Лотту, если она сюда прорвется.

Роберт, помолчав, направился к лестнице.

— Меня и самого уже ноги не держат. Надоело радеть за других. Взять хотя бы ту же Лотту. Но уж коли появится на пороге — ничего не попишешь, спрячем и ее.

При свете коптилок они поднимались в спальню, окруженные дрожащим белым ореолом. В доме стояла тишина снежной ночи.

— Господи прости,— бормотал Роберт.— Терпеть не могу, когда женщины льют слезы.

Мне начинает казаться, будто плачет целый мир, добавил он про себя. Целый мир погибает, и молит о помощи, и мучится своим одиночеством, а чем тут поможешь? Если живешь на ферме? В стороне от главных дорог, у черта на рогах, где кругом ни души, а потому нет ни глупости, ни смерти? Чем тут поможешь?

Одну коптилку они оставили зажженной, а сами укутались в одеяла и слушали, как ветер бьется в стены, как скрипят балки и деревянные полы.

Не прошло и минуты, как снизу донесся вопль, потом треск древесины и незнакомый дверной скрип; с лестничной площадки потянуло сквозняком, по всем комнатам застучал дробный поток, разнеслись исступленные рыдания, а вслед

за тем стукнула входная дверь, в дом ворвалась свирепая выюга, шаги переместились на крыльце и затихли.

— Слышал? — вскричала Марта.— Я же говорила!

Прихватив единственную горящую лампу, они сбежали по лестнице и едва не задохнулись от удариившего в лицо ветра. Ведьмин закут был распахнут настежь; дверные петли ничуть не пострадали от времени. Тогда муж с женой посветили в сторону крыльца, но увидели только безлунную зимнюю тьму, белые покровы и горы; в тусклом луче мельтешили стаи снежинок, которые падали с высоты прямо на перину, устилавшую сад.

— Была — и нету,— шепнула Марта.

— Да кто она такая?

— Этого мы не узнаем, разве что она снова явится.

— Нет, больше не явится. Гляди.

Когда они опустили коптилку пониже, на белой земле обозначилась тонкая бороздка шагов, уходящая по мягкому покрову куда-то вдали, в сторону черного леса.

— Выходит, здесь и впрямь была какая-то женщина. Но... как это понимать?

— Бог ее знает. А как понимать все остальное в этом сумасшедшем мире?

Они еще долго изучали эти следы, а потом, окоченев от стужи, переместились с порога в

закуток под лестницей, где теперь зияла дыра, и направили свет в развернутый ведьмин закут.

— Да это просто клетушка, даже чуланом не назовешь. Ой, смотри-ка...

Внутри обнаружился убогий скарб: видавшее виды кресло-качалка, домотканый коврик, оплывшая свеча в медном подсвечнике и старинная потрепанная Библия. В нос ударили запах плесени, мха и засушенных цветов.

— Выходит, здесь прятали живых людей?

— Точно. Давным-давно здесь прятали тех, кого называли сатанинским отродьем. На них велась охота. Охота на ведьм. Таких судили, а потом отправляли на виселицу или на костер.

— Ну и ну,— приговаривали оба, разглядывая крошечную келью.

— Значит, ведьмы отсиживались тут, а охотники, обыскав дом, уходили ни с чем?

— Вот-вот, так оно и было.

— Роб...

— Что?

Марта подалась вперед. Она побледнела и не могла отвести глаз от убогого, щербатого кресла-качалки и от выцветшей Библии.

— Роб, а этот дом... он очень старый? Сколько ему лет?

— Думаю, лет триста будет.

— Неужели так много?

— А что тут удивительного?

— В голове не укладывается. Несуразица какая-то...

— Не пойму: ты о чем?

— Об этом доме. Такие постройки стояли целый век. Потом еще один век. И еще. Да ведь здесь можно потрогать прошлое! Только руку протяни! Интересно, неужели можно и ход времени нашупать пальцами? А ну как я сяду в это кресло и затворю дверцу — что будет? Эта безвестная женщина... долго ли она томилась взаперти? Как сюда попала? Уж сколько лет прошло. Непонятно все это.

— Эк тебя занесло!

— А ты вообрази, что твоя жизнь в опасности: умирать-то никому неохота, а за тобой погоня, ты молишь Бога, чтоб тебя не поймали, и тут находится добрая душа, которая прячет тебя, сатанинское отродье, за такой дверцей, а между тем преследователи уже обыскивают дом, их шаги все ближе, ближе... разве ты не захочешь отсюда вырваться? Чтобы бежать, куда глаза глядят? Чтобы найти другое место? А может, и другое время? Если хорошенъко попросить, то в таком доме, простоявшем не один век, можно укрыться даже в другом году! А вдруг... — она запнулась, — здесь как раз?..

— Да ну тебя, — отмахнулся он. — И впрямь несуразица какая-то!

Но несмотря ни на что, какое-то едва уловимое движение внутри каморки заставило обоих

почти одновременно вытянуть руки перед собой, чтобы погрузить их, из чистого любопытства, в невидимую реку. Казалось, воздух чуть качнулся в одну сторону, потом в другую, дохнул теплом, потом холодом, мелькнул лучом света и так же внезапно погрузился в темноту. Оба это чувствовали, но не могли выразить словами. В чулане менялась погода: то зимняя стужа, то быстротечное лето. Конечно, так не бывает, но ошибки быть не могло. Под кончиками пальцев, скрытая от глаз, текла невидимая, как само время, река из теней и солнца, прозрачная, как горный хрусталь, но спрятанная пульсирующей тьмой. Казалось, опусти руки чуть поглубже — и тебя затянет в неодолимую круговорть времен года, засосет в этот крошечный, непостижимо малый омут. Эти мысли проносились в голове каждого из двоих, почти ощущались кожей, хотя и не облекались в слова.

Охваченные тревогой, они отдернули и прижали к груди ледяные, но успевшие загореть руки, а сами неотрывно смотрели вниз.

— Чертовщина,— шептал Роберт Уэбб.— Одно слово — чертовщина!

Он попятился и еще раз вышел на крыльцо, но снежная ночь уже почти заровняла бороздку следов.

— Никого,— выговорил он.— Пусто.

В этот самый миг на подъезде к дому вспыхнули желтые фары.

— Лотта! — воскликнула Марта Уэбб.— Наконец-то! Лотта!

Фары погасли. Роберт и Марта устремились во двор, навстречу бегущей к ним женской фи-гурке.

— Лотта!

Растянутая, с затравленным взглядом, она бросилась к ним в объятия.

— Марта, Боб! Господи, я уж не чаяла вас разыскать! Сбилась с дороги. За мной погоня. Идемте скорее в дом. Простите, что разбудила среди ночи. Как же я рада вас видеть! Ой, чуть не забыла — надо спрятать машину. Вот, держите ключи.

Роберт Уэбб кинулся отгонять машину за дом. На обратном пути он удостоверился: колеи постепенно заметало снегом.

Вскоре все трое уже сидели тесным кружком и не могли наговориться. Роберт Уэбб все косился на входную дверь.

— Прямо не знаю, как вас благодарить,— взволнованно повторяла Лотта, устраиваясь в кресле.— Вы ведь сами рискуете! Но я вас не обременю — перекантуюсь пару часов, пережду опасность. А потом...

— Сиди сколько надо.

— Нет, долго нельзя. Они не отстанут! В городах пожары, убийства, голод. Бензина нет — приходится воровать. У вас, кстати, не найдется

лишку? Мне бы только до Гринборо дотянуть, там сейчас Фил Мередит, он мне...

— Лотта,— прервал Роберт Уэбб.

— Что такое? — Она затаила дыхание.

— Ты слукаем в окрестностях никого не видела? Бегущая женщина тебе не попадалась на дороге?

— Опомнись! Я летела как сумасшедшая! Хотя... Женщина?.. Да, верно! Я ее чуть не сбила. А в чем дело?

— Как тебе объяснить...

— Она не опасна?

— Нет-нет.

— Ничего, что я к вам нагрянула?

— Все в порядке. Сиди спокойно. Мы кофе сварим...

— Погодите! Надо проверить!

Они и глазом моргнуть не успели, как Лотта подбежала к порогу и на дюйм приоткрыла дверь. Хозяева стали у нее за спиной и увидели вдалеке свет автомобильных фар, который помигал на пригорке и нырнул в долину.

— Это за мной,— прошептала Лотта.— Сейчас будет обыск. Господи, куда же мне деваться?

Марта и Роберт переглянулись.

Нет, только не это, думал Роберт. Избави бог! Абсурд, мистика, нелепость, жестокое совпадение, как в страшном сне, издевка, злая ирония, насмешка судьбы! Только не это! Сгинь, роковая случайность! Не приходи, как поезд вне рас-

писания. И по расписанию тоже не приходи. А ты, Лотта, приезжай лет через десять, ну через пять, а лучше через год, через месяц, через неделю и попроси убежища. Ну хотя бы завтра! Только не приноси в каждой руке по случайности, как слабоумное дитя, не появляйся сразу вслед за прежним ужасом, не испытывай нас на прочность. Я ведь не Чарльз Диккенс, который прослезился и забыл.

— Что-то не так? — спросила Лотта.
— Да вот...
— Негде меня спрятать?
— Вообще-то есть одно местечко.
— Куда идти?
— Сюда.— Не помня себя, он медленно развернулся.

Они направились по коридору к полуоткрытой дверце.

— Что это? — спросила Лотта.— Тайник? Значит, вы устроили?..

— Он здесь с незапамятных времен.
Лотта покачала дверцу на петлях.
— Не заклинит? А вдруг меня найдут?
— Не найдут. Сработано на совесть. Закроешься изнутри — комар носу не подточит.

Где-то в зимней ночи взревели автомобильные двигатели; дальний свет выхватил дорогу, полоснул по темным окнам дома. На дворе ветер ощупывал заснеженные следы: одна дорожка

уходила вдаль, вторая шла к крыльцу, а колеи от шин исчезали на глазах.

— Слава богу,— шепнула Марта.

Вой сирен уже слышался за ближайшим поворотом; машины затаились, уставившись на неосвещенный дом. Через некоторое время они с рокотом двинулись в метель, к заснеженным холмам.

Вскоре свет фар исчез вдали; рев моторов умолк.

— Повезло,— сказал Роберт Уэбб.

— Нам — да, а ей — нет.

— Кому это?

— Той женщине, что выскочила из нашего дома. Ей спасенья ждать неоткуда. Кто-нибудь ее непременно заметит.

— И то правда; я и не подумал.

— Документов у нее нет, а как же без удостоверения личности? Она сама не ведает, в какую передрягу попала. Что будет, если ей придется объяснять, кто она такая и как очутилась в этих краях!

— Верно, верно!

— Храни ее Господь.

Они взгляделись в снежную тьму, но так ничего и не увидели. Кругом царила неподвижная тишина.

— Никому спасенья нет,— сказала Марта.— Куда ни кинь, спасенья нет.

Задерживаться у окна долее не имело смысла, и Роберт с Мартой, протиснувшись под лестницу, постучали в ведьмин закут.

— Лотта! — позвали они.

Дверца даже не шелохнулась.

— Лотта, можно выходить!

Ответа не было: ни вздоха, ни шепота.

Роберт застучал в дверь костяшками пальцев:

— Эй, ты там?

— Лотта!

— Открывай!

— Вот дьявольщина, заело!

— Подожди, Лотта, мы тебя вызволим. Теперь-то что!

Чертыгаясь, Роберт Уэбб стал молотить кулаками по стене, а потом скомандовал: «Поберегись!», отступил назад и что есть мочи пнул ногой в стену — раз, другой, третий. Под яростными ударами древесина начала крошиться в щепки. Пробив дыру, он рванул на себя деревянную обшивку.

— Лотта!

Не сговариваясь, они пригнули головы и заглянули в тесный чулан.

На шатком столике мерцала свеча. Библия куда-то исчезла. Кресло пару раз бесшумно качнулось, а потом остановилось как вкопанное.

— Лотта!

Каморка была пуста. Только свеча по-прежнему мерцала на столике.

— Лотта! — позвали они.

— Тебе не кажется?...

— Все может быть. Старый дом — и есть старый дом... очень старый...

— Неужели Лотта... она?..

— Не знаю, не знаю.

— Так или иначе, она в безопасности! И на том спасибо.

— В безопасности, говоришь? А куда она пойдет? Разодета в пух и прах, надушена, юбка короткая, туфли на высоком каблуке, шелковые чулки, кольца с бриллиантами, губы накрашены, брови выщипаны — она в безопасности? В безопасности! — передразнил Роберт, вглядываясь в разверстую дыру.

— А что тут такого?

Он глубоко вздохнул.

— Женщина с такими приметами? Не она ли пропала в городке под названием Салем в тысяча шестьсот восьмидесятом году?

Держа вырванный кусок обшивки на вытянутых руках, он прикрыл ведьмин закут.

Усевшись под лестницей, они скоротали в ожидании эту долгую, холодную ночь.

ДУХ СКОРОСТИ

Когда на дворе стоял 1853 год, в деревне только и было разговоров, что о помешанном, который жил на пригорке в глинобитной лачуге среди запущенного двора; жена от него сбежала, никому не рассказав про мужнины выходки, и больше ее не видели. А деревенским даже во хмель недоставало храбрости, чтобы сходить да разузнать, в чем проявляется его безумие и почему жена его бросила, выплакав все глаза, и оставила после себя пустоту, открытую ветрам и грозам.

И все же...

Как-то летом, в палящий зной, когда на небе не было ни облаков, что дают желанную тень, ни туч, сулящих людям и зверью благодатный дождь, в деревне появился Естествоиспытатель. То бишь доктор Мортимер Гофф, господин весьма необычной наружности, у которого все час-

ти тела двигались как будто сами по себе, что не мешало ему путешествовать по миру в поисках невиданных чудес и божественных откровений.

Почтенный доктор карабкался по склону, рискуя оступиться на булыжниках, которыми был скорее усыпан, нежели вымощен весь путь, а пару лошадей, запряженных в коляску, оставил внизу, дабы не подвергать их такому испытанию.

Доктор Гофф, как стало известно, прибыл не откуда-нибудь, а из Лондона, устав дышать туманом и терпеть вечное ненастье; сейчас, ошеломленный лавиной света и жары, этот добродушный, хотя и не в меру любопытный эскулап остановился у чужого забора перевести дух, прикинув на глазок высоту подъема и спросил:

— К умалишенному — в эту сторону?

Фермер, больше похожий на огородное пугало, недоуменно поднял брови и хмыкнул:

— Вам, поди, нужен Элайджа Уэзерби.

— Он самый — если умалищенных величают полным именем.

— В здешних краях его кличут придурком или чокнутым, а «умалишенный» — так только в книжках пишут, но это один черт. Сами-то вы из каких будете?

— Да вот, читаю, что в книжках пишут, это верно подмечено, к тому же у меня дома есть реторты для опытов, есть скелет, который во

время оно был человеком, есть постоянный пропуск в Лондонский музей истории и науки...

— Знатно, знатно,— не выдержал фермер,— только какой от этого прок, коли земля не рождает, а жена отдала Богу душу. Идите напрямик, не промахнетесь. А найдете этого придурука, или как там вы его зовете,— увезите куда подальше, век вас не забудем. Мочи нет слушать, как он волит ночи напролет, да еще бьет по наковальне у себя в кузнице. Поговаривают, будто он кует чудище, которое не сегодня-завтра вырвется на волю, и тогда нам всем несдобровать.

— Нельзя ли поподробнее? — заинтересовался доктор Гофф.

— Да это я так, к слову. Ступайте своей дорогой, господин хороший. Там, наверху, сутки напролет молнии беснуются — ну, Бог милует.

С этими словами фермер вогнал в землю застул — как отрубил.

Любознательный доктор, не вняв предостережению, стал карабкаться дальше, а между тем у него над головой собирались тучи, которые, впрочем, не спасали от солнца.

Наконец его взору открылась лачуга, больше похожая на могильный курган, чем на пристанище живых; да и земельный надел скорее смахивал на погост, нежели на двор.

От убогого жилища отделилась тень, шагнула навстречу гостю, выбрав удобный момент, и обернулась древним стариком.

— Ну, наконец-то! — вскричал хозяин.
Доктор Гофф отпрянул:
— Можно подумать, сэр, вы меня ждали!
— Ждал, — подтвердил старик. — Уж сколько лет! А вы не спешили!
— От Лондона путь не близок, сэр.
— И то верно,— согласился стариk, а потом добавил: — Уэзерби, с вашего позволения. Изобретатель.

— Добрый день, мистер Уэзерби, Изобретатель. Ваш покорный слуга, доктор Гофф, по прозванию Естествоиспытатель, ибо по приказу нашей милостивой королевы я собираю образцы горных пород, выкапываю из-под земли трюфели, ищу всяческие диковинки, которые могут порадовать ее королевское величество или украсить собою музеи, лавки и улицы величайшего города в мире. Я не ошибся, приехав в эти края?

— Никак нет. И успели вовремя, потому что я разменял девятый десяток; срок мой на исходе. Объявись вы годом позже — нашли бы меня, может статься, на кладбище. Прошу вас, входите!

В это время доктор Гофф услышал за спиной негодующий ропот толпы и счел за лучшее принять приглашение мистера Уэзерби. Каково же было его удивление, когда хозяин усадил его за стол и сразу достал бутылку редкого, едва ли не лучшего, виски. Отдав должное содержимому

своего стакана, доктор Гофф обвел глазами лачугу

— Итак, где же оно?

— Вы о чем, сэр?

— Изобретение воспаленного разума, бешеное создание, которое покамест не выходит на свет божий, но, когда пробьет его час, не пощадит ни ребенка, ни ягненка, ни пастора, ни монахиню, ни старого слепого пса. Где оно?

— Чего только люди не выдумают! — Из беззубого старческого рта посыпались крупицы смеха.— Ну так и быть, слушайте, сэр. Эта штука живет вместе с козами, под замком, в овиле — там у меня механическая мастерская. Допивайте, прошу вас, чтобы не лишиться рассудка при виде плодов моего радостного и скорбного изобретательского труда. Вот и отлично!

Доктор опустошил свой стакан, который без промедления был наполнен вновь, и вскоре уже шагал по заросшему травой округлому дворику в направлении сарая, охраняемого множеством замков самой причудливой формы. Переступив через порог, старик Уэзерби зажег несколько свечей и жестом пригласил любезного доктора следовать за ним.

В углу стояли ясли. Естествоиспытатель ожидал увидеть чуть ли не богородицу с младенцем, потому что Уэзерби, тыча пальцем в угол, благоговейно вымолвил:

— А вот и она!

- Существо женского рода?
- Если глубоко вдуматься, так и есть.

В мерцании свечей красовалось механическое детище Уэзерби.

Доктор Гофф покашлял, чтобы скрыть разочарование.

— Это же просто металлическая рама, сэр, и ничего больше!

— Но как она держит *скорость*, а? Сейчас увидите!

С молодецким задором стариk схватил изрядной величины колесо, прислоненное к стене, перетащил его в угол и приспособил к передней части рамы, а вслед за тем принес еще одно и пригнал к другому концу.

— Ну, каково? — гордо спросил он.

— Я вижу здесь два колеса и половину телеги, только без лошади.

— Всех лошадей — на скотобойню! — произвогласил Уэзерби. — Мое изобретение, повторенное десятки тысяч раз, сделает лошадей ненужными и очистит города от навоза! Известно ли вам, что с лондонских улиц приходится ежедневно вывозить конские кучи, тысячи тонн! Эти нечистоты могли бы удобрить землю, но их безжалостно сбрасывают в Темзу. Ох, что-то я разговорился!

— Нет-нет, продолжайте, сэр. Если не ошибаюсь, вы используете колеса от прялок, позаимствованные в окрестных деревнях?

— Так и есть, только они соединены по несколько штук и укреплены железом, чтоб выдерживали...— Уэзерби коснулся своего торса,— груз в сто двадцать фунтов. А вот и седло для того груза.— С этими словами он водрузил седло в середину рамы.— А вот стремена и ремень для вращения заднего колеса,— приговаривал старик, закрепляя длинный кожаный ремень и перебрасывая его через катушку в задней части рамы.— Схватываете суть, доктор?

— Пока пребываю в неведении, сэр.

— Тогда смотрите в оба: сейчас я взойду на трон.

И стариk с обезьяньей ловкостью одним прыжком вскоцил на кожаное сиденье между неподвижными колесами от прялок.

— И все же, сэр, куда впряжен коня?

— Конь мне без надобности, доктор! Я сам себе конь на полном скаку!

Стариk просунул ноги в стремена, и его ступни пошли описывать круги: вверх-вниз, вверх-вниз; от этого заднее колесо пришло в движение и тоже закрутилось под удерживающими раму дощатыми козлами, издавая приятное слуху жужжение.

— Вот оно что! — просиял доктор.— Это машина для получения электрического тока? Изготовленная по чертежам Бенджамина Франклина?!

— Да нет же! Разумеется, с ее помощью можно высекать молнии. Но это, милостивый госу-

дарь, самый настоящий конь, а я — ночной всадник! Вот так-то!

И Уэзерби с удвоенной силой заработал ногами, невзирая на одышку, а задние колеса, не сходя с места, вращались все быстрее и уже не жужжали, а завывали, как сирена.

— Похвально,— бросил доктор,— вот только конь (если эта штука сойдет за коня) и всадник (если вы сойдете за всадника), похоже, далеко не уедут! Кстати, как вы наречете свое детище?

— Об этом я размышляю夜里 напролет, год за годом.— Уэзерби, отдуваясь, вращал шпоры.— Может, «быстроход».— Он пыхтел, ноги ходили кругами.— Или «скорокат». Нет, не звучит: похоже на каракатицу. Лучше «скорошаг». Или вот, к примеру... у-ф-ф... «убыстряй». Неплохо, а? А можно еще... у-ф-ф... «легкоступ», «сократитель», потому что... у-ф-ф... он сокращает расстояние и время. Доктор, вы, должно быть, сведущи в латыни? Как там будет... «скорость», «ноги», «колесо», что-нибудь этакое — придумайте название!

— Это же ваше изобретение, вот и дайте ему свое имя — либо «Элайджа», либо, как в Священном Писании, «Илия».

— Но пророк Илия летал по небу на огненной колеснице, так ведь?

— Когда я захаживал в церковь, меня учили именно так. Вы, понятное дело, собираетесь пе-

редвигаться по земле. Тогда, может быть, «велосипед»? Тут вам и скорость, и ноги.

— В самую точку, доктор Гофф, в самую точку. А что вы на меня так пристально смотрите?

— Мне подумалось, что великие изобретения всегда рождаются в великую эпоху. Изобретатель — дитя своего времени. Однако сейчас еще не время для таких, как вы. Неужели вас привлек этот век, неужели он отметил вас печатью гения?

Старик Уэзерби дал колесам передышку и широко улыбнулся.

— Нет, совсем наоборот, мы с моей Тильдой — так я ее зову — сами станем центром притяжения, который поманит к себе эпоху. Наша победа увековечит собою нынешний год, век, тысячелетие!

— С трудом верится, — сказал ученый муж, — что вы сможете построить дорогу от забора до города, чтобы претворить в жизнь свои честолюбивые помыслы.

— Бог с вами, доктор, я и не подумаю этим заниматься. Пусть обо мне услышит весь город, а вслед за ним и весь мир — тогда к моему дому сама собой протянется широкая дорога, по которой я совершу восхождение к славе.

— Мистер Уэзерби, вы стремитесь в заоблачные выси, — назидательно произнес доктор, — а между тем ваши корни — на земле, им необ-

ходимы минералы, вода, воздух. Вы тратите массу усилий, однако не двигаетесь с места. Сейчас вас поддерживают деревянные козлы, но стоит только от них отказаться, как вы завалитесь набок и переломаете себе кости.

— Скажете тоже.— Уэзерби с новой силой принаел на педали.— Я открыл несколько законов природы, покамест безымянных. Чем большую скорость развивает такое устройство, тем меньше вероятность завалиться вправо или влево — оно будет сохранять прямолинейное движение, если на пути не окажется препятствий.

— На двух-то колесах? Докажите. Сейчас ваше изобретение стоит на козлах. Снимите его, и тогда мы посмотрим, можно ли на нем сохранять прямолинейное движение, не отбив себе задницу.

— Типун вам на язык! — Под тощими ногами старика педали крутились, как бешеные, а сам он нагнулся вперед, пряча лицо от воображаемого ветра.— Неужели вы не слышите? Этот стон, гул, шепот. С нами говорит дух скорости, он возвещает незнаемое, невиданное, небывалое — сегодня это мечта, а завтра — боже мой, неужели вы к нему глухи? Да если я выеду на укатанную дорогу, мой конь побежит резвее газели, быстрее растревоженного оленя! Куда там пешеходам! Все экипажи — на свалку! Я буду делать не двадцать миль в день, а тридцать — сорок в час, в один-единственный славный час.

Посторонись, Время! Прочь с дороги, живые твари! Это мчится Уэзерби, и нет такой силы, которая его остановит!

— И все же,— настойчиво повторил Естествоиспытатель,— машина у вас закреплена на козлах. Если ее высвободить, можно ли будет удерживать равновесие на двух колесах?

— Проще простого! — воскликнул Уэзерби и, ухватив машину за раму, приподнял ее над козлами.

В считанные мгновения его «путник», «землепроходец», «конь-огонь», выпущенный на свободу, понесся к дверям и вылетел наружу, а доктор Гофф, вскочив следом, закричал:

— Что вы делаете? Не ровен час, разобьетесь насмерть!

— Нет, я порадую душу и разгоню кровь! — прокричал в ответ Уэзерби, и вот он уже ворвался на птичий двор с наезженными дорожками и стал нарезать круг за кругом на своей железной кобыле, обдирая ступни, лодыжки и голени, жадно втягивая воздух и оглашая окрестности громоподобным хохотом.— Ну, что я говорил? Кто тут разобьется насмерть?! Пара ног, пара колес — что еще нужно?

— Силы небесные! — Доктор Гофф вытаращил глаза.— Боже праведный! Как же так?

— Я лечу вперед быстрее, чем падаю. Необъяснимый закон природы. Да-да, почти лечу. Лечу! Бойтесь, лошади, скоро придет ваша смерть!

При слове «смерть» он окончательно вошел в раж и разразился нечленораздельными воплями; со лба ручьями катился пот. Машина вильнула в сторону и сбросила лихого наездника, который вылетел из седла, как из катапульты, перекувырнулся и приземлился в курятнике, откуда полетели пух и перья. Куры в исступлении заметались по клетке и подняли неописуемый гвалт. Железная кобылка, предоставленная самой себе, все еще крутила колесами и, елозя на боку, подбиралась к доктору Гоффу, который в ужасе отпрыгнул в сторону, чтобы не быть раздавленным.

Невзирая на внушительную траекторию полета, Уэзерби, хотя и не без помощи доктора, сумел подняться на ноги.

— Это ничего не значит! Теперь-то вы понимаете, какие возможности таит в себе мое изобретение?

— Понимаю: переломы, ссадины и сотрясения мозга.

— Нет! Я сжимаю ногами скорость, приближаю прекрасное будущее. Вы проделали долгий путь, доктор. Так примите же у меня эту машину, чтобы ее усовершенствовать.

— Я, так сказать... — забормотал доктор, торопливо покидая птичий двор. Не помня себя, он приковылял в лачугу и растерянно потоптался у выхода. — Одним словом...

— Пообещайте это сделать, доктор. Иначе мое изобретение погибнет, и я вместе с ним.

— А... гм... — промямлил доктор, отворил дверь на улицу, но тут же в испуге попятился назад.— Что я наделал! — воскликнул он.

Выглянув из-за его спины, Уэзерби еще больше обескуражил гостя:

— Вся округа уже просыпалась о вашем посещении, доктор. Здесь молва разносится быстро. Блаженный приехал к блаженному.

И в самом деле, на дороге и прямо у крыльца стояло десятка полтора-два местных жителей — кто с булыжником, кто с дубиной. Глаза горели злобой и неприкрытой враждебностью.

— Вот они! — выкрикнул чей-то голос.

— Упечете его или нет? — потребовал ответа кто-то другой.

— Да или нет? — эхом вторила толпа, подступая ближе.

Не долго думая, доктор Гофф ответил:

— Упеку.— И повернулся лицом к хозяину.

— Куда вы хотите меня упечь, доктор? — зашептал Уэзерби, вцепившись ему в рукав.

— Тихо! — Доктор попытался урезонить толпу.— Дайте подумать.

Он сделал шаг назад, погладил лысину, потом потер лоб, призывая на помощь свои незаурядные мыслительные способности, и наконец издал победный возглас.

— Придумал. Богом клянусь, гениальная мысль: она придется по нраву не только соседям, которые вас больше не увидят, но и вам, сэр,— вы тоже их больше не увидите.

— Как это, доктор?

— Слушайте внимательно: вы приедете в Лондон под покровом ночи, я проведу вас в музей через служебный подъезд, вместе с вашей сатанинской игрушкой...

— Для чего?

— Для того, сэр, чтобы предоставить вам дорогу с гладким покрытием, такую дорогу, о какой вы и мечтать не смели!

— Откуда там дорога? Да еще с покрытием?

— Музейные полы: мраморные плиты, прекрасные, дивные, безупречно гладкие; да-да, они как раз подойдут для ваших нужд.

— Это для каких же?

— Не задавайте дурацких вопросов! Каждую ночь вы сможете седлать своего демона и колесить на нем, сколько душе угодно, мимо полотен Рембрандта, Тернера и Фра Анжелико, лавировать среди греческих статуй и римских бюстов, аккуратно объезжая фарфоровые и хрустальные вазы. Будете являться по ночам, словно Люцифер.

— Господи,— выдохнул Уэзерби.— Как же я сам-то не додумался?

— Да вы бы не отважились спросить разрешения!

— А ведь это единственное место в мире, где полы — как дороги будущего, пути в завтрашний день, мостовые без булыжников, чистые, как лик Афродиты! Гладкие, как зад Аполлона!

Уэзерби часто заморгал и не сдержал слез, которые накопились у него за долгие годы, прожитые в убогой лачуге.

— Не плачьте,— сказал доктор Гофф.

— Это слезы радости. Надо дать им излиться, иначе я просто лопну. Вы меня не обманете?

— Вот вам моя рука, любезнейший!

Они пожали друг другу руки, и по щеке славного доктора тоже скатилась непрошенная капля влаги — правда, только одна.

— Не умереть бы от радости,— выговорил Уэзерби, утирая слезы кулаком.

— Это лучшая смерть! Итак, завтра к ночи, договорились?

— Но что скажут люди, когда я поведу свою машину по улицам?

— Если кто-нибудь спросит, скажем, что вы — цыган, укравший реликвию из будущего. Ладно, Элайджа Уэзерби, мне пора.

— На спуске смотрите под ноги.

— Разумеется.

Едва протиснувшись в дверь, доктор споткнулся о камень и чуть не упал, а из толпы его спросили:

— Ну что, видели этого приурка?

— Видел.

— Сможете его упечь в лечебницу для буйных?

— Пожалуй. Надо вверить его заботам врачей.— Доктор Гофф поправил манжеты.— Стариk выжил из ума. Толку от него не добиться. Больше вы его не увидите!

— Слава богу, избавимся,— повторяли сельчане, провожая глазами доктора.

— К обоюдной радости,— сказал Гофф и, прислушиваясь, направился вниз по каменистой тропе.

Почудилось ему или нет, но издали донесся прощальный ликующий вопль наездника, гарпующего по двору на вершине холма.

Доктор Гофф хмыкнул.

— Вот ведь как,— произнес он вслух,— из городов исчезнут лошади, на улицах не будет навоза! Подумать только!

Предавшись этим размышлениям, он оступился на камнях и полетел вниз головой в сторону Лондона, в сторону будущего.

ПО ПРОШЕСТВИИ ДЕВЯТИ ЛЕТ

— М

ежду прочим,— объявила за завтраком Шейла, доедая ломтик подсущенного хлеба и разглядывая свою кожу в кривом зеркале кофейника, чудовищноискажавшем ее черты,— наступил последний день последнего месяца девятого года.

Ее муж Томас взглянул поверх баррикады из свежего номера «Уолл-стрит джорнэл», не увидел ничего существенного и вернулся в прежнее положение.

— М-м?

— Я сказала, что девятый год подошел к концу,— повторила Шейла.— Теперь у тебя другая жена. Точнее, прежней жены больше нет. Поэтому мы, считай, не женаты.

Томас опустил газету прямо в нетронутый омлет, склонил голову на один бок, потом на другой и переспросил:

— Не женаты?

— Совершенно верно. Раньше было другое время, другое тело, другое «я». — Шейла намазала маслом еще один тост и принялась задумчиво жевать.

— Погоди! — Томас отпил глоток кофе. — Что-то я не понял.

— А ты вспомни, дорогой, чему тебя учили в школе: каждые девять лет (вроде бы именно так) наш организм, который работает как заправская генно-хромосомная фабрика, полностью заменяет в человеке все: ногти, селезенку, руки-ноги, живот, ягодицы, уши, молекулу за молекулой...

— Ну-ну, — досадливо перебил он. — Короче.

— Короче, дорогой Том, — отозвалась Шейла, — этот завтрак дал пищу моему духу и сознанию, завершил обновление крови, костей, всех тканей. Перед тобой совсем не та женщина, с которой ты шел под венец.

— А я тебе сто раз об этом говорил!

— Не паясничай.

— Ты тоже!

— Позволь мне закончить. Если верить медицине, по прошествии девяти лет, то есть к моменту этого торжественного завтрака, от прежней Шейлы Томпкинс, которая вступила в законный брак за час до полудня в воскресный день ровно девять лет назад, не осталось ни единой ресницы, ни поры, ни ямочки, ни родинки.

Это две совершенно разные женщины. Одна связала себя узами брака с интересным мужчиной, у которого при чтении «Уолл-стрит джорнэл» челюсть выдвигается вперед, как кассовый ящик. Другая вот уже целую минуту принадлежит себе — «Рожденная свободной». Вот так-то!

Она стремительно поднялась из-за стола, не собираясь более задерживаться.

— Постой! — Он плеснул себе еще кофе.— Ты куда?

На полпути к дверям она откликнулась:

— Я ненадолго. А может, надолго. Или на всегда.

— Рожденная свободной? Что ты несешь?! А ну, вернись. Сядь на место.— От этих интонаций львиного укротителя она слегка растерялась.— Черт возьми, я требую объяснений! Немедленно сядь.

— Разве что на дорожку.— Она нехотя обернулась.

— Там видно будет. Садись!

Она вернулась к столу:

— Из еды ничего не осталось?

Он вскочил, подбежал к сервировочному столику, отрезал кусок омлета и швырнул ей на тарелку.

— Получай! Вижу, ты предпочитаешь говорить с набитым ртом.

Шейла поковыряла омлет вилкой.

— Ты понял, о чем я веду речь, Томазино?

— Черт побери! Мне казалось, ты счастлива!

— Не безумно.

— Безумие оставь для маньяков, которые дорвались до медового месяца.

— Ах да, так оно и было,— вспомнила Шейла.

— Одно дело — тогда, другое — сейчас. Я тебя внимательно слушаю.

— Это чувство не покидало меня целый год. Лежа в постели, я ощущала, как покалывает кожу, как открываются поры, словно микроскопические рты, как по телу сбегает пот, как сердце колотится там, где не ждешь: в горле, на запястьях, под коленками, в лодыжках. Я ощущала себя тающей восковой фигурой. После полуночи не решалась включить свет в ванной: боялась увидеть в зеркале чужое лицо.

— Ближе к делу! — Он бросил в чашку четыре куска сахара и выпил из блюдца расплескавшийся кофе.— Давай по существу!

— Вочные часы, да и потом, средь бела дня, мне казалось, что я попала в горячую летнюю грозу, которая смывает с меня старое естество, а под ним открывается совершенно новое. Обновляются одна за другой капельки лимфы, все до единого красные и белые кровяные тельца; все нервы, как струны, натягиваются заново. У меня другой костный мозг, другие волосы, даже новые отпечатки пальцев. Зря ты на меня так смотришь. Ну, допустим, отпечатки пальцев те же. Но все остальное — другое. Понимаешь? Вот и получа-

ется, что я — заново изваянное, заново расцвеченное творение рук Божьих.

Он смерил ее уничтожающим взглядом:

— Я слышу бред воспаленного сознания. Я вижу кризис среднего возраста. Говори прямо. Ты решила подать на развод?

— Время покажет.

— Что оно тебе покажет? — закричал он.

— В данный момент я просто... ухожу.

— Интересно, куда же?

— Мало ли разных мест,— туманно ответила она, проделывая борозды в омлете.

— У тебя кто-то есть? — спросил он после паузы, скимая в кулаках нож и вилку.

— Можно сказать, пока нет.

— И то слава богу.— У него вырвался протяжный вздох облегчения.— Отправляйся к себе в комнату.

— Что-что? — прищурилась она.

— Всю неделю будешь сидеть дома. Ступай к себе. Телефон я отключу. Телевизор тоже. Кроме того...

Она поднялась из-за стола.

— Такое я выслушивала от отца, когда училась в школе!

— Не сомневаюсь! — Томас негромко рассмеялся.— Все. Марш наверх! Сегодня останешься без обеда, дрянная девчонка. А ужин найдешь за дверью, на тарелке. Когда научишься себя вести, получишь обратно ключи от маши-

ны. Прочь с моих глаз! Выдерни из розетки телефон и сдай плеер.

— Это неслыханно! — вскричала она.— Я давно выросла.

— Выросла. И не двигаешься с места. Деградируешь. Если верить этой идиотской теории, ты не сделала ни шагу вперед — тебя отбросило назад на целых девять лет! Вон отсюда! Марш наверх!

Шейла побледнела и выскочила из-за стола, утирая слезы.

Когда она взлетела на середину лестницы, он поставил ногу на нижнюю ступеньку, вытащил из-за ворота салфетку и тихо окликнул:

— Постой...

Она замерла на месте, но не оглянулась в его сторону.

— Шейла,— выговорил он, помолчав, и по его щекам тоже покатились слезы.

— Что тебе? — прошептала она.

— Я тебя люблю.

— Знаю. Но это ничего не меняет.

— Нет, меняет. Выслушай.

Она стояла в ожидании на полпути к своей комнате.

Томас тер лицо ладонями, как будто хотел нашупать истину где-то у рта или вокруг глаз. В его жестах сквозило неистовство.

Потом у него опять вырвалось:

— Шейла!

— Мне было сказано убираться к себе в комнатау,— сказала она.

— Нет!

— Будут другие распоряжения?

К нему стало возвращаться спокойствие, взгляд говорил о поисках выхода, рука легла на перила, тянувшиеся туда, где, не оборачиваясь, стояла Шейла.

— Если эта теория справедлива...

— Справедлива,— прошептала она.— Каждая клеточка, каждая пора, каждая ресница. Через девять лет...

— Да, да, я понимаю. Но послушай и ты меня.

Он проглотил застрявший в горле комок, и это помогло ему переварить решение, которое он и принял излагать — сначала сбивчиво, потом немного спокойнее, потом с крепнущей уверенностью.

— Если все, что ты описала, произошло на самом деле...

— Да, это так,— шепнула она, склонив голову.

— В таком случае,— медленно договорил он,— это произошло и со мной.

— Что? — Она едва заметно подняла голову.

— Такое ведь не может случиться с кем-то одним, правда? Это бывает со всеми, во всем мире. Тогда надо признать, что все мое существо девять лет изменялось одновременно с твоим. Каждая родинка, каждый ноготь, всякие там

дермисы-эпидермисы. Я ничего такого не замечал. Но это не влияет на суть дела.

Шейла вскинула голову и расправила плечи. Томас поспешил договорить:

— Если все это правда, то я и сам обновился, как ни крути. Прежний Том, Томас, Томми, Томазино остался в прошлом, сбросил кожу.

Она слушала с широко раскрытыми глазами. Он закончил:

— Выходит, мы оба стали совершенно другими. Ты — прелестная незнакомка, о которой я мечтал весь последний год. А я — тот другой, кого ты отправилась искать. Так ведь получается? Согласна?

За едва уловимым колебанием последовал еле заметный кивок.

— О мадонна! — выдохнул он.

— Меня не так зовут, — сказала она.

— Отныне — так. Новая знакомая, иная сущность, другое имя. Тебе как раз подходит. О моя Донна!

Поразмыслив, она спросила:

— А ты тогда кто?

— Я тоже сменю имя. — Он прикусил губу и улыбнулся. — На «Вернон». *Наверно!*

— Вернон, — произнесла она. — Вернон и Донна. Донна и Вернон.

— Ласкает слух. Только надо привыкнуть. Донна?

— Слушаю.

— Выйдешь за меня?

— Как ты сказал?

— Я спрашиваю: выйдешь за меня замуж?

Прямо сегодня. Через час. Ровно в полдень?

Только сейчас она повернулась и обратила к нему посвежевшее, загорелое, умытое лицо.

— С радостью.

— А потом мы с тобой опять превратимся в маньяков и куда-нибудь сбежим,— только, чур, ненадолго.

— Зачем? — удивилась она.— Здесь тоже очень неплохо.

— Тогда спускайся,— сказал он, протягивая ей руку.— До следующего обновления у нас целых девять лет. Спускайся, свадебный завтрак еще не окончен. Донна?

Она сошла по ступеням и с улыбкой оперлась на его протянутую руку:

— А где же шампанское?

БАГ

О

глядываясь назад, не могу припомнить, чтобы Баг хоть когда-нибудь не танцевал. Прозвище Баг — это, естественно, сокращение от «джиттербаг»; в конце тридцатых годов, когда мы, ученики выпускного класса, стояли на пороге необъятного мира и задумывались над жизненным выбором, которого не было, все сходили с ума от этого танца. Зато я очень хорошо помню, как Баг (на самом деле его звали Берт Багли — от прозвища «Баг» ему, как ни крути, было никуда не деться) под заключительные аккорды джаз-банда, игравшего на церемонии вручения аттестатов, вдруг выскочил вперед, прямо к сцене, и пустился в пляс с воображаемой партнершей. Зал взорвался. От криков и оваций можно было оглохнуть. Дирижер, вдохновленный самоизабвенным мальчишеским порывом, дал знак музыкантам повторить последний куплет, и Баг

тоже повторил свой танец; мы не жалели ладоней. Потом оркестр заиграл «Спасибо за память», и все стали подпевать, сбливаясь слезами. Прошло много лет, но та картина не изгладилась из памяти: Баг с закрытыми глазами танцует возле сцены, вращая невидимую подругу на расстоянии вытянутой руки; ноги, словно по собственной воле, выписывают умопомрачительные фигуры — танец сердца, не знающий границ. Когда музыка смолкла, никто, включая джазистов, не хотел расходиться. Мы погрузились в мир, сотворенный одним из нас, и как могли оттягивали вступление в тот, другой мир, который ждал за порогом школы.

Примерно год спустя Баг окликнул меня на улице, притормозив свой спортивный автомобиль с откинутым верхом, и говорит: давай, мол, заедем ко мне домой, съедим по хот-догу с кока-колой; я прыгнул к нему в машину, и мы понеслись, задыхаясь от ветра; по пути Баг не умолкал, хотя ему приходилось кричать во все горло, — трепался о жизни, о наступивших временах, но главное — о сюрпризах, которые ждут у него в гостиной — черт побери, в гостиной! — а также в столовой, в кухне и в спальне.

Что же он хотел мне показать?

Призы. Большие и малые, золотые, серебряные и бронзовые кубки, на которых было выгравировано его имя. Награды за победу в танцевальных конкурсах. Вы не поверите, но они

громоздились повсюду: и у кровати, и возле кухонной раковины, и в ванной, а уж о гостиной и говорить нечего — там они, как стая саранчи, заняли все открытые поверхности. Трофеи стояли на каминной полке, в книжном шкафу, где уже не осталось места для книг, и даже на полу — между ними приходилось лавировать, но все равно несколько штук я нечаянно сбил. Баг сказал, в общей сложности их набралось — тут он запрокинул голову и что-то подсчитал в уме — примерно триста двадцать; то есть в течение минувшего года он срывал награду едва ли не каждый вечер.

— Неужели,— ахнул я,— это все после выпускного?

— Вот такой я молодец! — развеселился Баг.

— Тебе впору магазин открывать! Признавайся, кто твоя партнерша?

— Не партнерша, а партнериши,— поправил Баг.— Три сотни девушек, плюс-минус десять, за триста вечеров.

— Интересно, где ты откопал триста способных и тренированных девушек, с которыми можно рассчитывать на победу?

— Почему обязательно способных и тренированных? — переспросил Баг, обводя взглядом свою коллекцию.— Это обычновенные милые девушки, которые вечерами любят потанцевать. Но когда мы выходим на паркет, публика расступается. Все замирают и смотрят на нас, как

на небожителей, а мы и рады, что никто не толкается.

Он разрумянился, покачал головой и ненадолго умолк.

— Ты извини. Что-то на меня накатило.

Но он не бахвалился, это было ясно. Говорил, как есть.

— А хочешь, расскажу, с чего все началось? — предложил Баг, когда передо мной появилось обещанное угождение — хот-дог и кока-кола.

— Не трудись, я и так знаю.

— Откуда тебе знать? — удивился Баг.

— Все началось в Лос-Анджелесе, с торжественного вручения школьных аттестатов. Кажется, оркестр играл «Спасибо за память», а перед этим...

— «Выкатывай бочку»...

— Вот-вот, «Бочку» — ты выскочил вперед и начал...

— А я и не прекращал, — перебил Баг и, закрыв глаза, с головой окунулся в те времена. — Я просто-напросто, — повторил он, — не прекращал.

— Теперь у тебя все пойдет как по маслу, — сказал я.

Если ничего не случится.

А случилась — ни больше ни меньше — война.

Помню, в выпускном классе я по наивности составил список своих лучших друзей, в который вошло сто шестьдесят пять человек. Пред-

ставляете? Сто шестьдесят пять — и все как один лучшие друзья! Хорошо еще, хватило ума никому не показывать этот листок. Меня бы за-смеяли.

Так вот, началась война, которая унесла жизни двадцати, если не больше, ребят, которые числились в моем списке, а остальные куда-то пропали: кто залег на дно, кто уехал на восток, кто обосновался в Малибу или в Форт-Лодердейле. Баг тоже входил в тот список, но оказалось, что я как следует узнал его только полжизни спустя. К тому времени я оброс приятелями и женщинами, с которыми можно было скротать время, и как-то раз, прогуливаясь воскресным вечером по Голливудскому бульвару, услышал чей-то голос:

— А не съесть ли нам по хот-догу и не запить ли кока-колой?

Баг, понял я, еще не оглянувшись. И точно: он стоял на Аллее звезд, попирая ногами Мэри Пикфорд, между Рикардо Кортесом и Джимми Стюартом. У него поубавилось волос, зато прибавилось жирку, но это был все тот же Баг; я нескованно обрадовался и, наверно, чересчур бурно проявил свои чувства, потому что он смущился от таких излияний. Тут я заметил, что его костюм знавал лучшие времена, да и рубашка изрядно пообретала, но зато он был при галстуке. Баг стряхнул с плеча мою руку, и мы на-

правились в закусочную, где стоя съели по со-
сиске, запивая кока-колой.

— Ты, помнится, хотел стать великим писа-
телем? — спросил он.

— Работаю в этом направлении,— ответил я.

— У тебя получится,— Баг улыбнулся без те-
ни иронии.— Ты всегда в своем деле был коро-
лем.

— Ты в своем — тоже.

Эти слова, похоже, его немного уязвили, по-
тому что он на миг перестал жевать и сделал
глоток кока-колы.

— Так точно, сэр,— отчеканил Баг.— Я тоже
был королем.

— Надо же,— сказал я,— до сих пор помню
твои трофеи. Настоящий музей! Скажи, где?..

Не дав мне договорить, он ответил:

— Кое-что заложил. Кое-что оставил бывшей
жене. Большую часть отдал в благотворительный
фонд.

— Как жалко! — сказал я, ничуть не покри-
вив душой.

Баг посмотрел на меня в упор:

— Тебе-то о чем жалеть?

— Сам не знаю,— сказал я.— Понимаешь,
мне казалось, ты с ними срасся. Не стану врать,
будто я все эти годы только о тебе и думал, но
уж когда вспоминал, перед глазами всякий раз
возникали эти чаши и кубки — целый лес, сту-

пить негде было: в гостиной, в кухне, чуть ли не в гараже!

— Надо же,— заметил Баг,— какая память.

Мы допили кока-колу; больше нас ничто не связывало. Хотя Баг заметно прибавил в весе, я не удержался.

— Скажи, когда ты?.. — начал я, но не знал, как закончить.

— Когда я — что?

— Когда ты, — я с трудом подбирал слова, — в последний раз танцевал?

— Давно.

— Ну, сколько лет назад?

— Лет десять—пятнадцать. Может, двадцать. Пожалуй, двадцать. Я это дело бросил.

— В жизни не поверю. Чтобы Баг — да не танцевал? Ерунда какая-то.

— Честно. Даже выходные туфли отнес в благотворительный магазин. А в носках у нас пока не танцуют.

— Еще как танцуют! Даже босиком!

Баг невольно рассмеялся.

— Ну, ты и настырный! Ладно, спасибо за компанию.— Он начал пробираться к дверям.— Счастливо, гений...

— Погоди.— Я вышел следом за ним на солнечный свет и поглядел сначала налево, потом направо, как будто собирался переходить через дорогу.— Знаешь, чего я никогда не видел, но сгорал от любопытства? Ты похвалялся, что вы-

вел на паркет три сотни самых заурядных дамочек — и каждая в считанные минуты превратилась в Джинджер Роджерс. Но мне что-то не верится, ведь я в последний раз видел твой танец в тридцать восьмом.

— Что значит «не верится»? — возмутился Баг.— Я же тебе показывал кубки с гравировкой!

— Почем я знаю, откуда они взялись,— не отступался я, глядя на его мятый костюм и потрепанные манжеты.— Кто угодно может накупить себе «трофеев» и отнести в граверную мастерскую.

— Разве я на такое способен? — вскричал Баг.

— А разве нет?

Баг рванулся на мостовую, потом ко мне, потом опять на мостовую и опять ко мне: он не мог решить, что ему делать — то ли убежать, то ли пустить в ход кулаки, то ли устроить скандал.

— Ты в своем уме? — вскипал он.— Думай что говоришь!

— Сам не знаю, что на меня нашло,— примирительно сказал я.— Понимаешь, может, нам больше не суждено встретиться, и я не получу ответа, да и ты ничего не докажешь. Столько лет прошло, а мне до смерти охота посмотреть, как это у тебя получается. Баг, я должен увидеть твой танец.

— Вот еще,— сказал Баг.— Я уж забыл, как это делается.

— Ладно врать-то! Допустим, голова забыла, но и только. Держу пари, ты хоть сейчас можешь заявиться в отель «Амбассадор» — там по сей день устраивают чаепития с танцами — и показать класс. Стоит тебе выйти на паркет, все отойдут в сторонку — помнишь, ты сам рассказывал — и будут глазеть только на тебя и твою партнершу, как тридцать лет назад.

— Исключено.— Баг попятился, но тут же сделал шаг по направлению ко мне.— Сказал «нет» — значит, «нет».

— Пригласи незнакомую женщину, первую, какая попадется на глаза, выведи ее в центр площадки, обними, закрути, как на льду, словом, увлеки в рай.

— Если ты пишешь, как говоришь, не завися от твоим читателям,— съязвил Баг.

— Ты всем утрешишь нос. Спорим на что угодно.

— Спорить — не в моих правилах.

— Ладно, тогда спорим на что угодно: у тебя ничего не выйдет. Бьюсь об заклад: ты больше ни на что не способен.

— Эй, ты, полегче! — сказал Баг.

— А что такого? Ты теперь никуда не годен, твое время ушло. Держу пари. Спорим?

Баг залился краской; во взгляде мелькнула какая-то искра:

— Сколько ставишь?

— Да хоть пятьдесят баксов!

— У меня...

— Ладно, согласен на тридцать. На двадцать! Двадцаткой можешь рискнуть?

— А кто говорит, что я собираюсь рисковать?

— Я говорю. Значит, двадцать. По рукам?

— Бросаешь деньги на ветер.

— Ничего подобного, я на сто процентов буду в выигрыше, потому что тебе нынче только на ярмарках плясать — и то, если повезет.

— Покажи деньги! — не выдержал Баг.

— Смотри, мне не жалко!

— Где твоя машина?

— Я без машины. Так и не научился водить.

А твоя где?

— Продал! Вот незадача, оба без колес. Как добираться будем?

Добрались мы без особого труда. Я схватил такси, сам расплатился, не слушая возражений Бага, и потащил его через вестибюль отеля прямиком в танцевальный зал. В тот день выдалась чудная погода, настолько ясная и теплая, что в помещении остались сидеть главным образом пожилые супружеские пары; среди них затесалось несколько молодых людей с девушками и горстка студенческого вида юнцов, которые, видимо, забрели туда случайно и не могли взять в толк, что делать под эту старомодную музыку из другой эпохи. Мы заняли единственный свободный столик; когда Баг в очередной раз вознамерился меня отговорить, я сунул ему в рот соломинку и насильно всучил «маргариту».

— С чего тебе приспичило? — буркнул он.

— Дело в том, что ты был в числе моих ста шестидесяти пяти лучших друзей! — признался я.

— Мы с тобой никогда не дружили, — возразил Баг.

— Это не поздно исправить. О, «Серенада лунного света»! Я от нее просто млею, хотя сам не танцую, мне медведь на ухо наступил. Вперед, Баг!

Раскачиваясь, он поднялся со стула.

— Положил на кого-нибудь глаз? — спросил я. — Разобьешь супружескую парочку? Или выберешь одинокую скромницу? Видишь женскую компанию вот за тем столиком? Спорим, у тебя кишка тонка пригласить одну из таких крошек и преподать ей урок?

Тут Баг не выдержал. Облив меня холодным презрением, он направился туда, где мелькали нарядные платья и элегантные костюмы, а сам оглядывался по сторонам и в конце концов выхватил взглядом худощавую, неопределенного возраста женщину с землистым, болезненным лицом, которая сидела одна, сцепив руки и отгородившись от мира широкополой шляпкой, словно кого-то ждала, но без всякой надежды.

Да хоть бы и эту, мысленно сказал я.

Тут Баг вопросительно посмотрел в мою сторону. Я кивнул. Еще мгновение — и он, вежливо склонив голову, завязал разговор. Судя по

всему, дама ответила, что не танцует, потому что не умеет и не испытывает ни малейшего желания. Ну, я вас очень прошу, настаивал он. Ах нет, ни за что, отказывалась она. Баг повернулся ко мне лицом и со значением подмигнул — он уже держал ее за руку. Потом, даже не глядя на свою избранницу, он поднял ее со стула, придерживая под локоток, и одним скользящим движением вывел на середину танцевальной площадки.

Что можно сказать, как описать это словами? Во время нашей давней встречи Баг действительно не хвастался; он говорил правду. Стоило ему обнять партнершу, как она сделалась невесомой. После первого круга шагов, обводок и вращений она почти не касалась ногами пола; создавалось впечатление, что ему приходится ее придерживать, чтобы она не улетела, как легкая паутинка, как диковинная птичка-колибри, которую держишь на ладони, ощущая лишь биение крошечного сердечка; она отступала, кружилась и снова возвращалась, а Баг скользил в непрерывном движении, соблазнял и отвергал. Куда делись его пятьдесят лет? Ему было восемнадцать, и все, что — как ему казалось — утратила память, теперь вспомнило тело, которое освободилось от земного притяжения. Оннес себя в танце точно так же, как нес свою партнершу, с беззаботным изяществом оболь-

стителя, который не сомневается в успехе вечера и последующей ночи.

События развивались по описанному им сценарию. Через минуту, самое большое через полторы, танцевальная площадка опустела. Баг с незнакомой дамой вихрем пролетел по кругу, а остальные пары расступились и замерли в неподвижности. Дирижер чуть не забыл о своих обязанностях; музыканты тоже впали в транс и подались вперед, чтобы лучше видеть, как Баг и его новоиспеченная возлюбленная кружатся и парят в воздухе, не касаясь ногами паркета.

Когда отзвучали последние аккорды «Сerenады», настал миг полной тишины, который сменился бурей аплодисментов. Баг сделал вид, что овация целиком и полностью посвящена его даме; он поддержал ее во время реверанса и проводил на место. Она опустилась на стул с закрытыми глазами, не смея поверить в то, что произошло. Между тем Баг опять был на виду: он успел пригласить одну из замужних дам, сидевших за соседним столиком. На этот раз никто и не подумал выйти в центр зала. Баг с закрытыми глазами кружил в танце чужую жену.

Поднявшись из-за стола, я положил на видное место двадцать долларов. Как-никак, Баг выиграл пари, верно?

Зачем мне понадобилась вся эта затея? Ну, скажем, чтобы не оставлять его танцующим в одиночку перед сценой школьного актового зала.

У выхода я оглянулся. Баг заметил меня и помахал; у него предательски блестели глаза — как, впрочем, и у меня. Рядом со мной кто-то прошептал:

— Вы только поглядите, что он вытворяет!

С ума сойти, подумал я, он способен танцевать всю ночь.

Что до меня, я был способен только шагать.

И зашагал, выйдя на улицу, и шагал до тех пор, пока мне снова не исполнилось пятьдесят, пока не закатилось солнце, пока старый Лос-Анджелес не погрузился в густой июньский туман.

Перед сном я с сожалением вспомнил, что Баг, открыв глаза поутру, не найдет у кровати частокола почетных трофеев.

Пусть он хотя бы повернется на другой бок и найдет одну-единственную, но милую и симпатичную награду — милую женскую головку на своей подушке.

И СНОВА ЛЕГАТО

[

Два усевшись в кресло посреди сада, Фентрисс замер и прислушался. Он так и не поднес к губам высокий стакан, не поддержал беседу со своим приятелем Блэком, не взглянул в сторону дома и даже не заметил, как хорош был ясный осенний денек, ибо в воздухе, прямо у них над головами, царила истинная феерия звуков.

— Просто не верится! — сказал он.— Ты слышишь?

— Кого? Птичек? — переспросил Блэк, который, напротив, воздал должное содержимому стакана, порадовался осеннему теплу, с удовольствием рассмотрел внушительный особняк и пропустил мимо ушей пение птиц.

— Вот это да! Ты только послушай! — восхликал Фентрисс.

Блэк прислушался.

— Очень мило.

— Прочисть уши!

Блэк без особой охоты изобразил прочистку ушей.

— Доволен?

— Не валяй дурака, черт тебя побери! Я серьезно: вслушайся! Они выводят мелодию!

— Обыкновенный птичий щебет.

— Ничего подобного. Птицы, как правило, соединяют обрывки, нот пять-шесть, от силы восемь. Пересмешники способны выдавать разные коленца, но не целые мелодии. Тут у нас — не простые птицы. А теперь замолчи и слушай!

Оба сидели как зачарованные. Лицо Блэка смягчилось.

— Будь я проклят,— вымолвил он наконец.— Действительно, поют, как по нотам.— Он подался вперед и внимательно прислушался.

— Да,— бормотал Фентрисс, прикрыв глаза и покачивая головой в такт мелодии, которая, подобно благодатному дождю, струилась с ветвей, раскинувшихся прямо над головой.— Надо же, подумать только...

Блэк поднялся с места — видимо, собрался подойти к стволу дерева и взглянуть вверх, но Фентрисс остановил его яростным шепотом:

— Ты все испортишь. Сядь и замри. Где мой карандаш? Вот.

Покосившись, он нашел карандаш и блокнот, потом закрыл глаза и не глядя принял что-то строчить.

А птицы пели.

— Ты и в самом деле записываешь их пение? — спросил Блэк.

— Разве не ясно? Тише ты.

То открывая, то вновь закрывая глаза, Фентрисс чертил нотный стан и заполнял его нотами.

— Да ты, оказывается, силен в нотной грамоте, — поразился Блэк.

— В детстве играл на скрипке, пока отец ее не разбил. Дальше, дальше! Вот оно, вот! Да! Только не так быстро, — шептал он. — Подождите, я не успеваю.

И, словно вняв его мольбе, птицы замедлили темп, сменив *bravado* на *piano*.

Легкий ветер зашуршал листвой, и, как по мановению невидимой дирижерской палочки, пение стихло.

У Фентриssa на лбу выступила испарина, он положил на стол карандаш и без сил откинулся на спинку кресла.

— Разрази меня гром! — Блэк отпил изрядный глоток. — Что ты такое делал?

— Записывал песню. — Фентрисс смотрел на разбросанные по бумаге ноты. — Точнее, поэзию в музыке.

— Дай взглянуть!

— Подожди. — Ветви слегка дрогнули, но пение не возобновилось. — Я хочу убедиться, что продолжения не последует.

Тишина.

Блэк завладел страницами и скользнул глазами по нотам.

— Святые угодники! — Его изумлению не было предела.— Как по заказу!

Он поднял глаза на густую крону дерева, откуда больше не слышалось ни рулад, ни трепета крыльев.

— Что же это за птицы?

— Птицы вечности, маленькие весталки Непорочного Зачатия Музыки. Они вынашивают новую жизнь: имя ей — песня.

— Ну, ты и загнул!

— Слушай дальше! Эту новую жизнь мог принести воздух, или колос, который они склеивали на рассвете, или неведомый каприз природы, или осенний день, да хоть сам Творец! И теперь она — моя, целиком и полностью! Дивная мелодия.

— Дивная-то дивная,— согласился Блэк,— только такого не бывает.

— Когда происходит чудо, не подвергай его сомнению. Боже праведный, может, эти прелестные создания напевали свои неподражаемые мотивы уже долгие месяцы или даже годы, но не были услышаны. Сегодня кто-то впервые обратил на них внимание. И это был я! Как мне распорядиться этим подарком судьбы?

— Ты действительно хочешь?..

— Я целый год сижу без дела. Перестал заниматься компьютерами, рано ушел на пенсию; мне всего сорок девять, а я с каждым днем все больше склоняюсь к тому, чтобы начать плести макраме и дарить поделки знакомым — пусть слегка подпортят себе интерьеры. Итак, другище: макраме или Моцарт?

— Уж не ты ли у нас Моцарт?

— Скажем так: его внебрачный сын.

— Ты бредишь! — вскричал Блэк. Его лицо обратилось вверх, пушечным жерлом нацеливаясь на птичий хор.— Дерево, птицы — это, считай, тест Роршаха! В этой какофонии ты подсознательно хочешь услышать последовательность нот. Однако здесь нет ни различимой мелодии, ни определенного ритма. Ты и меня сбил с толку, но теперь я понимаю: в тебе с детства засело тайное желание сочинять музыку, вот ты и навострил уши, когда в саду защебетали эти безмозглые птицы. Да положи ты наконец карандаш!

— Сам ты бредишь! — рассмеялся Фентрисс.— Двенадцать лет безделья и ленивого отупения не прошли даром! Тебе просто завидно, что я нашел дело по душе и собираюсь им заняться. Слушать и сочинять, сочинять и слушать. Будь добр, сядь на место, ты нарушаешь акустику.

— Так и быть, я сяду,— выпалил Блэк.— Но...— Он зажал уши ладонями.

— Вольному воля,— промолвил Фентрисс.— Хочешь отгородиться от сказочной реальности — отгораживайся, сколько душе угодно, а я пока исправлю пару нот и закончу это новорожденное творение.

Подняв глаза к ветвям дерева, он прошептал:

— Не так быстро.

Кrona зашелестела и утихла.

— Совсем рехнулся,— пробормотал Блэк.

Прошел час, а может, два или три; стараясь не шуметь, а затем, видимо, передумав, Блэк вошел в библиотеку и прокричал:

— Чем ты тут занимаешься?

Не поднимая головы, исступленно водя рукой по бумаге, Фентрисс ответил:

— Заканчиваю симфонию.

— Ту, что начал в саду?

— Ее начали птицы. Птицы!

— Хорошо, пусть будут птицы,— Блэк с опаской подступил ближе, чтобы рассмотреть плоды безумия.— Как тебе удалось в этом разобраться?

— Пернатые сделали большую часть работы. Я лишь добавил вариаций.

— Орнитологи тебя поднимут на смех за такую самонадеянность. Тебе раньше доводилось писать музыку?

— Нет.— Пальцы Фентриssa описывали дуги, карандаш царапал бумагу.— До сегодняшнего дня не доводилось.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это plagiat?

— Заемствование, Блэк, всего лишь заемство-
вание. Если сам Берлиоз не погнушался заем-
ствовать утреннюю песенку юной молочницы,
что уж тут говорить! Если Дворжак, услышав,
как южанин бренчит на банджо «Возвращение
домой», позаимствовал даже банджо, чтобы обог-
атить свои симфонии «Из Нового Света», то по-
чему же я не могу забросить невод и поймать
мелодию? Вот! *Finito*. Готово. Придумай-ка на-
звание, дружище!

— Я? Да у меня фантазии не хватит.

— Может, «Соловей»?

— Уже было у Стравинского.

— «Птицы»?

— Уже было у Хичкока.

— Вот черт! А если так: «Всего лишь Джон
Кейдж: клетка в золоченой птице».

— Неплохо! Только кто в наши дни помнит
Джона Кейджа?

— Ну, тогда... Есть!

И он вывел: «Пирог из сорока семи сорок».

— А почему не «Плов из сорока семи дроздов»? Джон Кейдж — и то лучше.

— Это все пустое! — Фентрисс забарабанил
по кнопкам телефона.— Привет, Уилли! Можешь
ко мне заехать? Да, есть небольшая работенка.
Сделай для друга — точнее, для друзей — аран-
жировку симфонической пьесы. Сколько тебе

обычно платят в филармонии? Сколько-сколько?
Ну, ладно... До вечера!

Фентрисс повесил трубку и снова взглянул на дерево, в кроне которого поселилось чудо.

— Что же будет дальше? — пробормотал он.

Ровно через месяц «Сорок семь сорок» (под таким вот укороченным названием) прозвучали на концерте камерной симфонической музыки в Глендейле. Сочинение было встречено продолжительными аплодисментами и получило неслыханно благосклонные отзывы.

Фентрисс, в приливе счастья, готов был направить свои силы на большие и малые опусы, симфонии, оперы — на все, что доносилось до его ушей. Перед премьерой он неделю за неделей ежедневно слушал все тот же удивительный хор, но не записал ни единой ноты, дожидаясь реакции на опыт с «Сороками». Когда же прогремела буря оваций, а критики разве что не запрыгали от радости, Фентрисс понял, что надо ловить момент, пока публика не оправилась от эпилептического припадка.

За «Сороками» последовали «Крылья», «Полет», «Ночной хор», «Мадrigалы птенца» и «Стражники рассвета». Они неизменно встречали восторженный прием; критики, хотя и досадовали на отсутствие изъянов, волей-неволей строчили хвалебные рецензии.

— Я бы уже давно мог задрать нос, но учусь скромности у пташек,— говорил Фентрисс.

— Вот и помалкивай,— отвечал ему Блэк, который, сидя под тем же деревом, так и не вкусили ни ростков озарения, ни благословенной симфонической манны.— Композиторы — известные прощелыги: того и гляди, начнут прятаться в кустах и шпионить, а как выведают твою тайну — раззвонят, что ты вторгся в чужие пределы!

— А ведь верно, черт возьми! — Фентрисс посмеялся.— Я и в самом деле вторгся в чужие пределы!

И было бы поистине странно, если бы никто не вторгся в его собственные пределы.

Выглянув из окна часа в три ночи, Фентрисс увидел тень приземистого человечка, который тянулся к ветвям, чтобы закрепить среди листвы карманный диктофон. Затем незнакомец начал тихонько напевать и посвистывать. Осознав, что это не приносит результатов, незваный гость, почти неразличимый в темноте, стал ворковать, выводить трели и даже кукарекать, переминаясь с ноги на ногу под кроной дерева.

— Чтоб я сдох! — прогремел голос Фентриssa подобно выстрелу из дробовика.— Никак это Вольфганг Праути хозяйствует у меня в саду?!
Пошел прочь! Вон отсюда!

Уронив диктофон, Праути резво перемахнул через куст, прорвался сквозь живую изгородь — и был таков.

Фентрисс, посыпая ему вслед проклятия, подбрал оброненную тетрадь.

«Ночная песнь» — значилось на первой странице. А пленка диктофона сохранила пленительные мелодии, похожие на индийскую духовную музыку, — в исполнении птичьего хора.

После этого случая Фентрисс потерял покой. Нарушители владений проникали к нему в сад около полуночи и шныряли там до рассвета. Фентрисс понимал, что эта свора погубит его творчество, задушит его голос. Он целыми днями слонялся по саду, не зная, каким еще лакомством ублажить пернатых, и обильно поливал траву, чтобы в ней не переводились червяки. Измученный, он стоял на страже ночи напролет, превозмогая дремоту, только ради того, чтобы подстеречь Вольфганга Праути и ему подобных, когда они полезут через забор, чтобы похитить его арии, или, не приведи Господь, устроятся на дереве и станут жужжать себе под нос в надежде на птичий отклик.

Самым веским аргументом в этом противостоянии оказался дробовик. Стоило разок пальнуть — и сад на целую неделю оставили в покое. Зато потом...

Кто-то пришел среди ночи и совершил зверство.

Без лишнего шума этот варвар обрезал нижние ветки и спилил крону.

— Жалкие завистники, проклятые убийцы,—
рыдал Фентрисс.

Птицы исчезли.

Унеся с собой блестящую карьеру Амадея
Второго.

— Блэк! — взвыл Фентрисс.

— Да, дружище? — откликнулся Блэк, глядя
в унылое небо, которое совсем недавно скрывала зелень.

— Где твоя машина?

— Только что была здесь.

— Поехали!

Но поиски не дали результата. Одно дело — найти сбежавшую собаку или снять с телеграфного столба домашнюю кошку. И совсем другое — отыскать в неведомых кущах многобрачие вольных певуний весны, любительниц сладких зерен, да еще убедить их, что в клетке веселей, чем на ветке.

Но друзья все равно спешили от дома к дому, от сада к саду и, притаиввшись, ловили каждый звук. Стоило им на мгновение обрадоваться, за- слышав отдаленное подобие «Аллилуи» в пении иволги, как они вновь погружались в серые воробышковые сумерки безысходности.

После долгих скитаний по бесконечным лабиринтам улиц и скверов один из двоих, Блэк, решился закурить трубку и высказать свое предположение.

— Ты, слушаешь, не задумывался о временах года? — произнес он, скрывшись за облаком табачного дыма.

— Что? О временах года? — взвился Фентрисс.

— Я вот о чем: в ту самую ночь, когда мы лишились и дерева, и певчих птишек... сдается мне, в ту самую ночь грянули первые осенние заморозки.

Фентрисс стукнул себя кулаком по лбу.

— Ты хочешь сказать...

— Твои пернатые музы в срок покинули свое пристанище. Наверное, их стая сейчас пролетает где-нибудь над Сальвадором.

— Если, конечно, это перелетные птицы.

— А у тебя есть сомнения?

Повисла еще одна мучительная пауза, и кулак Фентриssa снова молотом опустился на голову.

— Значит, я в полном дерьме!

— Вот-вот, — поддакнул Блэк.

— Дружище! — воззвал Фентрисс.

— Чем могу служить, сэр?

— Поехали домой.

Это был долгий год, это был краткий год, это был год, вобравший в себя и надежды, и приливы отчаяния, и порывы вдохновения, но Фентрисс про себя называл этот отрезок жизни «Повестью о двух городах»; оставалось только узнать, где находится второй город!

Глупец, упрекал он себя, как же я не сообразил, не принял в расчет, что мои певуны осенью будут стремиться на юг, а весной возвращаться на север, где опять зазвучит *a capella* их слаженный хор.

— Ожидание сведет меня с ума,— жаловался он Блэку.— Да еще эти звонки...

Вот и сейчас в комнате дребезжал телефон. Фентрисс снял трубку и заговорил, словно с неразумным ребенком:

— Слушаю. Да. Конечно. Скоро. Когда именно? Очень скоро.— И повесил трубку.— Ну, что прикажешь делать? Это из Филадельфии. Требуют еще одну кантату, и чтоб не хуже первой. С самого утра звонили из Бостона. Накануне — из Венской филармонии. Я всем отвечаю: скоро. Когда? Одному Богу известно. Помешательство какое-то... Где они сейчас, эти ангелочки, что утешали меня своим пением?

Он смахнул на пол стопку атласов и метеорологических карт Мексики, Перу, Гватемалы и Аргентины.

— Наверно, улетели далеко на юг? Неужели мне отправляться за ними следом? Но куда: в Буэнос-Айрес или в Рио, в Масатлан или в Куэрнаваку? А там что? Бродить со слуховым рожком? Стоять под деревом, пока меня не обгадят с головы до ног? Аргентинские критики надорвут животы, если я буду с закрытыми глазами торчать в роще, ожидая каких-то мелодий и недо-

стающих аккордов. Не дай бог, кто-нибудь признает о цели поездки, об этих поисках — из меня сделают посмешище. Да и то сказать: в какой город направить стопы? Какое выбрать дерево? Такое же, как в моем саду? Вдруг они ищут ночлег в похожих местах? Или в Эквадоре и Перу подойдет любая крона? Видит бог, можно месяцами теряться в догадках и вернуться домой ни с чем, разве что с остатками птичьей трапезы в волосах и зловонными кляксами на пиджаке. Что мне делать, Блэк? Подскажи!

— Ну, прежде всего... — тут Блэк набил трубку, раскурил ее и выдохнул благовонный дым, — ...следует выкорчевать пень и посадить новое дерево.

Во время этой беседы они кружили вокруг древесного обрубка и стучали по нему ногами, словно дожидаясь ответа. Но теперь Фентрисс осталбенел, даже не опустив ступню на землю.

— Повтори, что ты сказал?

— Я сказал...

— Разрази меня гром, ты гений! Дай тебя поцеловать!

— Нет уж, избавь! Обнять — еще куда ни шло. Фентрисс пылко сжал его в объятьях.

— Вот что значит настоящий друг!

— А ты как думал?!

— Надо принести лопату и заступ.

— Ты сходи, а я тут подожду.

Не прошло и минуты, как Фентрисс прибежал с лопатой и топором.

— Может, подсобишь?

Блэк затянулся и выпустил кольцо дыма:

— Ты пока начинай.

— Сколько придется выложить за взрослое дерево?

— Думаю, немало.

— Но если я его посажу, птицы точно вернутся?

Блэк снова выдохнул дым.

— Возможно, что-нибудь из этого и выйдет.

Часть вторая: «В самом начале» Чарльза Фентриssa или что-нибудь в этом роде.

— «В самом начале» или, к примеру, «Возвращение».

— Тоже красиво.

— Или... — Фентрисс ударил пень топором. — «Возрождение». — Он ударил вновь. — «Ода к радости». — Еще удар. — «Весенний урожай». — И еще раз. — «Пусть отзовутся небеса». Как тебе последнее, Блэк?

— Первые вроде бы лучше.

С большим трудом пень удалось выкорчевать, а вслед за тем из питомника доставили новое дерево.

— Не показывайте мне счет, — заявил Фентрисс своему бухгалтеру. — Просто оплатите его.

И посреди сада поднялось самое высокое дерево, которое только можно было найти: того же семейства, что и прежнее, загубленное.

— А вдруг оно зачахнет, прежде чем вернется мой хор? — волновался Фентрисс.

— Хуже будет, если оно приживется, а твой хор облюбует себе другое местечко! — отвечал Блэк.

Судя по всему, новое дерево отнюдь не спешило расставаться с жизнью. Но и не обещало стать цветущим и раскидистым, готовым принять сладкоголосых певуний с далекого юга.

Время шло; в кроне дерева не наблюдалось никакого движения, и в небе — тоже.

— Должны же они понимать, как я жду?! — сокрушался Фентрисс.

— Это вряд ли — разве что ты обучился межконтинентальной телепатии, — предположил Блэк.

— Я читал исследования Одюбона. У него сказано — пусть даже в этом есть небольшая натяжка, — что ласточки всегда возвращаются день в день, а другие перелетные птицы могут запоздать на одну-две недели.

— На твоем месте, — говорил Блэк, — я бы закрутил какой-нибудь бурный роман, чтобы хоть немного отвлечься.

— С недавних пор я не завожу романов.

— Ну, тогда страдай, — отрезал Блэк.

Часы тянулись дольше минут, дни — дольше часов, недели — дольше дней. Время от времени звонил Блэк:

— Птиц так и нет?

— Нет.

— Жаль. Больно смотреть, как ты хиреешь.

В решающую ночь, едва не разбив вдребезги телефон, чтобы избежать очередного звонка из дирекции Бостонского симфонического оркестра, Фентрисс взял топор и заговорил с недавно посаженным деревом, а заодно и с пустующим небом.

— Мое терпение лопнуло,— объявил он.— Если рассветные пташки не появятся к семи утра — пеняй на себя.

С этими словами он красноречиво провел по стволу лезвием топора, потом опрокинул в себя две рюмки водки, отчего глаза чуть не вылезли из орбит, и отправился спать.

За ночь он дважды просыпался, но так и не услышал ничего, кроме легкого ветерка и шороха листвы за окном. Ни малейших признаков пения.

На рассвете он вскочил, едва сдерживая слезы. Ему приснилось, что птицы вновь прилетели в сад, но было ясно, что это всего лишь сон.

И все же?..

«Чу!» — как могли бы написать в старинной повести. «Внимай!» — как писали в старинных пьесах.

Зажмурившись, он весь обратился в служ...
Дерево почему-то стало пышнее, словно за ночь напиталось неведомым соком. Оно все находилось в движении, но причиной тому было не дуновение ветра, а нечто, скрывающееся среди листьев, которые, подрагивая, сплетали ритмическое кружево.

Сквозь окно долетел отрывистый щебет.

Фентрисс ждал.

Тишина.

Дальше, дальше, беззвучно молил он.

И снова щебет.

Не дыши, приказал он себе. Пусть не подозревают, что я их слушаю.

Молчание.

Четвертый звук, пятая нота, затем шестая и седьмая.

Господи, думал он, неужели это обман? Неужели какие-то пернатые самозванцы отпугнули моих любимых пташек?

Еще пять нот.

Может, убеждал он себя, они просто распеваются?

Еще двенадцать нот: ни различимого ритма, ни определенного тембра; и когда он уже готов был взорваться, подобно обезумевшему дирижеру, и разогнать весь этот сброд...

Произошло вот что.

Нота за нотой, строка за строкой, напевная мелодия сменялась весенным перезвоном. Де-

рево расцветало от счастливых песен дивного хора, радостных песен о возвращении и гостеприимстве.

Фентрисс, пока не поздно, украдкой потянулся за карандашом и тетрадью; он тут же нырнул под простыню, чтобы не спугнуть чудо царапанием грифеля по бумаге. Между тем сладостный хор парил, и опускался, и воспарял вновь, а в прозрачном воздухе витали токи, которые струились с ветвей дерева, наполняя душу Фентриssa восторгом и направляя руку.

В это время зазвонил телефон. Фентрисс поспешил схватил трубку и услышал голос Блэка. Тот спрашивал, чем завершилось ожидание. Не говоря ни слова, Фентрисс поднес трубку к окну.

— Сдохнуть можно! — воскликнула трубка голосом Блэка.

— Исцелиться несложно,— прошептал композитор, торопливо записывая Кантату номер два. С тихим смехом он воздел глаза к небу:

— Умоляю, помедленнее. Не нужно *agitato* — мне не поспеть. *Legato*.

И дерево, и те, кого оно приютило, вняли этой мольбе.

Ажитато стихло.

Теперь звучало легато.

ОБМЕН

С

лишком уж много формуларов было в карточном шкафу, слишком много книг на полках, слишком много шумной ребятни в детском зале, слишком много газет, которые предстояло рассортировать и убрать повыше на стеллажи...

Всего было с лихвой. Мисс Адамс откинула с изборожденного морщинами лба седую прядь, водрузила на переносицу пенсне в золотой оправе, а потом позвонила в серебряный библиотечный колокольчик и пару раз щелкнула выключателем. Выпроводить посетителей — что взрослых, что детей — с первой попытки не удавалось. Мисс Ингрэм, младший библиотекарь, ушла домой пораньше, сославшись на болезнь отца, поэтому все обязанности целиком легли на плечи мисс Адамс: проштамповывать, расставить по местам, проверить сохранность.

В конце концов на последнюю книгу была поставлена отметка, тяжелые, обшитые медными листами двери выпустили последнего мальчугана, стукнул засов — и мисс Адамс под грузом неимоверной усталости прошествовала к своему рабочему столу сквозь сорок лет библиотечной тишины и радения о книгах.

Там она остановилась, положила пенсне на зеленый лист промокательной бумаги, сжала двумя пальцами тонкую переносицу и постояла с закрытыми глазами. Ну и бедлам! Малышня возит грязными пальцами по фронтисписам, оставляет на страницах каракули, гремит роликовыми коньками. Старшеклассники врываются с хохотом, а уходят с легкомысленными песenkами!

Вооружившись каучуковым штампом, она взялась расставлять карточки строго в алфавитном порядке, и ее пальцы дошли до границы между Данте и Дарвином.

В это время до ее слуха донесся легкий стук по стеклу: у входной двери маячила мужская фигура. Мисс Адамс покачала головой. Тень у входа делала умоляющие жесты.

Тяжело вздыхая, мисс Адамс отперла дверь и увидела молодого человека в военной форме.

— Вы опоздали. Библиотека закрыта, — сообщила она и добавила, взглянув на его погоны: — Капитан.

— Постойте! — взмолился капитан.— Неужели вы меня не узнаете?

И повторил, не дождавшись ответа:

— Не узнаете?

Она вгляделась в его лицо, пытаясь выхватить из полутишины хоть какие-то знакомые черты.

— Кажется, узнаю,— произнесла она после некоторых колебаний.— Вы когда-то были записаны в нашу библиотеку.

— Точно.

— Но это было давно,— продолжала она.— Да, вроде бы припоминаю.

Он замер в ожидании; мисс Адамс попыталась переместить его в другое время, но лицо мужчины никак не превращалось в мальчишеское, имя тоже не всплывало из прошлого, а посетитель уже протягивал ей руку для приветствия.

— Можно войти?

— Как вам сказать...— растерялась она.— Ну, входите.

Она повела его вверх по лестнице, в полутемное царство книг. Молодой офицер огляделся и сделал медленный выдох, а потом взял с полки первую попавшуюся книгу и прижал ее к носу, чтобы вдохнуть запах. Ему хотелось смеяться.

— Не обращайте на меня внимания, мисс Адамс. Вы знаете, как пахнут новые книги? Переплет, бумага, шрифт? Это как свежий хлеб для голодного.— Он посмотрел по сторонам.—

Вот у меня сейчас голод, только сам не знаю, на что.

Наступила пауза, и мисс Адамс поинтересовалась, надолго ли он пожаловал.

— На пару часов, не больше. Я еду поездом из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, вот и решил завернуть сюда из Чикаго, пройтись по знакомым местам, проведать старых приятелей.— В его глазах сквозило огорчение; руки мяли форменную фурражку.

Мисс Адамс мягко спросила:

— У вас что-то случилось? Вам нужна помощь?

Он посмотрел в окно на темные городские дома; света почти нигде не было.

— Да нет, я просто удивился,— ответил он.

— Чему?

— Сам не знаю, на что я рассчитывал. Глупо как-то получилось,— сказал он, переводя взгляд от мисс Адамс к оконному стеклу.— Можно подумать, если я уехал из этих мест, все будут стоять, как истуканы, до моего возвращения. Можно подумать, старые друзья только и ждут, чтобы я сошел с поезда, и со всех ног бросятся меня встречать. Идиотизм.

— Ну почему же? — возразила она, немногого успокоившись.— Нам всем свойственно так думать. Вот я, например, в ранней юности открыла для себя Париж, а вторично приехала во Францию уже в сорок лет и страшно возмути-

лась, что никто меня не ждет, что знакомые дома снесены, а все горничные, коридорные и портье из гостиницы, где я останавливалась, либо умерли, либо ушли на пенсию, либо переехали.

Он согласно кивнул, но продолжать не стал.

— Хоть кто-нибудь знал о вашем приезде? — спросила она.

— Кое-кому я написал, но ответа не получил. Помню, еще подумал: да ладно, им некогда письма строчить, зато уж когда появлюсь, все будут на месте. Но почему-то никого нет.

Когда с языка мисс Адамс слетел ответ, она сама удивилась:

— Я-то на месте.

— Да, верно.— На его губах мелькнула улыбка.— Не передать, как я рад!

Его взгляд сделался таким пристальным, что она невольно отвела глаза.

— Скажу честно, ваше лицо мне знакомо, но я до сих пор не могу признать в вас мальчика, который был записан в библиотеку...

— Двадцать лет назад! А как он выглядел, этот мальчик,— вот...

Порывшись в тощем бумажнике, он достал несколько фотографий и выбрал снимок подростка лет двенадцати, с лукавой улыбкой и копной соломенных волос —казалось, он вот-вот выпрыгнет из поблекшего квадрата.

— Ах да.— Мисс Адамс поправила пенсне и закрыла глаза, напрягая память.— Сейчас скажу. Спולדинг. Уильям Генри Спולדинг?

Он кивнул и смущенно покосился на фотографию, которую теперь держала в руках мисс Адамс.

— Сильно я вам досаждал?

— Да уж.— Она поднесла снимок к глазам и сравнила его с лицом капитана.— Сущий чертёночок.— Фотография перешла обратно к владельцу.— Но я в нем души не чаяла.

— Правда? — Он улыбнулся чуть увереннее.

— Несмотря ни на что — да.

Помолчав, он спросил:

— А теперь?

Мисс Адамс поглядела сначала влево, потом вправо, будто высматривая ответ на неосвещенных полках.

— Пока трудно сказать.

— Извините.

— Нет-нет, это естественный вопрос. Время покажет. Не будем стоять как истуканы подобно вашим друзьям, которые так и не двинулись с места. Пойдемте. Я сварила кофе, чтобы взбодриться. Кажется, в кофейнике еще что-то осталось. Давайте сюда фуражку. Снимайте шинель. Каталог обменного фонда здесь. Идите-ка сюда, поройтесь в старых формулярах, чем черт... чем судьба не шутит.

— Неужели их не выбросили? — изумился он.

— Библиотекари никогда ничего не выбрасывают. Как знать, кто приедет следующим поездом. Прошу.

Вернувшись с чашкой кофе, она увидела, что капитан замер над алфавитным ящиком, как птица над полупустым гнездом. Он протянул ей старый формулляр с лиловыми штампами.

— С ума сойти! — протянул он.— Надо же, сколько я брал книжек!

— По десять штук за раз. Я, бывало, скажу: «Не положено, мальчик мой», но куда там! И что самое интересное,— добавила она,— ты их читал! А вот и кофе.— Она поставила чашку и терпеливо ждала, пока он с тихим смехом извлекал одну за другой погашенные карточки.

— Не верю своим глазам! Будто и не уезжал. Можно я их вытащу и за столом посмотрю? — Он показал ей карточки; она кивнула.— Нельзя ли пройтись по залам? Наверно, многое из памяти выветрилось.

Она покачала головой и взяла его за локоть.

— Из памяти ничего не выветривается. Но можно и пройтись. Вот здесь, как и прежде, абонемент для взрослых читателей.

— Как я мечтал сюда перейти, когда мне стукнуло тринадцать! А вы: «Тебе еще рано». И все-таки...

— Перевела?

— Да! Огромное вам спасибо.

Глядя на нее сверху вниз, он припомнил еще кое-что:

— А ведь вы были выше меня.

Ей пришлось поднять лицо кверху, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Читатели меня перерастают, но не настолько, чтобы я не могла дотянуться.

Не успел он и глазом моргнуть, как она цепко ухватила его двумя пальцами за подбородок. Он вытаращил глаза:

— Помню, помню. Когда со мной никакого сладу не было, вы ловили меня за подбородок, наклонялись и хмурили брови. Эти сведенные к переносице брови были страшнее всего. Стоило вам таким манером подержать меня секунд десять — и я неделю ходил как шелковый.

Она кивнула и разжала пальцы. Потирая подбородок, он двинулся дальше.

— Вы, конечно, меня простите,— он не поднимал головы,— но мальчишкой я частенько отрывался от книги и подглядывал за вами, а вы восседали в середине, за своим столом, и мне казалось, что вы — как бы это сказать — всемогущая волшебница, потому что у вас в библиотеке заключен целый мир. Захочешь узнать про другие страны, другие народы, про что-нибудь интересное — вы непременно отыщете и дадите мне то, что требуется.— Он покраснел и сбился.— Вот я и говорю... У вас весь мир был как на ладони. Вы мне открыли дальние края, чужие земли. Я это запомнил на всю жизнь.

Мисс Адамс медленно обвела глазами тысячи томов. Только теперь она успокоилась.

— И часто ты меня так называл?

— Волшебницей? Да, конечно. Всегда.

— Пойдем дальше,— помолчав, сказала она.

Бок о бок они прошли через все залы, потом спустились вниз, где размещался газетный каталог, а по пути наверх он вдруг схватился за перила:

— Мисс Адамс!

— Что такое, капитан?

— Боюсь,— выдохнул он.— Не хочу уходить.
Боюсь.

Ее ладонь сама собой легла ему на локоть.

— Иногда... мне и самой страшно,— призналась мисс Адамс под покровом темноты.— А тебе-то чего бояться?

— Как уйти, не попрощавшись? Вдруг я больше не вернусь? Хочу повидаться с друзьями, пожать им руки, похлопать каждого по плечу, ну не знаю, что еще... потрепаться.— Помолчав, он договорил: — А я походил по городу — и не нашел никого знакомых. Кроме вас. Все разъехались.

Блестящий маятник настенных часов раскачивался туда-сюда с едва уловимым шорохом.

С безотчетной решимостью мисс Адамс взяла ночного гостя под руку и заставила преодолеть последние несколько ступеней, чтобы уйти от тяжелых сводов первого этажа в сторону последнего зала, который выглядел приветливее всех остальных.

— И здесь никого.— Он огляделся и покачал головой.

— Ты так считаешь?

— Не понимаю, где все? Раньше мои приятели забегали сюда за книжками; бывало, обменивали даже после закрытия. А теперь?

— Теперь все реже,— сказала она.— Но я не о том. Ты хоть понимаешь, что Томас Вулф ошибался?

— Вулф? Великий и могучий? В чем же его ошибка?

— В заглавии одного из романов.

— «Домой возврата нет»? — догадался он.

— Вот именно. Он ошибался. Дом — это здесь. Здесь твои друзья. Ты здесь проводил летние каникулы.

— Точно. Мифы. Легенды. Мумии. Ацтеки. Злые колдуны, что плюются жабами. Я действительно отсюда не вылезал. Но старых знакомых уже нет.

— Посмотрим.

Не дав ему опомниться, она включила лампу с зеленым абажуром, которая выхватила из темноты отдельный столик.

— Уютно, правда? Теперь в библиотеках чесчур много света. Но в каких-то уголках неизменно должен царить полумрак. Ты согласен? Должна быть тайна. Чтобы по ночам с полок спускались неведомые звери и замирали в этом тропическом свете, перелистывая страницы своим дыханием. Ты, наверно, думаешь, что я свихнулась?

- Ничего такого не заметил.
- Слава богу. Присядь. Теперь я знаю, кто ты такой, и все будет как прежде.
- Такого не бывает.
- Вот как? Сейчас увидишь.

Она исчезла за стеллажами, вернулась к столу с десятком томов и каждый поставила вертикально, чтобы ему были видны сразу все заглавия.

— Летом тридцатого года, когда тебе было — дай сообразить — десять лет, ты проглотил все эти книги за одну неделю.

— Изумрудный город? Дороти? Волшебник? Узнаю!

Она подвинула поближе другие книжки.

— «Алиса в стране чудес». «Алиса в Зазеркалье». Месяц спустя ты снова попросил и ту и другую. Я говорю: «Да ведь ты их только что прочел!» А ты в ответ: «Прочел, да не все запомнил. А нужно другим рассказать».

— Надо же,—тихо откликнулся он.—Неужели это правда?

— Чистая правда. Ты и другие книги по десять раз перечитывал. Мифы Древней Греции и Рима, предания Древнего Египта. Скандинавские саги, китайские сказки. Ты был всеядным.

— Сокровища Тутанхамона извлекли из гробницы, когда мне было три года. Я видел иллюстрацию, которая меня поразила. Что тут еще хорошего?

— «Тарзан, повелитель обезьян». Этую ты брал...

— Раз тридцать! А вот: Джон Картер, «Марсианский маг» — сорок раз! Боже мой, как вы все помните?

— Да ведь ты здесь каждое лето дневал и ночевал. Приходил с утра пораньше открывать библиотеку — ты уже тут как тут. Уходил разве что пообедать, да и то иногда приносил с собой бутерброды и жевал их в садике, возле каменного льва. Бывало, засиживался у нас до ночи, тогда приходил отец и за ухо тащил тебя домой. Как можно забыть такого читателя?

— Нет, все равно...

— Ты никогда не бегал с другими ребятами, не играл ни в бейсбол, ни в футбол. Почему?

Он опустил глаза.

— Так ведь меня караулили.

— Кто?

— Сами знаете. Те, которые не читали. Вот они и караулили. Те самые. Эти.

Он вспомнила:

— Ах да. Хулиганы. Из-за чего они не давали тебе проходу?

— Из-за того, что я любил книги, а их компанию не переваривал.

— Поразительно, что ты не сломался. Я наблюдала, как ты, сгорбившись над столом, просиживал здесь вечера напролет. Совсем один.

— Нет, не один, а в хорошей компании. Это и были мои друзья.

— Вот еще кое-кто.

Она выложила на стол «Айвенго», «Робина Гуда» и «Остров сокровищ».

— Ага,— обрадовался он,— наш странный и загадочный мистер По. Как я обожал его «Маску красной смерти»!

— Ты ее брал так часто, что я завела для тебя карточку длительного учета, чтобы ты мог держать книгу дома, пока ее не затребует другой читатель. Требование поступило через полгода, и для тебя это было настоящим ударом. Через неделю я снова выдала тебе Эдгара По и про-дила на год. Да, кстати, ты эту книгу?..

— Она у меня в Калифорнии. Хотите, чтобы я ее?..

— Нет, нет. Ничего страшного. Давай смотреть дальше. Это все — твои книги. Сейчас еще принесу.

Мисс Адамс несколько раз уходила и возвращалась, но каждый раз с одной-единственной книгой, неся ее, как особую ценность.

На столе уже поднялся настоящий книжный Стоунхендж; теперь внутри него росло второе кольцо, где каждый том высился в полный рост, отдельно от соседей, в гордом величии. Сполдинг каждый раз называл вслух заглавие и автора, а потом перечислял имена сидевших много лет назад за тем же столом — кто-то беззвучно

шевелил губами, а кто-то не мог удержаться и шепотом читал самые захватывающие страницы вслух, да с таким упоением, что никто на него не шикал, никто не одергивал: «Тише ты!» или «Про себя!».

Она поставила первую книгу — и налетел ветер, который принес с собой заросли ракитника и молодую девушку, потом повалил снег, и кто-то издалека окликнул: «Кэти!», а когда снегопад прекратился, за столом, прямо напротив, уже сидела девочка, с которой они в шестом классе вместе бегали в школу: она смотрела в окно и разглядывала принесенный ветром ракитник, снег и ту девушку, запутавшую среди другой зимы.

Вторая книга заняла свое место — и по зеленым полям галопом помчалась великолепная вороная лошадка, а в седле сидела другая девочка, которая, когда он был двенадцатилетним мальчишкой, робко передавала ему записки, прячась за учебником.

Потом возникли отдаленные, призрачные черты Снегурочки, но ее длинные золотистые волосы, будто струны арфы, почему-то перебирал летний ветер; она осталась плывущей в Византию, где слух императоров утром и вечером услаждали золотые соловьи в заводных клетках. Это была она — та самая, что осталась бегущей вокруг школы к глубокому озеру десять тысяч закатов назад; она не вынырнула, ее так и не

нашли, но она вдруг очутилась здесь, под зеленым абажуром настольной лампы, и открыла Йейтса, чтобы наконец-то отплыть из Византии домой.

А по правую руку от нее — Джон Хафф, чье имя запомнилось отчетливее других: он хвастался, что залезал на каждое дерево в городе и ни разу не свалился, он из конца в конец перебегал бахчу по дыням, не касаясь ногами земли, одной палкой сбивал целый град каштанов, на рассвете горланил под окнами и сдавал учительям одно и то же сочинение по Марку Твену четыре года подряд, пока его не уличили; прежде чем раствориться, он выкрикнул: «Зови меня просто Гек!»

А дальше, по правую руку от него, появился болезненного вида невыспавшийся парнишка, сын владельца гостиницы, который стращал всех привидениями, что обитают в заброшенных домах, и водил туда сомневающихся,— дерзкий на язык, с приплюснутым носом и бульканьем в горле, которое возвещало долгую октябрьскую смерть, невыразимо жуткое падение дома Эшеров.

Потом появилась еще одна девочка.

А рядом с ней...

А дальше...

Мисс Адамс поставила перед ним последнюю книгу, и в памяти всплыло дивное создание из далекого прошлого. В том времени остались сло-

ва, которые его застенчивое двенадцатилетнее отрочество не могло выговорить вслух, зато ее умудренная опытом тринацдцатилетняя юность тихо произнесла: «Я — Красавица. А ты? Ты — Чудовище?»

Теперь он хотел дать ответ — хоть и запоздалый — этой прелестной маленькой фее: «Нет. Чудовище прячется в темноте, а когда часы пробьют три, выходит напиться».

На этом все и завершилось, последние тома уже были расставлены, как два кромлеха: снаружи — большой круг, из его собственных отображений, внутри — круг поменьше, из незабытых, неизбывных лиц, летних и осенних имен.

Он посидел без движения минуту, другую, а затем потянулся к книгам, которые прежде — да и теперь — безраздельно принадлежали ему; он раскрывал очередной том, проглатывал, закрывал и брался за следующий, пока не замкнул внешнее кольцо; после этого ощупью нашел плот на реке, и заросли ракитника, где жили ураганные ветры, и резвую вороную лошадку на лугу, и прелестную всадницу. Спиной он услышал, как хранительница тихо отошла в сторону, чтобы оставить его наедине со словами...

Прошло немало времени, прежде чем он откинулся на спинку стула, протер глаза, оглядел свои оборонительные сооружения, крепостные стены, римские валы и согласно покачал головой, не чувствуя скопившейся в глазах влаги.

- Верно.
- Что-что? — послышалось из-за спины.
- Верно вы сказали про Томаса Вулфа и про название романа. Это ошибка. Здесь все как прежде. Никаких перемен.
- Никаких перемен и не будет, пока я тут главная,— сказала она.
- Вы уж, пожалуйста, не уходите.
- Я-то не уйду, а ты заглядывай почаше.
- В этот миг совсем недалеко, в городе, раскинувшемся внизу, завыл паровозный гудок.
- Это не твой ли поезд? — встревожилась мисс Адамс.
- Нет, но мой уже совсем скоро.
- Он поднялся, чтобы совершить обход скромных обелисков, которые вдруг сделались настоящими монументами; двигаясь вдоль края стола, он поплотнее закрывал обложки и одними губами повторял давно знакомые названия и давно знакомые, любимые имена.
- Можно их оставить здесь? — спросил он.
- Она посмотрела на него, на концентрические книжные круги и, подумав, ответила:
- До завтра пусть постоят. Только зачем?
- А вдруг,— сказал он,— ночью придут неведомые звери, про которых вы говорили, и замрут в этом тропическом свете, и будут перелистывать страницы своим дыханием. И еще...
- Говори.

— Вдруг появятся мои друзья, которые все эти годы прятались в темноте,— вдруг придут на свет этой лампы.

— Они уже здесь,— негромко сказала она.

— И то верно,— кивнул он.— Они уже здесь. Почему-то ему было не сдвинуться с места.

Она беззвучно прошествовала через весь зал и, остановившись у своего рабочего стола, сделала последнее объявление:

— Библиотека закрывается, ребятушки. Библиотека закрывается.

С этими словами она щелкнула выключателем, чтобы все лампы мигнули в знак предупреждения, и оставила гореть только половину; наступили библиотечные сумерки.

Он нашел в себе силы оторваться от стола с двойным книжным кольцом и приблизился к ее рабочему месту:

— Теперь можно уходить.

— Да, Уильям Генри Сп coldинг,— подтвердила она.— Теперь можно.

К выходу они направились вместе; мисс Адамс гасила лампы — одну за другой. Она подала ему шинель, а он ни с того ни с сего взял ее за руку и поцеловал тонкие пальцы.

Это было столь неожиданно, что она едва удержалась от смеха, но вслух лишь произнесла:

— Помнишь, что сказала Эдит Уортон, когда то же самое сделал Генри Джеймс?

— Напомните мне.

— «Пикантный вкус — только от локтя и выше».

Они расхохотались в один голос, и капитан сбежал по мраморным ступеням к витражу входной двери. У подножья лестницы он задержался и посмотрел наверх:

— Когда будете ложиться спать, вспомните, как я вас называл в двенадцать лет, и повторите это вслух.

— Да у меня уже из головы вылетело.

— Не может быть.

На окраине опять зазвучал паровозный гудок.

Входная дверь отворилась и тут же захлопнулась, выпустив ночного посетителя.

Пальцы мисс Адамс легли на последний выключатель; когда ее взгляд скользнул по двойному книжному кольцу на самом дальнем столе, она задумалась: «Как же он меня называл?»

— Ах да! — через мгновение сказала она вслух.

И выключила свет.

ЗЕМЛЯ НА ВЫВОЗ

Кладбище располагалось в центре городка. С четырех сторон его обхаживали неутомимые трамваи, которые скользили по блестящим сизым рельсам, и автомобили, от которых были только выхлопы да шум. Но внутри кладбищенских стен этого мира не существовало. Вдоль каждой стороны, протянувшейся на полмили, кладбище выталкивало на поверхность полночные деревья и каменные надгробия — эти тоже росли из земли, влажные и холодные, как бледные грибы. В глубь территории вела посыпанная гравием дорожка, а за оградой стоял увенчанный куполом викторианский домик с шестью фронтонами. На крыльце, при свете фонаря, в одиночестве сидел старик: он не курил, не читал, не двигался, не издавал ни звука. От него — если втянуть носом воздух — попахивало морской солью, мочой, папиросом, лучиной, слено-

вой костью и тиковым деревом. Прежде чем с его губ слететь хотя бы одному слову, весь рот приходил в движение, чмокая вставными челюстями. Когда по гравию заскрежетали незнакомые шаги и на нижнюю ступеньку крыльца опустился чей-то сапог, старческие веки дрогнули над желтоватыми зернышками глаз.

— Вечер добрый! — Посетителю было лет двадцать.

Смотритель кивнул, но не протянул руки.

— Я по объявлению,— сказал незнакомец.— Там у вас написано: «Земля на вывоз. Бесплатно».

Хозяин еле заметно кивнул.

Незнакомец попробовал улыбнуться:

— Глупость, конечно, сам не знаю, почему решил сюда завернуть.

Над входной дверью светилось полукруглое окошко с цветными стеклами: от этого лица старика раскрашивалось синим, красным и янтарным. Но он, по всей видимости, был к этому безразличен.

— Прочитал и думаю: земля — бесплатно? Раньше как-то в голову не приходило, что у вас образуются излишки. Ну, выкопали яму, опустили гроб, сверху засыпали — много ли осталось? Казалось бы...

Старик подался вперед. От неожиданности парень поспешно убрал ногу со ступеньки.

— Будешь брать или нет?

— А? Да я просто так, из любопытства. Такие объявления не каждый день встречаются.

— Присядь,— сказал старик.

— Благодарю.— Парень с опаской устроился на ступенях.— Знаете, как бывает: живешь себе и ни о чем не задумываешься, а ведь у каждого кладбища есть хозяин.

— Ну? — спросил старик.

— Ну, например, сколько нужно времени, чтобы вырыть могилу?

Старик вернулся в прежнее положение.

— На прохладе — два часа. По жаре — четыре. В самое пекло — все шесть. Когда холодаает, но земля еще не схватилась, землекоп и за час управится, если посулить ему горячего шоколаду и кой-чего покрепче. Я так скажу: хороший работник по жаре дольше провозится, чем ленивый — в стужу. Может статься, и восьми часов не хватит; правда, земля у нас легкая. Суглиночек, без каменьев.

— А как же зимой?

— На случай сильных заносов ледяной склеп имеется. Там покойники в целости и сохранности. В пургу даже письма на почте — и те своего часа ждут. Зато уж по весне целый месяц лопаты из рук не выпускаем.

— Что посеешь, то и пожнешь! — хохотнул незнакомец.

- Как бы так.
- Неужели зимой вообще не копают могилы? Ведь бывают же особые случаи? Особо важные покойники?
- На несколько ярдов можно пробиться: есть такая хитрая штуковина — заступ со шлангом. Нагнетаешь в шланг горячую воду, она через лезвие проходит, и тогда поспешишь, как на чужом прииске, даже если земля насквозь промерзла. Только это на крайний случай. Лом да лопата — оно привычнее.

Парень помедлил.

- А вам бывает не по себе?
- Это как? Страшно?
- В общем... да.

Только теперь старик вытащил из кармана трубку, набил ее табаком, утрамбовал большим пальцем, раскурил и выпустил тонкую струйку дыма.

- Не бывает,— ответил он после долгого молчания.

Парень втянул голову в плечи.

- Чего другого ожидал?
- Вообще никогда?
- Разве что по молодости... было дело...
- Значит, все-таки было! — Парень перебрался на ступеньку повыше.

Старик бросил на него испытующий взгляд и снова взялся за трубку.

— Раз всего и было.— Он обвел глазами мраморные плиты и темные деревья.— Тогда этим кладбищем дед мой заправлял. Я ведь тут и родился. А сына могильщика так просто на испуг не возьмешь.

Сделав несколько глубоких затяжек, он продолжил:

— Как стукнуло мне восемнадцать, семья на море поехала, а я остался один: траву подстричь, могилу выкопать — без дела не сидел. В октябре аж четыре могилы понадобились, да с озера уже холодом потянуло, надгробия инеем подернулись, земля промерзла. Выхожу я как-то ночью. Темно — хоть глаз выколи. Под ногами трава хрустит, будто по осколкам ступаешь, изо рта пар клубится. Засунул руки в карманы, иду, прислушиваюсь.

Из тонких старицких ноздрей вырвались призрачные облачка.

— Вдруг слышу: голос из-под земли. Я так и обомлел. А голос кричит, надрывается. Покойники, видно, проснулись, услышали мои шаги и стали звать. Я стою ни жив ни мертв. А тать не унимается. Колотит снизу почем зря. В морозные ночи земля-то звонкая, как фарфор, соображаешь? Так вот...

Прикрыв глаза, старик вспоминал дальше.

— Стою, значит, на ветру, кровь в жилах стынет. Может, кто подштил? Огляделся вокруг и думаю: померещилось. Ан нет, голос все

зовет, да такой звонкий, чистый. Женский голос. Ну, я-то все надгробия знал наперечет.— У него опять дрогнули веки.— Мог уже тогда назвать в любом порядке, хоть по алфавиту, хоть по годам, хоть по месяцам. Спроси меня, кто в такой-то год помер,— я тебе отвечу. Взять, к примеру, тысяча восемьсот девяносто девятый год. Джек Смит скончался, вот кто. А в тысяча девятьсот двадцать третьем? Бетти Дэллман в землю легла. А в тридцать третьем? П. Г. Моран! Или месяц назови. Август? Прошлый год в августе Генриетту Уэллс Господь прибрал. Август восемнадцатого? Бабушка Хэнлон преставилась, а за нею и все семейство! От инфлюэнзы! Хочешь, день назови. Четвертое августа? Смит, Бэрк, Шелби упокоились. А Уильямсон где лежит? Да на пригорке, плита из розового мрамора. А Дуглас? Этот у ручья...

- И что дальше? — не вытерпел гость.
- Ты о чем?
- Вы начали рассказывать про тот случай.
- А, про голос-то из-под земли? Я о том и речь веду: надгробия, говорю тебе, все до единого знал как свои пять пальцев. Потому и догадался, что звала меня Генриетта Фрэмвелл, славная девушка, в двадцать четыре года скончалась, а служила она танцершей в театре «Элит». Высокая, тоненькая была, волосы золотистые. Спрашиваешь, как я голос ее опознал? Да на

том участке только мужские могилы были, эта одна — женская. Бросился я на землю, приложил ухо к могильной плите. Так и есть! Ее голос, глубоко-глубоко — и не умолкает! «Мисс Фрэмвэлл!» — кричу. Потом опять: «Мисс Фрэмвэлл!» Тут она заплакала. Уж не знаю, докричался до нее или нет. А она плачет и плачет. Пустился я с горки бежать, да споткнулся о плиту и лоб разбил. Встаю — и сам ору благим матом! Добежал кое-как до сарая, весь в крови, вытащил инструмент, а много ли сделаешь ночью, в одиночку? Грунт мерзлый, твердый, как камень. Прислонился я к дереву. До той могилы три минуты ходу, а до гроба докопаться — восемь часов, никак не меньше. Земля звенит, что стекло. А гроб — он и есть гроб; воздуху в нем — кот наплакал. Генриетту Фрэмвэлл схоронили за двое суток до заморозков. Она спала себе и спала, дышала этим воздухом, а перед тем как настоящие морозы грязнули, у нас дожди прошли: земля сперва промокла, потом промерзла. Тут и за восемь часов не управиться. А уж как она кричала — ясно было, что и часу не протянет.

Трубка погасла. Стариk умолк и начал раскачиваться в кресле.

— Как же вы поступили? — спросил посетитель.

— Да никак.

— Что значит «никак»?

— А что я мог поделать? Земля мерзлая. С такой работой и вшестером не совладать. Горячей воды нет. А бедняжка кричала, поди, не один час, покуда я не услыхал, вот и прикинь...

— И вы ничего не предприняли?

— Так уж и ничего! Лопату и ломик в сарай отнес, дверь запер, вернулся в дом, сварил себе шоколаду погорячее, но все равно дрожал как осиновый лист. А ты бы что сделал?

— Да я...

— Долбил бы землю восемь часов, удостоверился, что в гробу — покойница: надорвалась от крика, задохнулась, остыла уже, а тебе еще могилу закапывать и с родственниками объясняться. Так, что ли?

Заезжий паренек не сразу нашелся что ответить. Вокруг голой лампочки, подвешенной на крыльце, пищал комариный рой.

— Теперь ясно,— только и сказал он.

Старик пососал трубку.

— У меня всю ночь слезы текли — от бессилия.— Он открыл глаза и с удивленным видом поглядел перед собой, как будто все это время слушал чужой рассказ.

— Прямо легенда,— протянул парень.

— Богом клянусь,— сказал старик,— чистая правда. Хочешь еще послушать? Видишь большой памятник, с кривым ангелом? Под ним лежит Адам Криспин. Его наследники переругались,

получили в суде разрешение да и раскопали могилу — думали, покойный был отравлен. Но ничего такого не определили. Положили его на старое место, да только к тому времени земля с его холмика уже смешалась с другой. Засыпали-то второпях, сгребали землю с близлежащих могил. Теперь на соседний участок взгляни. Видишь, ангел со сломанными крылами? Там лежала Мэри-Лу Фиппс. Выкопали ее — опять же по настоянию родственников — и перезахоронили в Иллинойсе. Есть там городок Элгин. А могила так и стояла разверстой — чтоб не сорвать — недели три. Никого в нее так и не положили. Земля тем временем смешалась с прочей. Теперь отсчитай оттуда шесть памятников и один к северу: там был Генри-Дуглас Джонс. Шестьдесят лет никто о нем не вспоминал, а потом вдруг спохватились. Перенесли его останки к памятнику павшим в Гражданской войне. Могила пустовала аж два месяца — кому охота ложиться в землю после южанина? Наши-то все за северян были, за генерала Гранта. Так вот, его земля тоже кругом раскидана. Понимаешь теперь, откуда берется эта земля на вывоз?

Парень окинул взглядом кладбищенские пределы:

— Ну, ладно, а где все-таки у вас этот бесплатный грунт?

Старик ткнул куда-то черенком трубки; действительно, в той стороне была насыпана куча

земли, метра три в поперечнике на метр в высоту: сплошной суглинок и куски дерна — где совсем светлые, где бурые, где охристые.

— Сходи, глянь,— предложил старик.

Приезжий медленно подошел к земляному холмику и остановился.

— Да ты ногой пни,— подсказал смотритель.— Проверь.

Парень ткнул землю носком сапога — и побледнел.

— Слышали? — спросил он.

— Чего? — Старик смотрел в другую сторону.

Незнакомец прислушался и покачал головой:

— Нет, ничего.

— Ты не тяни,— поторопил сторож, вытряхивая пепел из трубки.— Сколько будешь брат?

— Еще не решил.

— Лукавишь. Все ты решил,— сказал старик.— Иначе зачем было грузовик подгонять? У меня слух — что у кошки. Ты только тормознул у ворот — я уж все понял. Говори, сколько берешь?

— Даже не знаю,— замялся парень.— У меня задний двор — восемьдесят на сорок футов. Мне бы насыпать пальца на два жирной мульчи. Это сколько?..

— Половина горки, что ли,— прикинул старик.— Да забирай всю, чего уж там. Охотников на нее немного.

— Хотите сказать...

— Куча то растет, то уменьшается, то растет, то уменьшается — с тех пор как Грант взял Ричмонд, а Шерман дошел до моря. Здесь земля еще с Гражданской войны, щепки от гробов, обрывки шелка — еще с той поры, когда Лафайет увидел Эдгара Аллана По в почетном карауле. Здесь остались траурные венки, цветы от десятка тысяч погребений. Клочки писем с соболезнованиями на смерть немецких наемников и парижских канониров, которых никто не стал отправлять морем на родину. В этой земле столько костной муки и перегноя от похоронных причиндалов, что за нее и деньги не грех с тебя запросить. Бери лопату и забирай товар, покуда я тебя самого лопатой не отоварил.

— Не двигайтесь! — Парень предостерегающе поднял руку.

— Мне двигаться некуда, — ответил старик. — А больше тут никого не видать.

Маленький грузовичок подкатил прямо к земляной куче, и водитель уже потянулся в кузов за лопатой, но сторож его остановил:

— Нет, погоди.

И тут же пояснил:

— Кладбищенская лопата получше будет. Она к этой земле привычна. Можно сказать, сама копать будет. Возьми-ка вот там.

Морщинистая рука указала на лопату, вогнанную по середину лезвия в темный земляной холмик. Парень пожал плечами, но спорить не стал.

Кладбищенская лопата вынулась из земли с тихим шорохом. С такими же шепотками с нее осипались комки старого грунта.

Приезжий взялся за дело, и кузов стал быстро наполняться. Старик наблюдал краем глаза.

— Вот я и говорю: это грунт не простой. Война тысяча восемьсот двенадцатого года, Сан-Хуан Хилл, Манассас, Геттисберг, октябрьская эпидемия инфлюэнзы в тысяча девятьсот восемнадцатом — все оставило здесь могилы: свежие, вскрытые, повторные. Кто только не ложился в эту землю, чтобы обратиться в прах, какие только доблести не смешивались в кучу, чего тут только не скопилось: ржавчина от цинковых гробов и от бронзовых ручек, шнурки без башмаков, волосы длинные, волосы короткие. Видел когда-нибудь, как делают венчик из волос, а потом приклеивают к посмертному портрету? Увековечивают женскую улыбку или этакий по-сторонний взгляд, будто покойница заранее знала, что ей больше не жить. Волосы, эполеты — не целые, конечно, а так, крученые нити,— все там лежит, в перегнившей крови.

Приезжий хоть и взмок, управился довольно споро и уже собирался воткнуть лопату в землю, когда смотритель предложил:

— Забирай с собой. Говорю же, кладбищенская лопата к этой земле привычна. Сама копать будет.

— На днях верну.— Парень забросил лопату в кузов, поверх кучи грунта.

— Оставь себе. Где земля, там и лопата. Ты, главное, землю назад не привози.

— С какой стати?

— Не привози — и все тут,— отрезал сторож, но не двинулся с места, когда парень запрыгнул в кабину и включил двигатель.

Грузовичок отъехал не сразу: водитель слушал, как дрожит и шепчет в кузове горка земли.

— Чего ждешь? — поторопил старик.

Видавший виды грузовичок устремился туда, где догорали сумерки; сзади, крадучись, подступала темнота. Над головой взапуски бежали тучи, растревоженные невидимой опасностью. Вдали, где-то у горизонта, рокотал гром. На ветровое стекло упало несколько дождевых капель, но водитель, поддав газу, успел как раз вовремя свернуть в свой переулок, потому что солнце покинуло небосвод и налетел ветер, под которым придорожные деревья стали клонить ветви и звать на помощь.

Спрятавшись в кабине, он посмотрел на небо, обвел глазами дом и невозделанный участок. Решение пришло само собой, когда две-три холодные капли дождя кольнули его в щеку: он за-

гнал дребезжащий грузовичок прямо в пустой сад, отомкнул задний борт, приоткрыл его ровно на палец, чтобы перегной высыпался равномерно, и начал колесить туда-обратно. Темные комки с шепотом летели вниз, чужая земля с тихим ропотом просеивалась сквозь щель, и наконец кузов опустел. Тогда парень выбрался в предгрозовую ночь и стал смотреть, как ветер треплет черную мульчу.

Поставив грузовик в гараж, он укрылся на заднем крыльце и размышлял: землю дождем промочит — поливать не придется.

Так он стоял довольно долго: оценивал кладбищенский грунт, ждал, когда ливень хлынет понастоящему, но потом опомнился — чего ждать-то? Эка невидаль. И ушел в дом.

В десять часов легкая морось постучала в окна и просыпалась на темный сад. В одиннадцать дождик осмелел, и вода зажурчала в отводных канавках.

В двенадцать полило как из ведра. Молодой хозяин выглянула в окно, чтобы проверить, хорошо ли впитывает влагу новая земля, но под далекими вспышками молний увидел только грязь, которая гигантской губкой вбирала в себя потоки ливня.

А уж в час ночи на дом обрушилась целая Ниагара, окна ослепли, абажур задрожал.

Буйная Ниагара утихла внезапно, ее проводил необычайной силы разряд молний, который

прочертил, пригвоздил к месту темный земляной покров и полыхнул где-то поблизости, совсем рядом, у стен, десятками тысяч взорвавшихся лампочек. После этого зубодробительный гром с треском бросил вниз непроглядную тьму.

Молодой хозяин, лежа в постели, сокрушался, что рядом нет даже приблудной собачонки, не то что человеческого тепла; он зарылся лицом в подушку, сгреб в охапку простыни, но не выдержал и вскочил, вытянулся во весь рост, разведя темную тишину, а гроза ушла, ливень иссяк, и только последние капли с шепотом пропадали в зыбкую почву.

Его передернуло, потом зазнобило; он обхватил руками холодные плечи, чтобы унять дрожь, и почувствовал сухость в горле, но не нашел в себе сил ощупью двинуться в кухню, чтобы налить воды, или молока, или недопитого вина — сгодилось бы что угодно. Пришлось снова лечь; губы совсем пересохли, зато на глаза навернулись беспричинные слезы.

Земля на вывоз, бесплатно,— припомнил он. Ну и затея, придет же такое в голову. Земля на вывоз!

В два часа ночи он услышал, как тикают его наручные часы.

В половине третьего проверил у себя пульс: на запястье, на лодыжке, на шее, потом на висках, потом в голове.

Дом потянулся навстречу ветру и прислушался.
Но в недвижной ночи ветер оказался бесси-
лен; промокший сад замер в ожидании.

Наконец... вот оно. Открыв глаза, парень по-
вернул голову в сторону темного окна.

Он затаил дыхание. Что? Да? Да? Что?

Под окном, под стеной, под домом, где-то сна-
ружи раздавался шорох, невнятный ропот, ко-
торый звучал все громче и громче. Может, это
росли травы? Раскрывались цветы? Или шеве-
лилась, скучоживалась земля?

Оглушительный шепот пронизывал тень и
темень. Что-то восставало. Что-то двигалось.

Его обдало ледяным холодом. Сердце замерло.

Во мраке, за окном.

Наступила осень.

Пришел октябрь.

Сад звал...

Пожинать плоды.

ПОСЛЕДНИЕ ПОЧЕСТИ

Гаррисон Купер еще не вступил в пору старости: ему исполнилось всего тридцать девять; на таком рубеже сорок лет — это уже горячо, а тридцать — холодно; разница весьма серьезная, не только в смысле температуры, но и в смысле мироощущения. Человек незаурядных, даже блестящих, способностей, он не связал себя брачными узами и не собирался этого делать, не завел детей, которых мог бы с чистой совестью признать своими, а посему располагал свободным временем; однако летним утром 1999 года он почему-то проснулся в слезах.

— Что такое?

Выбравшись из постели, он подошел к зеркалу, чтобы рассмотреть мокрое лицо, понять причину грусти и выяснить истоки печали. Как ребенок, в котором переживания разжигают любопытство, он нарисовал свою собственную кар-

ту, но среди бескрайних пустынь тоски не смог найти столицу отчаяния — и пошел бриться.

Это не помогло: у Гаррисона Купера обнаружился тайный запас меланхолии, которая даже во время бритья стекала ручейками по намыленным щекам.

— Господи, как на похоронах! — воскликнул он.— Но вроде бы никто не умер?

На завтрак он, вопреки обыкновению, съел недожаренный тост, а затем отправился к себе в лабораторию, надеясь, что Тайм-Ровер подскажет, почему из глаз текут слезы, когда для этого нет видимых причин.

Тайм-Ровер? Ах да.

Дело в том, что после тридцати Гаррисон Купер посвящал большую часть времени разработке схем невообразимого прошлого и неизведанного будущего. Фантазии мужчин обычно реализуются в виде машины, которая прекрасна, как женщина. Гаррисон Купер направил свои мечты в другое русло: из воздуха и раскатов грома он создал свое собственное средство передвижения и назвал его машиной Мёбиуса.

Краснея от наигранного безразличия, он объяснял знакомым, что берет полосу прошлого и полосу будущего, а потом скручивает их на пол оборота в точке настоящего, чтобы образовалась односторонняя петля. Вроде тех бумажных восьмерок, которыми в девятнадцатом веке забавлялся математик А. Ф. Мёбиус.

— Ну, конечно, Мёбиус,— начинали мялить знакомые.

А про себя ужасались: «Караул. Надо уносить ноги».

Гаррисон Купер не принадлежал к числу одержимых ученых, но был безнадежным занудой. Не заблуждаясь на сей счет, он с некоторых пор отгородился от мира, чтобы завершить работу над машиной Мёбиуса. В то странное утро, когда у него из глаз дождем катились холодные капли, Гаррисон Купер вперился взглядом в эту хитроумную штуковину — чтоб ей пусто было — и силился понять, что же мешает ему ликовать и радоваться жизни.

Его мысли прервал звонок в дверь лаборатории: оказалось, это редкий гость — настоящий курьер компании «Вестерн Юнион» на настоящем велосипеде. Гаррисон Купер расписался в получении телеграммы и собирался было прикрыть дверь, но заметил, что парнишка жадно разглядывает машину Мёбиуса.

— Что это? — воскликнул он.

Гаррисон Купер отступил в сторону и позво- лил пареньку обойти машину кругом; взгляд посыльного скользил то вверх, то вниз, то вбок по громадной обтекаемой восьмерке из меди, лату- ни и серебра.

— Как я сразу не догадался! — вскричал наконец мальчишка, просияв улыбкой.— Это же машина времени!

— Глаз-алмаз!

— Когда вы отправляетесь? — спросил паренек.— В какие края? Кого хотите повстречать? Вам нужен Александр Македонский? Цезарь? Наполеон? Гитлер?

— Боже упаси!

Парнишка сыпал именами, как по списку:

— Линкольн?

— Уже ближе.

— Генерал Грант! Рузвельт! Бенджамин Франклин?

— Франклайн? Пожалуй!

— Везет же некоторым!

— Кому, мне? — ошеломленный, Гаррисон Купер заметил, что машинально кивает головой.— Во-истину, мне повезло, да еще так неожиданно...

Неожиданно ему открылось, почему с утра пораньше у него глаза оказались на мокром месте.

Он схватил паренька за руку:

— Спасибо, дружок. Ты для меня — прямо катализатор.

— Я для вас кота... — что?

— Подействовал на меня, как тест Роршаха: заставил разглядеть мой собственный список! А теперь без лишнего шума — быстро на выход. Ты уж не обижайся.

Дверь захлопнулась. Гаррисон Купер метнулся в библиотеку, схватил телефонную трубку,

набрал номер и в ожидании ответа стал шарить глазами по книжным полкам, вмешавшим добрую тысячу томов.

— Да, да,— бормотал он, вглядываясь в прекрасные заглавия, тисненные золотом.— Не все, конечно. Двое, трое, от силы четверо. Алло, Сэм? Сэмюель! Можешь быть у меня через пять минут? А лучше через три! Это крайне важно! Приезжай!

Он бросил трубку и приблизился к полкам, чтобы дотянуться до книг.

— Шекспир,— пробормотал он.— Вильям-Вилли, уж не ты ли?

Дверь лаборатории открылась, и Сэм, он же Сэмюель, заглянув внутрь, осталенел.

В самом центре огромной восьмерки Мёбиуса, поставив рядом корзину с провизией, восседал Гаррисон Купер в кожаной куртке и начищенных ботинках; он согнул руки в локтях и нацепился пальцами на кнопки электронного управления.

— Играешь в Линдберга? Не хватает только шлемофона и защитных очков.

С самодовольной усмешкой Гаррисон Купер извлек откуда-то недостающую экипировку и тут же нацепил ее на себя.

— Поднять «Титаник», чтобы затопить его вновь! — Сэмюель сделал несколько размашис-

тых шагов и остановился перед красавицей машиной лицом к лицу с ее эксцентричным хозяином.— Ну, Купер, что на этот раз? — прокричал он.

— Сегодня утром я проснулся в слезах.

— Вот те раз! А я на сон грядущий читал вслух телефонный справочник. Отлично помогает!

— Не знаю, не знаю. Мне ты читал вслух совсем другое — вот это!

Купер протянул гостю книги.

— Ну, да! Мы бухтели, как два филина, до трех ночи и опьянели без вина от английских и американских классиков.

— Вот потому-то у меня и потекли слезы!

— Почему?

— Да потому, что их больше нет. Потому, что они умерли безвестными, непризнанными, потому, что, как ни прискорбно, некоторым из них воздали должное только после тысяча девятьсот двадцатого года — начали их переиздавать и превозносить до небес!

— Хватит болтать, ближе к делу,— сказал Сэмюэль.— Ты меня для чего позвал: чтобы проповеди читать или чтобы совета попросить?

Гаррисон Купер выскочил из своей машины и затолкал Сэмюэля в библиотеку.

— Для того, чтобы ты помог мне проложить маршрут!

— Маршрут? Маршрут!

— Я отправляюсь в путешествие, в далекие края, в Большое Литературное Турне! Армия спасения в лице одного человека!

— Будешь спасать жизни?

— Не жизни: души! Что проку от жизни, если душа мертва? Нет, не вставай! Назови-ка мне тех писателей, из-за которых мы не спали ночь напролет, из-за которых у меня наутро потекли слезы. Вот бренди. Пей! Сможешь вспомнить?

— Конечно!

— Составь для меня список! Начнем с Меланхолика Новой Англии. Чудом не утонул на море, жил унылым затворником — потерянная душа шестидесятых! Так, о каких еще печальных гениях мы толковали?

— Боже мой! — вскричал Сэмюэль.— Так вот куда ты собрался? О Гаррисон, Гарри, ты просто чудо!

— Помолчи! Ты помнишь, как пишутся юморески? Сначала смеешься, а потом начинаешь думать в обратном направлении. Поэтому давай поплачем, а потом отследим источник наших слез. Поплачем по киту, чтобы наловить мелкой рыбешки.

— Кажется, прошлой ночью я читал что-то из...

— Ну-ну?

— А потом мы говорили о...

— Дальше.

— Так...

Сэмюель сделал большой глоток бренди. Горло обожгло как огнем.

— Записывай!

Они все записали и бросились назад.

— Что ты будешь делать, когда доберешься до места назначения, профессор-библиотекарь?

Гаррисон Купер, вновь устроившийся в тени своей великолепной парящей ленты Мёбиуса, рассмеялся и закивал:

— Хорошо сказано! Гаррисон Купер, д. ф. н. Деятель филологической нивы! Исцелитель старых знаменитостей, потерявших волю к жизни из-за нехватки человеческого тепла, признания, пьянящей похвалы. Они живут в моем сердце; их имена всегда у меня на устах. Скажи «ах!». До встречи! Прощай!

— С богом!

Он рванул на себя какой-то рычаг, повернул тумблер: металлическая спираль затрепетала, как бабочка,— и вдруг исчезла.

Через мгновение машина Мёбиуса скрутила все свои атомы — и вернулась.

— Вуаля! — вскричал Гаррисон Купер, разрумянившись и сверкая глазами.— Вот и я!

— Так быстро? — воскликнул его друг.

— Здесь прошло не более минуты, а там — долгие часы!

— У тебя получилось?

— Смотри! У меня есть доказательства!

По его лицу катились слезы.

— Что там произошло? Ну, говори же!

— Вот, и вот, и вот!

Гирокоп вращался, лента торжественно продолжала безостановочное движение по спирали, тяжелая портьера, подобно призраку, витала в воздухе, а затем, тяжело вздохнув, опустилась.

Книги сыпались, как с библиотечного конвейера, опережая звук шагов; затем появились на половину различимые башмаки, окутанные туманом ноги, туловище и, наконец, голова человека, который, невзирая на то что лента вновь закрутилась по спирали и растворилась в пустоте, склонился над книжными переплетами, греясь у них, словно у очага.

Он касался пальцами книг и прислушивался к колебаниям воздуха в сумеречном коридоре; откуда-то снизу доносились голоса людей, сидящих за ужином, а из-за распахнутой двери веяло едва уловимым запахом болезни: этот запах то накатывал волной, то отступал, то выветривался из комнаты, то возвращался, будто повинуясь неровному дыханию больного. Между тем в мире тихого благоденствия слышался вечерний перезвон тарелок и столовых приборов. Коридор и лестничная площадка пустовали. Но в любой момент кто-то мог подняться наверх в эту мрачную палату, неся на подносе ужин для лежащего в полудреме больного.

Гаррисон Купер осторожно распрямился и проверил, не идет ли кто-нибудь по лестнице, а затем, взвалив на себя сладкое бремя книг, перешел в ту комнату. По обеим сторонам кровати горели свечи; умирающий лежал на спине, вытянув руки вдоль тела: его голова утопала в подушке, закрытые глаза ввалились, а губы были плотно сжаты; казалось, он молит, чтобы на него обрушился потолок вместе со спасительной смертью.

Услышав, как Гаррисон Купер раскладывает книги по краям постели, старик очнулся: у него вздрогнули веки, пересохшие губы приоткрылись, ноздри со свистом втянули воздух.

— Кто здесь? — прошептал он.— Который час?

— «Всякий раз, как я замечаю угрюмые складки в углах своего рта; всякий раз, как в душе у меня воцаряется промозглый, дождливый ноябрь, я понимаю, что мне пора отправляться в плавание, и как можно скорее», — тихо ответил путешественник, стоя в ногах постели.

— Что-что? — зашептал лежащий на постели старик.

— «Это у меня проверенный способ развеять тоску и наладить кровообращение», — процитировал гость, подкладывая по книге под ладони умирающего, чтобы дрожащие пальцы могли ощупать переплеты, отстраниться и пробежать по строчкам, как по шрифту Брайля.

Одну за другой незнакомец показывал ему книги: обложки, страницы, титульные листы с разными датами — нескончаемой вереницей плели издания этого романа, чтобы навечно пристать к далеким берегам будущего.

Больной задержал взгляд на всех по очереди переплетах, заглавиях, датах, а потом уставился на чужое просветленное лицо и ошеломленно выдохнул:

— Никак это странник? Видно, путь был долгим?

— Разве годы заметны? — Гаррисон Купер наклонился к старику. — Итак, я принес Благую Весть.

— Такого достойны лишь безгрешные, — прошептал старик. — А меня, придавленного могильной плитой из никчемных книг, безгрешным не назовешь.

— Я пришел, чтобы отодвинуть могильную плиту. Принес новости из далеких краев.

Глаза больного обратились к книгам, накрытым его дрожащими ладонями.

— Они и вправду мои? — прошептал он.

Путешественник серьезно и торжественно кивнул, но на его лице вскоре заиграла улыбка, потому что черты старика потеплели, а глаза и уголки рта ожили.

— Так значит, есть надежда?

— Конечно!

— Верю.—Старик сделал глубокий вдох и вдруг спросил: — А тебе какая забота?

— Я привязан к тебе всей душой,— отвечал незнакомец, стоя в изножье постели.

— Но ведь я тебя не знаю, любезный!

— Зато я тебя знаю от левого борта до правого, от форштевня до кормы, от клотика до палубы, знаю каждый день твоей долгой жизни, вплоть до этого мгновения.

— О сладостные речи! — воскликнул старик.— В каждом слове, в каждом взгляде — высший смысл. Но разве такое возможно? — Под старческими веками блеснули слезы.— В чем тут дело?

— Дело в том, что я и есть высший смысл,— произнес путешественник.— Я прошел долгий путь, чтобы сказать: твои труды не пропали даром. Кит опустился на дно совсем ненадолго. Настанет год, пока еще затерянный в дымке времени, когда у твоей могилы соберутся великие и прославленные, простые и безвестные, чтобы сказать в один голос: он оживает, он поднимается, он оживает, он поднимается! — и белая громада вслыхивает на свет, и великий ужас восстанет навстречу штурму и огням святого Эльма, и ты тоже восстанешь из бездны: вы будете неразделимы, ваши голоса сольются воедино, и никто не сможет сказать, где умолк один и зазвучал другой, где ты остановился, а он пошел

бороздить белый свет, чтобы в вашем общем фарватере поднималась безымянная флотилия из кораблей-библиотек, чтобы хранители и читатели книг толпились в доках и провожали вас в далекие скитания и ловили ваш одинокий крик в три часа штормовой ночи.

— Боже правый! — воскликнул старик, укутанный в саван сбившихся простыней.— Объясни, путник, объясни! Неужели это не выдумки?

— Клянусь душой, клянусь кровью сердца. Вот тебе моя рука.— Гаррисон Купер сжал ладонь умирающего.— Пусть эти подарки будут с тобою до гробовой доски. Перебирай страницы, как четки. Не говори никому, откуда они взялись. Насмешники могут вырвать это утешение из твоих рук. Сегодня ночью, в предрассветной темноте, повторяй вместо молитвы простые слова о том, что ты будешь жить вечно. Ты бессмертен.

— Довольно, не продолжай! Замолчи.

— Я не могу молчать. Выслушай. Твои пути будут отмечены огненными чудо-тропами: в Бенгальском заливе, в Индийском океане, от мыса Горн до берегов вечности. Этот огонь будет светить всем живущим.

Он еще крепче сжал руку старика.

— Клянусь. Настанет срок — и миллионы людей потянутся к твоему надгробию, чтобы почтить твою память и воздать тебе почести. Ты слышишь меня?

— Бог свидетель, ни один священник не сумел бы так меня утешить. Смогу ли я спокойно умереть? Теперь — да.

Путешественник отпустил руку старика, и тот вцепился в книги, лежащие по бокам кровати, а незнакомец без устали открывал другие тома и вслух объявлял даты:

— Тысяча девятьсот двадцать второй... тридцатый... тридцать пятый... сороковой... пятьдесят пятый... семидесятый. Тебе видно? Ты понимаешь, что это значит?

Он поднес последнюю книгу к глазам старика: пылающий взгляд обратился к надписи, пересохшие губы раскрылись:

— Тысяча девятьсот девяностый?

— Эта книга — твоя. Ее издаут через сто лет.

— Боже правый!

— Мне пора. Но я хочу слышать твои слова.

Глава первая. Читай!

Горящий взгляд заскользил по строчкам. Старик увлажнил губы, всмотрелся в текст и наконец прошептал, не в силах сдержать слезы:

— Зовите меня Измаил.

Выпал снег, потом еще, потом еще больше. В рассеянном свете с шумным шелестом завертелась серебряная лента, и из тумана Времени появился странствующий библиотекарь с котомкой книг. Лента, вращаясь, входила в стену, словно разрезая припорошенную снегом булку, а

путешественник, обретая телесность, проникал в больничную палату, белую, как декабрь. Там, забытый всеми, лежал несчастный; лицо его было бледнее снега и зимнего ветра. Он был вовсе не стар, но метался в предсмертной лихорадке, и его пропитавшиеся потом усы прилипли к верхней губе. Наверно, он не почувствовал, как воздух рядом с его постелью расступился, чтобы впустить посланника. Больной не открывал глаз; дыхание с трудом вырывалось из груди. Руки, вытянутые вдоль туловища, не потянулись навстречу принесенным дарам. Казалось, он уже покинул этот мир. И только при звуках незнакомого голоса его глаза дрогнули под сомкнутыми веками.

- Тебя забыли? — спросил голос.
- Как будто меня и не было на свете,— отвечал прикованный к постели.
- И ни разу не вспоминали?
- Только... только раз... во Франции.
- Неужели ты не написал ни строчки?
- Ничего стоящего.
- Чувствуешь, какую тяжесть я положил на твою постель? Не смотри, просто потрогай.
- Могильные плиты.
- Нет, это не могильные плиты, хотя на них начертаны имена. Тут не мрамор, а бумага. Здесь есть даты, но это день грядущий и следующий за ним, и день, который придет десять тысяч дней спустя. На каждом переплете — твое имя.

- Не может быть.
- Это правда. Позволь, я прочту тебе названия. Слушай: «Маска...»
- ...красной смерти».
- «Падение...»
- ...дома Эшеров»!
- «Колодец...»
- ...и маятник»!
- «Сердце...»
- «Сердце-обличитель»! Мое сердце! Сердце!
- Повторяй за мной: ради всего святого, Монтрезор!
- Все это странно.
- Повторяй: Монтрезор, ради всего святого!
- Ради всего святого, Монтрезор.
- Видишь это заглавие?
- Вижу!
- Прочти дату.
- Тысяча девятьсот девяносто четвертый.
«Амонтильядо». И мое имя!
- Точно! А теперь тряхни головой. Пусть на шутовском колпаке зазвенят бубенчики. Я принес раствор, чтобы укрепить последний камень. Надо торопиться. Сейчас вокруг тебя сомкнутся стены из твоих собственных книг. Когда к тебе придет смерть, как ты ее встретишь? Восклицанием и словами?..
- *Requiescat in pace?*
- Повтори.
- *Requiescat in pace!*

Тут налетел Ветер Времени, и комната опустела. На смех больного в палату прибежали сестры милосердия: они попытались завладеть книгами, под весом которых надежно покоилась радость.

— Что он такое говорит? — воскликнул кто-то.

Спустя час, день, год, минуту по шпилю одного из парижских соборов пробежали огни святого Эльма, темный переулок озарился голубоватым отблеском, на углу возникло легкое движение, и невидимая карусель ветра закружила опавшую листву; где-то на лестнице послышались шаги — человек поднимался к дверям каморки, окна которой выходили на оживленные кафе, откуда звучала приглушенная музыка; на кровати у окна лежал высокий бледный мужчина, который не подавал признаков жизни, пока не услышал поблизости чужое дыхание.

Тень гостя оказалась совсем близко: стоило ему наклониться, как свет, падающий из окна, позволил различить его лицо и губы, которые приоткрылись, чтобы набрать воздуха. С этих губ слетело одно-единственное слово:

— Оскар?

ДРУГАЯ ДОРОГА

В

оскресным утром они въехали в зеленую зону, оставив далеко позади алюминиевый город, и все время смотрели на небо, которое тоже вырвалось на свободу и двигалось вместе с ними, словно незнакомое озеро в знакомом месте, невыразимо голубое, с белыми барашками пены.

Сбросив скорость, Кларенс Трэверс подставил лицо свежему ветру и запаху скошенной травы. Он взял за руку жену и обернулся к сыну с дочкой, которые впервые в жизни не дрались на заднем сиденье — по крайней мере в этот миг; машина двигалась от одного тихого и прекрасного местечка к другому, отчего начинало казаться, что этому зеленому воскресному роскошеству не будет конца.

— Какая благодать,— сказала Сесилия Трэверс.— Сто лет не выбирались на природу.— Муж почувствовал, как ее рука ответила на его

прикосновение и тут же полностью расслабилась.— Не могу забыть этих дамочек, которые вчера, не допив коктейлей, хлопнулись в обморок от духоты,— вот ужас-то!

— Действительно ужас,— согласился Кларенс Трэверс.— Но как бы то ни было — вперед!

Он нажал на педаль газа и прибавил скорости. Совсем недавно, на выезде из города, обстановка была довольно нервной, машины пронзительно сигналили и подталкивали их туда, где, если очень повезет, можно было найти островки зелени, пригодные для пикников. Оказавшись на скоростной полосе, он с риском для жизни перестроился в крайний правый ряд, и через некоторое время скорость удалось сбросить до пятидесяти миль в час, что было уже почти комфортно. Маневры окупились с лихвой, как только в окна повеяло ароматами цветов и деревьев. Без видимой причины он рассмеялся, а потом сказал:

— Когда мы вот так выбираемся из дома, мне хочется ехать куда глаза глядят, лишь бы не возвращаться в этот проклятый город.

— Давайте уедем на сто миль! — воскликнул его сын.

— На тысячу! — закричала дочка.

— Можно и на тысячу,— согласился Кларенс Трэверс.— Только медленно, по одной миле за раз.— И тихо изумился: — Вот это да!

С правой стороны неожиданно, будто из придуманного мира, возникла заброшенная дорога.

— Чудо! — сказал мистер Кларенс Трэверс.

— Где, где? — загадели дети.

— Смотрите! — Кларенс Трэверс перегнулся через плечо жены и указал рукой в ту сторону.— Старая дорога. Раньше только по ней и ездили.

— Вот по той? — удивилась жена.

— Ничего себе, какая узкая! — поразился сын.

— Тогда и машин было немного.

— Похожа на большую змею,— сказала дочка.

— Так и есть: все старые дороги извивались и петляли. Помнишь?

Сесилия Трэверс кивнула. Машина теперь двигалась совсем медленно, и они разглядывали узкую бетонную полосу, которую тут и там деликатно прорезали пучки зеленой травы, а по обочинам украшали полевые цветы и стрелы утреннего света, летящие сквозь высокие кроны уходящих к лесу дубов, кленов и вязов.

— Эту дорогу я знаю как свои пять пальцев,— сообщил Кларенс Трэверс.— Хотите по ней прокатиться?

— Ой, Кларенс, нам...

— Я серьезно!

— Папа, давай, ну пожалуйста!

— Решено, едем,— твердо сказал он.

— Туда нельзя! — запротестовала Сесилия Трэверс. — Наверняка это запрещено. Там опасно.

Не дослушав, он отдеился от стремительно-го транспортного потока, свернул в неглубокий кювет и с улыбкой направил машину прямо по ухабам к старой дороге.

— Кларенс, опомнись! Нас арестуют!

— За движение со скоростью десять миль в час по заброшенной дороге? Все, больше никаких споров, чтобы не портить такой чудесный день. Будете хорошо себя вести — куплю всем газировки с сиропом.

Тут они добрались до старого дорожного покрытия.

— Видите, как все просто! Ну, ребята, выбирайте: в какую сторону?

— Туда, вот туда!

— Как скажете!

И они не спеша покатили по старой дороге, которая серо-белым удавом ползла в бархатные луга, петляла по пригоркам, величественно нисходила во влажные рощи, на запах ручьев и болот, на зов кристально-прозрачной воды, что с целлофановым шорохом струилась по отвесным камням. На ходу они даже успевали разглядеть водяных паучков, которые облюбовали запруды из последних октябряских листьев и расчерчивали недвижную гладь замысловатой клинописью.

— Папа, а это кто такие?

— В лужицах? Водомеры. Такого конькобежца голыми руками не возьмешь! Караулишь-караулишь, потом — цап! А его и след простыл. Вот так и узнаешь, что есть в этой жизни вещи, которые не даются в руки. С течением времени их становится все больше, поэтому начинать надо с малого — убедить себя, что их и вовсе нет.

— Так неинтересно!

— Это глубокая философская мысль, мистер Трэверс. Итак, продолжим путь, мистер Трэверс.— Он пришел в добroе расположение духа и, повинуясь собственному приказу, продолжил путь.

Дорога привела их в лес, который всю зимуостоял, как в затяжном ноябре, а теперь с опаской развешивал зеленые флагки, встречаю новое время года. Бабочки, похожие на разноцветное конфетти, возникали из чащи и, как хмельные, трепыхались в воздухе, а их зубчатые тени бегали по воде и траве.

— Развернись здесь,— сказала Сесилия Трэверс.

— Ну пожалуйста, мам! — взмолились сын и дочь.

— Что за спешка? — спросил Кларенс Трэверс.— Вот скажите, многие ли из ваших приятелей могут похвастаться, что катались по дороге, где годами не проезжала ни одна машина?

Думаю, таких счастливчиков просто нет! У кого еще отец настолько смел, чтобы проехать по бездорожью и направиться в неведомые края? А?

Миссис Трэверс хранила молчание.

— Вот за тем пригорком,— сказал Кларенс Трэверс,— дорога свернет налево, потом направо, потом опять налево: зигзагообразный поворот, а за ним еще один. Сейчас увидите.

— Налево.

— Направо.

— Налево.

— Зигзагообразный поворот.

Машина довольно урчала.

— Еще один!

— В точности как ты сказал!

— А теперь смотрите.— Кларенс Трэверс указал рукой вдаль. В сотне ярдов с ревом мелькала скоростная автострада, уставленная рекламными щитами. Кларенс Трэверс проводил ее пристальным взглядом и скользнул глазами по траве, отделяющей ее от тенистой старой дороги, похожей на пересохшее русло, которое не знало приливов и слушало только ветер, приносивший издалека вечный шум транспорта.

— Знаешь,— сказала жена,— от вида этой автострады мне почему-то стало жутко.

— Пап, давай до самого дома поедем по этой дороге,— попросил сын.

— К сожалению, не получится.

— От вида автострады мне всегда жутко,— сказала жена, глядя в ту сторону, где с ревом неслись автомобили, которые невозможно было даже рассмотреть.

— Всем жутковато,— отозвался Кларенс Трэверс.— Но, как говорится, кто не рискует, тот не выигрывает. Что поделаешь?

— Да ни черта тут не поделаешь,— вздохнула жена.— Сворачивай на эту проклятую магистраль.

— Погоди.

Кларенс Трэверс направлялся к маленькому, можно сказать крохотному, поселку, неожиданно возникшему близ прозрачной воды, под сенью гигантских деревьев: с десяток обшитых замшелыми досками, давно не крашенных домиков. На каждом крыльце раскачивалось от ветра пустое кресло-качалка; на травяном ковре, в прохладе полуденной тени, дремали собаки; у дороги стояла бакалейная лавка с видавшей виды бензоколонкой.

Они подъехали ближе, вышли из машины и, не веря своим глазам, тоже замерли среди этой неподвижности, как восковые фигуры.

Дверь бакалейной лавки со скрипом отворилась; оттуда появился старик, который поморгал глазами и спросил:

— Вы как сюда попали — неужто по старой дороге?

Под укоризненным взглядом жены Кларенс Трэверс почувствовал себя неуютно.

— Именно так, сэр.
— Лет, почитай, двадцать никто сюда не заглядывал.

— Мы и сами приехали наудачу,— сказал мистер Трэверс и, помолчав, добавил: — А тут — прямо дар судьбы!

— Удар судьбы,— процедила жена.
— Автострада наши края стороной обошла, до нее с милю будет, вам вот туда,— сказал старик.— Из-за нее наш городок и захирел. Остались такие, как я,— одно старичье.

— Здесь, наверно, у хозяев можно снять комнаты?

— Милости прошу. Вам только летучих мышей прогнать да пауков вымести — и живите на здоровье в любом доме за тридцатку в месяц. А хозяин тут я.

— Не стоит беспокоиться, он просто так спросил,— вмешалась Сесилия Трэверс.

— Понятное дело,— кивнул старик.— До города далеко, до автострады тоже неблизко. А зрядит дождь — грунтовая дорога раскиснет, грязи будет по колено. В здешние места, честно сказать, и проезд-то запрещен. Хотя никто не следит.— Старик фыркнул и покачал головой.— Будьте спокойны, я на вас не донесу! Признаться, у меня поджилки затряслись, когда вас увидел.

Смотрю на календарь и думаю: мать честная, уж не вернулся ли двадцать девятый год?

Вспомнил, воскликнул про себя Кларенс Треверс. Это Фокс-Хилл. Раньше здесь стоял город с тысячным населением. Когда я был совсем маленьким, мы приезжали сюда летними ночами, поздно-поздно. Останавливали машину; я дремал на заднем сиденье, при лунном свете. Бабушка с дедом тоже сидели сзади, рядом со мной. Как здорово кататься по ночам, когда впереди белеет дорога, с неба смотрят звезды, а взрослые заняты собой, их голоса слышатся будто бы издалека: говорят, говорят, смеются, шепчутся. За рулем, конечно, отец, воплощенная основательность. Так бы и плыть сквозь летнюю темень, вдоль озера, к дюнам, к заросшему диким виноградом безлюдному пляжу, на котором безвылазно жил ветер. Мы ехали под луной в кладбищенской тишине, где лишь изредка поскрипывал песок да шуршали пепельно-серые волны — это озеро паровозом утюжило берег. А я, свернувшись калачиком, вбирал в себя запах бабушкиного пальто, прохладного от ветра, и родные голоса, что укутывали меня одеялом непреходящей надежности: я знал, что никогда не стану старым и всегда буду разъезжать на нашем драндулете с опущенными брезентовыми бортами. И мы всегда будем останавливаться в этом городке, поздно-поздно, часов в девять, а

то и в десять вечера, чтобы отведать мороженого — орехового и фруктового, с восхитительным, едва уловимым запахом бензина. Всей семьей мы дружно лизали это лакомство, хрустели вафельными рожками и вдыхали бензиновый запах, а потом, сонные и довольные, ехали домой, в Гrintаун, и было это тридцать лет назад.

Опомнившись, он сказал:

— Кстати, об этих домах: есть ли возможность привести их в порядок? — Он прищурился.

— Это как посмотреть: они полвека простояли и ещеостоят, но труха уже сыплется. Выбирайте, какой на вас смотрит, уступлю за десять тысяч — таких цен, согласитесь, нынче нету. Коли вы художник... то бишь... живописец, вам в самый раз будет.

— Нет, я не художник. Я сочиняю рекламные тексты.

— Значит, и рассказы сочиняете, дело ясное. Что ж, тут и писателю благодать: тишина, никаких соседей, пиши себе сколько душе угодно.

Сесилия Трэверс молча стояла между мужем и незнакомым стариком. Кларенс Трэверс не смотрел в ее сторону: он смотрел на тлеющие угли перед входом в лавку.

— Думаю, мне бы здесь неплохо работалось.

— Это точно, — подтвердил старик.

— Я уже не раз подумывал, — сказал мистер Трэверс, — что пора нам уехать из города и пожить тихо-спокойно.

— Это точно,— сказал старик.

А миссис Трэверс ничего не сказала; она покрылась в сумочке и достала зеркальце.

— Хотите пить? — спросил мистер Трэверс с преувеличеннной заботливостью.— Будьте добры,— обратился он к старику,— три бутылочки апельсинового сока. Нет, пожалуй, четыре.

Старик ушел в лавку, откуда повеяло гвоздями, печенем и пылью.

Когда он скрылся за дверью, мистер Трэверс повернулся к жене. У него загорелись глаза.

— Это мечта! Давай так и сделаем!

— Как? — переспросила жена.

— Переедем сюда, надо только принять решение. Что нас удерживает? Скажи, что? Мы из года в год даем себе клятву: уедем от шума, от суеты, чтобы детям было где побегать. И тогда...

— Ну, хватит! — вскричала жена.

Старик, покашливая, возился в лавке.

— Что за блажь? — Она понизила голос.— Мы только-только выплатили последний взнос за квартиру, у тебя прекрасная работа, дети привыкли к школе, я посещаю престижный клуб, и не один. Мы вбили огромные деньги в ремонт. У нас...

— Послушай,— начал он, словно надеясь, что она будет слушать.— Не это главное. Здесь легко дышится. А в городе — черт возьми, ты же сама жалуешься...

— Только в силу привычки.
— Этот клуб — разве он так уж важен?
— Важен не клуб, а круг знакомых!
— Случись нам завтра отдать концы, эти знакомые и бровью не поведут! — сказал он.— Если я попаду под машину, мимо промчатся тысячи водителей, пока какой-нибудь любопытный не надумает посмотреть, кто валяется на дороге — человек или собака.

— А твоя работа... — начала она.
— Ну и что? Десять лет назад мы с тобой прикинули: еще два года — и у нас будет достаточно денег, чтобы я мог уйти из фирмы и взяться за роман! Но потом каждый год мы говорили одно и то же: нет, не сейчас, в будущем году! Через год, еще через год!

— По крайней мере, жили в свое удовольствие.

— Ну, разумеется! Подземка — одно удовольствие! Автобусы — одно удовольствие! Коктейли, пьяные гости — что может быть лучше? Рекламные слоганы? О да! Только у меня уже в печеньках сидят эти удовольствия. Теперь я собираюсь написать обо всем, что видел, и лучшего места для этого не найти. Вот там домик, взгляни! Неужели ты не видишь, как я сижу у окна за пишущей машинкой?

— Побереги легкие.
— Поберечь легкие? С большой радостью! Я достиг своего предела. Решайся, Сесилия, да-

вой добавим огонька в нашу семейную жизнь, сделаем попытку!

— А дети...

— Здесь будет здорово! — сказал сын.

— Наверно,— сказала дочь.

— Я еще не стар,— добавил Кларенс Трэверс.

— Я тоже.— Она коснулась его руки.— Но это не значит, что нужно рисовать «классики» и прыгать очертя голову. Вот когда дети встанут на ноги, можно будет подумать.

— Дети, «классики» — о чём ты говоришь? Что ж... мне пишущую машинку брать с собой в могилу?

— Время пролетит незаметно. Мы...

Дверь лавки скрипнула, но никто не понял, сколько времени старикостоял на пороге. По выражению его лица этого было не определить. Он сделал шаг вперед, сжимая в веснушчатых руках четыре бутылочки газированного сока. Они были приняты с улыбками.

Все четверо под лучами солнца пили теплую шипучку. Летний ветер гулял в гротах зарослей, укрывших старый тенистый поселок. Деревья сомкнулись над головой, как зеленый храм, как высокий собор, в котором уместились затерянные внизу фигурки и строения. Нетрудно было вообразить, как эти кроны шуршат по ночам, словно океанские волны на бескрайнем берегу. Честное слово, подумал Кларенс Трэверс, я бы здесь спал как убитый, спал бы сном младенца.

Он расправился со своим напитком, а жена осилила только половину и отдала бутылочку детям, которые тут же подрались из-за остатков сока. Старик стоял молча; наверно, был не рад, что затронул болезненную тему.

— Ну, окажетесь в наших краях — заезжайте в гости, — сказал он.

Кларенс Трэверс полез за бумажником.

— Нет-нет! — запротестовал старик. — Я угощаю.

— Спасибо вам, большое спасибо.

— Не за что.

Они уселись в машину.

— Если хотите выбраться на автостраду, — сказал старик, заглядывая в водительское окно и вдыхая запах нагретой кожаной обивки, — не пропустите грунтовую дорогу. Да езжайте потише, не то подвеску разобьете.

Кларенс Трэверс посмотрел прямо перед собой, на решетку радиатора, и включил зажигание.

— Счастливо, — проговорил старик.

— До свидания! — закричали дети и стали махать ему на прощанье.

Машина медленно выезжала из поселка.

— Ты слышал, что сказал старик? — спросила жена.

— Что?

— Запомнил, как выбраться на автостраду?

— Да, я все слышал.

Они ехали через прохладный, тенистый поселок, разглядывая террасы и окна с цветными вставками по краям. Если сквозь такое окно посмотреть из комнаты на улицу, то прохожие раскрасятся в разные цвета, в зависимости от того, какой выберешь квадратик. Посмотришь сквозь желтое стекло — все станут китайцами, сквозь красное — индейцами. Выбирай любое: розовое, зеленое, фиолетовое, пурпурное, лиловое, хоть цвета карамели, хоть лимона-апельсина, хоть жухлой травы, хоть морской волны — и гляди себе на лужайки, на деревья, а то и на эту медленно ползущую машину.

— Да, запомнил, — повторил Кларенс Трэверс.

Поселок скрылся из виду. Они свернули на грунтовую дорогу и выехали к автостраде. У обочины пришлось подождать, пока не образуется просвет в плотном потоке транспорта: туда удалось вклинииться, и вскоре их уже несло со скоростью пятьдесят миль в час, в шуме и грохоте, по направлению к городу.

— Так-то лучше, — приободрилась Сесилия Трэверс. — По крайней мере, ясно, где мы находимся.

Вдоль трассы мелькали рекламные щиты: ритуальные услуги, слоеное тесто, хлопья для завтрака, автосервис, отель. Отель под нещадным

огнем полуденного солнца, думал мистер Трэверс, в котле с кипящей смолой, которая когда-нибудь поглотит все небоскребы, что бесстыдно поднялись торчком: они уйдут в бурлящую лаву и сохранятся в ней для будущих цивилизаций. И когда наступит миллионный год новой эры, пытливые ученые вскроют утробы электрических ящеров, стальных динозавров, и найдут мелкие белые косточки, и восстановят по ним хрупкие скелеты тех, кто сочинял рекламные слоганы, посещал престижные клубы и бегал в школу. У мистера Трэверса зашипало в глазах. И ученые скажут: вот, оказывается, что употребляли в пищу стальные города, подумать только! — и пнут ногой эти находки. Вот, оказывается, чем набито стальное чрево! Бедняги, у них не было ни малейшего шанса выжить. Видимо, стальные чудовища держали их в неволе и поедали на завтрак, на обед и на ужин. Живой белок, просто живой белок в огромной металлической клетке.

— Папа, смотри, смотри, а то пропустишь!

Детские крики вывели его из раздумья. Сесилия Трэверс не повернула головы. Зато дети глядели во все глаза.

Слева от автострады мелькала старая дорога, бесцельно плутая среди полей, лугов и речушек, — приветливая, прохладная и тихая.

Мистер Трэверс резко обернулся, но видение уже исчезло: его спутнули рекламные щиты,

деревья и пригорки. Машину со всех сторон теснили другие автомобили; они гудели, взвизгивали и скрежетали; взяв в плен чету Трэверсов с двумя детьми, они приказали им сидеть молча и потащили под эстакаду, дальше, дальше, в город, который не почувствовал их отсутствия и не заметил возвращения.

— А ну-ка, проверим, можно ли из этой машины выжать миль шестьдесят, а еще лучше шестьдесят пять в час,— сказал Кларенс Трэверс.

Оказалось, можно.

СПЕШИТЕ ЖИТЬ (ПОСЛЕСЛОВИЕ)

В

1928 году, когда мне было восемь лет, в городке Уокеган, штат Иллинойс, произошло знаменательное событие; местом действия стал забор позади кинотеатра «Академия». Там повесили афишу, размером два на три метра, с изображением иллюзиониста Блэкстона, причем в самых эффектных ракурсах: он распиливал пополам женщину и привязывал себя к стреляющей пушке, у него простой носовой платок танцевал в воздухе, прямо из рук исчезала клетка с живой канарейкой, а настоящий слон... в общем, идея вам ясна. Замирая от благоговения, я часами простоявал перед этой афишой. И у меня созрело решение непременно стать иллюзионистом.

Оно претворилось в жизнь, не так ли? Я пишу не научную фантастику, не фэнтези, не сказки в духе магического реализма и не сюрреалисти-

ческие стихи. «В мгновенье ока» — это, наверно, самое удачное заглавие из всех, какие мне удавалось придумать для новых сборников. Я делаю вид, что занят чем-то будничным, но стоит вам на секунду отвлечься — и в мгновенье ока из моей бездонной шляпы появляется два десятка ярких шелковых платков.

Вы спросите: как это у него выходит? Честно говоря, затрудняюсь ответить. Я не создаю эти рассказы: наоборот, они создают меня. В результате мое писательское ремесло и повседневное существование заряжают меня безграничным воодушевлением, которое иногда ошибочно толкуется как оптимизм.

Ерунда. Я всего лишь придерживаюсь оптимального образа действий, который требует: веди себя прилично, дружи с музами, доводи начатое до конца и радуйся ощущению, что ты, скорее всего, никогда не умрешь.

Мне не приходится ждать вдохновения. Оно каждое утро толкает меня в бок. В преддрамматический час, когда меньше всего хочется вставать с постели, это проклятое наваждение шепчет мне на разные голоса драму для «Утреннего театра». Да-да, понимаю, я выразился напыщенно; нет-нет, вовсе не утверждаю, будто подчиняюсь какому-то зову свыше. Эти голоса звучат у меня в ушах только потому, что я всю жизнь, день за днем, коплю их про запас — когда читаю, пишу,

просто живу. К моменту окончания школы их у меня накопилось достаточно, и они заговорили.

Иными словами, я не встречаю утро ликующими возгласами, а с неохотой выбираюсь из под одеяла, потому что сил нет слушать этот неотвязный шепот, сажусь за пишущую машинку и вскоре избавляюсь от сонливости и апатии, по мере того как идея/фантазия/задумка, что вошла мне в ухо, спускается по руке и сбегает с пальцев. Через пару часов на свет появляется новый рассказ, который всю ночь тихо спал у меня в гипоталамусе.

Согласитесь, оптимизм тут ни при чем. Это образ действий. Оптимальный.

Я не рискую противиться этим утренним голосам. Если пойти им наперекор, потом целый день будешь мучиться. Кроме того, я неуправляем, как автомобиль, сорвавшийся в пропасть. Тихое помешательство, владевшее мною до завтрака, к обеду заканчивается полной эйфорией.

Ну, а откуда взялись метафоры для этого сборника? Сейчас перечислю источники.

Узнав, что жена беременна нашим первенцем, даю будущему члену семьи имя «Саша», веду беседы с этим эмбрионом, и он умнеет день ото дня; так созревает рассказ, который мне чрезвычайно нравится, но почему-то его не печатают. Привожу его здесь.

Задумываюсь, что стало с портретом Дориана Грея. К ночи долгие раздумья перерастают в

волосатый ком дикого ужаса. Выплевываю его на пишущую машинку.

Несколько рассказов мне довелось «пережить». Я действительно смотрел иллюзиюн, где один из номеров назывался «В мгновенье ока», и пришел в отчаяние, когда паренька, очень похожего на меня, выставили на сцене полным идиотом.

«Все хорошо, или Одна беда — собака ваша сдохла» — это название патефонной пластинки, которую, когда мне было пять лет, я крутил день и ночь, покуда соседи не поставили меня перед выбором: либо мы сотрем в порошок тебя, либо эту пластинку. *Выбирай.*

«Разговор в ночи» был первоначально написан в стихах, как рассказ о моей матери и ее несчастливой юности; если у нас в семье и касаются этой темы, то лишь иносказательно.

«Опять влипли» — продолжение «Любовных приключений Лорела и Гарди». Продолжение, подсказанное судьбой. Когда, лет сорок назад, я приехал в Ирландию, газета «Айриш таймс» опубликовала рекламу следующего содержания: «Лорел и Гарди, единственные и неповторимые! Всего одно представление! В пользу сирот Ирландии. Театр «Олимпия», Дублин». Я помчался в театр и успел схватить последний билет, причем в самую середину первого ряда!

Когда поднялся занавес, на сцене появились они, Стэн и Олли, со своими добрыми, старыми,

до боли знакомыми репризами. У меня потекли слезы умиления. Потом я прошел за кулисы и постоял под дверью их гримерной, наблюдая, как они приветствуют знакомых. Я не представился. Мне хотелось просто отогреть руки и сердце. Через двадцать минут радости я незаметно ушел. Так появился рассказ «Опять влипли».

«Doktor с подводной лодки» — это история о том, как люди порой не слышат самих себя. Както за обедом знакомый литератор поведал мне о своем психоанализе, который воевал на стороне гитлеровской Германии — командовал подводной лодкой. «Ну и ну! — вскричал я. — Срочно дай карандаш!» Нацарапал для памяти заглавие и в тот же вечер написал рассказ. Друг литератор долго не мог меня простить.

«Последние почести» возникли естественным образом, потому что я — заядлый читатель: мне интересны книги разных авторов, разных эпох — и стариные, и современные. Никогда в жизни я не завидовал собратьям по перу; мне только хотелось научиться писать и мечтать, как лучшие из них. Список получается огромный; он включает немало блистательных женщин, которые создавали блистательные произведения: это Уилла Кэтер, Джессамин Уэст, Кэтрин-Энн Портер, Юдора Уэлти, а также Эдит Уортон, которую я полюбил задолго до того, как она достигла вершин славы. «Последние почести» соединяют берега Времени и несут дань уважения тройке

великих: Эдгару По, Мелвиллу и еще одному писателю, который вплоть до финала остается безымянным. Мне не давало покоя, что эти гиганты так и ушли в мир иной, полагая, будто они сами и их книги останутся безвестными. Вот и пришлось изобрести очередную машину времени, чтобы их утешить — хотя бы на смертном одре.

Некоторые сюжеты самоочевидны. В основу рассказа «По прошествии девяти лет» положено, так сказать, квазинаучное полуоткрытие, из числа тех, о которых все говорят, но никто не пишет.

«Другая дорога» тянется неподалеку от главной автомагистрали, ведущей из Лос-Анджелеса на север. Теперь она засыпана оползнями, поросла травой, кустами и деревьями. Кое-где еще можно проехать сотню-другую метров на велосипеде, но дальше недолго и увязнуть.

Сюжет «И снова легато» возник спонтанно, когда я слушал дневной концерт из переложений Берлиоза и Альбениса в исполнении стаи птиц, рассевшихся на ветвях дерева.

Кто знаком с историей Парижской Коммуны, с событиями 1870-х годов и с именем Оссманна, который практически разрушил город и отстроил его заново, сотворив чудо, тот без труда поймет, откуда берет начало рассказ «Пять баллов по шкале Захарова—Рихтера». Во время последнего землетрясения, которое случилось два года

назад, я подумал: какому идиоту пришло в голову построить город на разломе Сан-Андреас? Вслед за тем родилась мысль: а вдруг это было сделано с умыслом?

Через два часа рассказ, еще теплый, лежал на подоконнике.

Можно было бы продолжить, но этого, мне кажется, вполне достаточно.

Напоследок хочу кое-что посоветовать самому себе — постаревшему мальчишке, который мечтал стать иллюзионистом; может, этот совет пригодится и вам?

Когда в ушах зазвучат голоса рассветного театра, медлить нельзя. Нужно срочно вскакивать. Не успеешь залезть под душ, чтобы привести в порядок мысли, как эти голоса могут умолкнуть.

Скорость — это все. Кто бежит к пишущей машинке со скоростью 90 миль в час, тот убегает от житейских тягот и надвигающейся смерти.

Спешите жить.

Вот, пожалуй, и все.

Жить. И писать. Не теряя ни минуты.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 5. *Донну Олбрайту, моему «золотому ретриверу», с любовью.* — Донн Олбрайт — редактор и библиограф Брэдбери.

ДОКТОР С ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

С. 7. *Недаром психиатр носил странное, вернее сказать иностранное, имя, как, кстати, исполнитель роли верховного жреца в кинокартине 1935 года «Она»...* — Речь о фильме режиссеров Лансинга Холдена и Ирвинга Пичела, шестой (и при этом второй полнометражной) из девяти существующих экranizаций одноименного романа Р. Хаггарда (1886). Роль верховного жреца на самом деле исполнял Джюлиус Адлер, а Густав фон Зайффертиц (1863—1943) играл премьер-министра Биллали; при этом ни тот, ни другой актер в титрах не значились.

С. 9. ...*Конрад Вейдт в «Касабланке»...* — Конрад Вейдт (1893—1943) — американский актер. В фильме реж. Майкла Кертиса «Касабланка» (1942) сыграл роль нациста Штрассера.

...Эрих фон Штрохайм, дворецкий в «Сансет-бульваре»....— Эрих фон Штрохайм (1885—1957) — один из виднейших американских кинематографистов XX в., австриец по происхождению. Режиссер, сценарист, актер. Его типичное амплуа — прусский офицер-сапист с моноклем. За роль дворецкого в фильме Билли Уайлдера «Сансет-бульвар» в 1950 г. номинировался на премию Американской киноакадемии.

С 10. *Альтер-эго* — Alter ego (лат.) — второе «я».

Джек Никлаус (р. 1940) — профессиональный игрок в гольф, культовая фигура американского спорта в 1960—1980-е гг.

С. 11. *Underdersea-лодка* — комический словообразовательный гибрид; от нем. *Unterseeboot*, *U-boot* (подводная лодка) с добавлением артикла *der* и заменой нем. *see* на англ. *sea* (море).

С. 13. *Тесты Роршаха* — методика психологического тестирования, предложенная в 1921 г. швейцарским психиатром Г. Роршахом. Испытуемому предлагается посмотреть на листы с черными, серыми и цветными пятнами и описать изображения, различимые, по его мнению, на этих беспредметных рисунках. На основе ответов делаются выводы о личности тестируемого. (См. также «И снова легато», «Последние почести».)

С. 15. *Id, ego* — согласно теории З. Фрейда, две из трех ипостасей личности: *id* («это») — внутреннее «я», та часть личности, которая относится к области бессознательного; *ego* («я») — та часть личности, которая через восприятие осуществляет связь с внешним миром. Третья часть, *superego* («сверх-я»), — этический компонент личности, подчиняющий себе действия *ego*.

С. 16. *Но перископ есть перископ, и только... А добрая сигара — наслажденье.* — Ср.: «Ведь женщина есть

женщина, и только,/А добрая сигара — наслажденье», из стихотворения Р. Киплинга (1865 – 1936) «Обрученные».

Вспомнив, что говорил о сигарах Фрейд, я рассмеялся... — В ответ на иронию коллег, которые частенько посмеивались над Фрейдом, усмотрев в любимых им длинных и толстых сигарах фаллический символ, тот безапелляционно заявлял: «Иногда сигара — это сигара, и только».

С. 17. «*Сайентифик Америкэн*» — научно-популярный журнал; издается в Нью-Йорке с 1845 г.

С. 21. «*Большой шлем*» — четыре ежегодных теннисных турнира мирового масштаба; в переносном смысле — главные испытания или достижения.

С. 22. *Смитсоновский институт* — одно из старейших государственных научно-исследовательских и культурных учреждений США; основан в 1846 г. в Вашингтоне на средства английского ученого Дж. Смитсона. Включает национальный музей и художественную галерею.

С. 23. *Румпельштильцхен* — в германском фольклоре: гном, обучивший девушку плести золотые нити из соломы. Взамен он заставил ее поклясться, что она отдаст ему своего первенца, но впоследствии пообещал освободить от этой клятвы, если она угадает его имя. Ненароком проговорившись, он распорол себя надвое.

С. 25. *Мадам Блаватская* — Блаватская, Елена Петровна (1831 – 1891). Русская писательница. Путешествовала по Тибету и Индии. Под влиянием индуистской философии основала в 1875 г. в Нью-Йорке т. н. «Теософское общество». Мистическая доктрина Блаватской (теософия) основана на элементах буддизма, оккультизма и неортодоксального христианства.

Кришнамурти, Джидду (1895 — 1986) — индийский религиозный мыслитель и поэт. В 1910 г. объявлен теософами новым учителем мира, однако порвал с ними в 1929 г.

Ширли Маклейн (р. 1934) — американская актриса и танцовщица, автор книг по мистической философии и реинкарнации.

C. 29. *Южная Пасадена* — город в США; расположен в непосредственной близости от Голливуда.

ПЯТЬ БАЛЛОВ ПО ШКАЛЕ ЗАХАРОВА—РИХТЕРА

C. 32. *Османн, Жорж-Эжен* (1809 — 1891) — французский государственный деятель, префект департамента Сены. Разработал и претворил в жизнь план полной перестройки Парижа и придания ему современного вида.

C. 35. *Andale! Vamoose!* — исп. «Давай! Шевелись!» Некоторые испанские слова и фразы стали популярны среди англоговорящих американцев в результате широкого распространения испанского языка в США. Наряду с этим в разговорной речи бытуют также «квазиспанская» выражения, такие как «*no problema*» («нет проблем») и «*el cheapo*» («дешевка»).

C. 37. *Династия Тан* — одна из пяти правящих династий средневекового Китая (618 — 907).

C. 40. *Ротарианский клуб* — один из клубов международного Ротарианского движения, объединяющего деловую и профессиональную элиту и призванного поддерживать высокие этические принципы служения обществу.

C. 41. *Фрэнк Ллойд Райт* (1869 — 1959) — крупнейший американский архитектор и теоретик архитек-

туры. Рассматривал здание как часть свободно развивающегося пространства, в неразрывном единстве с окружающей средой.

ПОМНИШЬ САШУ?

С. 48. «Мнимый больной» — название пьесы Ж.-Б. Мольера (1674).

С. 49. ...они, увлеченные Лорелом и Гарди, прозвали друг друга Стэном и Олли.— Стэнли Лорел и Оливер Гарди — псевдонимы популярнейших американских актеров-комиков Артура-Стэнли Джейфферсона (1890—1965) и Норвелла Гарди (1892—1957). (См. также «Опять влипли».)

ОПЯТЬ ВЛИПЛИ

С. 62. Лэнгдон, Гарри (1884—1944), Гарольд Ллойд (1893—1971) — американские киноактеры, звезды немого кино.

С. 63. ...Гарди убегал от музыкального ящика...— Фильм «Музыкальный ящик» с участием Лорела и Гарди был создан в 1932 г. и удостоен премии «Оскар».

С. 64. Сесиль Демиль (1881—1959) — видный американский кинорежиссер и продюсер. На протяжении пяти десятилетий оставался одной из самых влиятельных фигур Голливуда. Отличался сильным и властным характером; первым стал использовать мегафон на съемочной площадке. Его излюбленным жанром были масштабные киноэпопеи («Самсон и Далила», «Десять заповедей» и др.).

«Юниверсал» — ведущая американская киностудия в 1920-е гг. На первых порах специализировалась

главным образом на производстве низкобюджетных сериалов и популярных фильмов ужасов. Именно здесь были созданы лучшие реалистические работы Эриха фон Штрокайма (см. также «Doktor с подводной лодки»).

«Призрак оперы» — произведение французского писателя Гастона Леру (1910), которое выдержало множество сценических постановок и экранизаций. В 1986 г. состоялась премьера мюзикла, написанного композитором Эндрю-Лloydом Уэббером.

Мамаша и папаша Кеттл — персонажи популярной серии фильмов реж. Ч. Бартона в исполнении актеров Марджори Мейн и Перси Килбрауда. Фильмы о семействе Кеттлов относятся к 1947—1957 гг.

Бернини, Лоренцо (1598—1680) — итальянский архитектор и скульптор, чьи творения (в частности, колоннада собора Святого Петра в Риме) поражают масштабами и пространственным размахом.

РАЗГОВОР В НОЧИ

С. 133. *Берроуз*, Эдгар Райс (1875—1950) — американский фантаст, родился, как и Рэй Брэдбери, в штате Иллинойс. Первый роман марсианского цикла, «Под лунами Марса», опубликовал в 1912 г. в журнале «All-Story Magazine» под псевдонимом Норман Бин; книжная публикация, уже под собственным именем автора, была озаглавлена «Принцесса Марса» (1917).

В МГНОВЕНЬЕ ОКА

С. 169. *Шива* — один из трех верховных богов (наряду с Брахмой и Вишну) в брахманизме и индуизме. Иногда изображается многоруким.

СЛАВА В ВЫШНИХ ДОРИАНУ

С. 179. *Слава в вышних Дориану.* — Ср.: «И сказал им Ангел: ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях. И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в людях благоволение» (Лк 2:10 – 14).

С. 180. «*Анатомия Грея*» — общедобное название книги «Анатомия описательная и хирургическая», выпущенной в 1858 г. лондонским анатомом Генри Греем (1825/1827 – 1861) и до сих пор являющейся незаменимым подспорьем как для студентов-медиков, так и для практикующих врачей.

С. 193. *Когда Бут уложил пистолет в чемоданчик из-под грима?* — Бут, Джон Уилкс (1838 – 1865) — неудавшийся американский актер, который застрелил президента США Авраама Линкольна в ложе театра (1865).

ВСЕ ХОРОШО, ИЛИ ОДНА БЕДА — СОБАКА ВАША СДОХЛА

С. 206. *Бербанк* — город в Калифорнии, недалеко от Лос-Анджелеса.

С. 209. *Листер, Джозеф* (1827 – 1912) — английский хирург. Разработал методы антисептики и ввел их в хирургическую практику.

Пастер, Луи (1822 – 1895) — французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии.

Солк, Джонас Эдвард (1914 – 1995) — американский врач и бактериолог. Впервые предложил безопасную и эффективную вакцину против полиомиелита.

ВЕДЬМИН ЗАКУТ

С. 222. *Шинфейнеры* — члены ирландской политической организации Шин Файн, основанной в начале XX в. для национально-освободительной борьбы против английского господства; в настоящее время представляют собой политическое крыло Ирландской республиканской армии.

С. 233. *Салем* (Сейлем) — город в штате Массачусетс, где с мая по октябрь 1692 г. разгорелась «охота на ведьм». Девятнадцать женщин были повешены и несколько десятков брошены в тюрьму по обвинению в связях с дьяволом.

ДУХ СКОРОСТИ

С. 240. *Бенджамин Франклин* (1706 — 1790) — американский просветитель, государственный деятель, ученый, изобретатель. В 1789 г. был избран почетным членом Петербургской Академии наук. Как естествоиспытатель известен главным образом трудами по электричеству; первым предложил использовать молниеотвод. (См. также «Последние почести».)

ПО ПРОШЕСТВИИ ДЕВЯТИ ЛЕТ

С. 250. «*Уолл-стрит джорнэл*» — ежедневная политico-экономическая газета деловых кругов США. Издается в Нью-Йорке с 1889 г.

С. 252. «*Рожденная свободной*» — название книги Джой Адамсон о ручной львице Эльзе, 1960 г.

БАГ

С. 263. Аллея звезд — аллея в Лос-Анджелесе, вымощенная плитами с именами звезд кино и эстрады.

Мэри Пикфорд (1893 — 1979) — американская кинозвезда, завоевавшая всемирную известность в эпоху

немого кино. Создала образ скромной, добродетельной девушки-подростка.

Рикардо Кортес (1899 – 1997) — американский киноактер.

Джимми Стюарт (1908 – 1997) — американский киноактер, снявшийся в фильмах А. Хичкока, Б. Уайлдера и др.

С. 266. *Джингджер Роджерс* (1911 – 1995) — известная американская актриса и танцовщица, партнерша актера и танцора-чечеточника Фреда Астера.

С. 268. «*Маргарита*» — коктейль, включающий текилу, лимонный сок и апельсиновый ликер.

И СНОВА ЛЕГАТО

С. 279. *Берлиоз*, Гектор-Луи (1803 – 1869) — французский композитор и дирижер, создатель гротесковых музыкальных образов, новатор в области музыкальных форм.

Дворжак, Антонин (1841 – 1904) — выдающийся чешский композитор и дирижер; в своем творчестве широко использовал фольклорную музыкальную традицию. Во время преподавания в США много путешествовал по американскому Югу.

Стравинский, Игорь Федорович (1882 – 1971) — русский композитор и дирижер. С 1910 г. жил за рубежом. Опера «*Соловей*» создана им в 1914 г.

Хичкок, Альфред (1899 – 1980) — англо-американский кинорежиссер, создатель мистических детективных фильмов. Фильм «*Птицы*» вышел на экраны в 1963 г.

«*Всего лишь Джон Кейдж: клетка в золоченой птице*». — Кейдж, Джон Мильтон (1912 – 1992) — американский композитор, яркий представитель му-

зыкального авангарда, неутомимый экспериментатор. Оказал большое влияние на музыку середины XX в. Буквальное значение фамилии Кейдж (Cage) — «клетка».

С. 284. «Повесть о двух городах» — название романа Ч. Диккенса (1859).

С. 285. *A capella* — многоголосое хоровое пение без музыкального сопровождения.

Масатлан — город в Мексике, на побережье Тихого океана.

Куэрнавака — город в центральной части Мексики.

С. 288. Одюбон, Джон Джеймс (1785—1851) — орнитолог, натуралист и художник. Его многотомный труд «Птицы Америки», включающий 435 тщательно выполненных от руки цветных иллюстраций, впервые увидел свет в 1827—1838 гг.

С. 291. *Agitato* (муз.) — взволнованно, возбужденно.

Legato (муз.) — связно, слитно, плавно.

ОБМЕН

С. 301. Томас Вулф (1900—1938) — американский писатель. Его романы и новеллы «Взгляни на дом свой, ангел» (1929), «Паутина и скала» (1939) и др. образуют широкое полотно американской жизни, сочетая лирическое и сатирическое, реальное и символическое начала. Роман «Домой возврата нет» увидел свет после смерти автора, в 1940 г.

С. 306. ...открыла Йейтса, чтобы наконец-то отплыть из Византии домой.— Йейтс, Уильям Батлер (1865—1939) — ирландский поэт и драматург, вдохновитель культурного движения 1890-х гг. «Ирландское возрождение», лауреат Нобелевской премии по литературе (1923). Стихотворение «Плавание в Византий» написал в 1926 г.

«Падение дома Эшеров» — рассказ Эдгара По (1842). (См. также «Последние почести».)

С. 307. Кромлех (от бретонского *crom* — круг и *lech* — камень) — один из видов мегалитических построек времени неолита и бронзового века, состоит из отдельно стоящих камней высотой 6–7 метров, образующих одну или несколько концентрических окружностей.

С. 309. Эдит Уортон (1862–1937) — американская писательница, автор романа «Век невинности», проникнутого сожалением об утрате традиционных нравственных и эстетических ценностей. По художественной манере близка к Генри Джеймсу, с которым была хорошо знакома. (См. также «Спешите жить: Послесловие».)

Генри Джеймс (1843–1916) — американский писатель британского происхождения, автор социально-психологических романов и повестей («Послы», «Женский портрет», «Поворот винта», «Золотая чаша», «Письма Асперна» и др.), стоял у истоков литературного модернизма.

ЗЕМЛЯ НА ВЫВОЗ

С. 319. Грант, Улисс Симпсон (1822–1885) — главнокомандующий армии Севера во время Гражданской войны в США (1861–1865). Впоследствии, в 1869–1877 г., 18-й президент США, республиканец. (См. также «Последние почести».)

С. 321. Ричмонд — город на юго-востоке США (штат Виргиния). В период Гражданской войны — центр Конфедерации южных рабовладельческих штатов.

Шерман, Уильям Текумсе (1820–1891) — американский генерал. Во время Гражданской войны в США провел рейд в тыл южан, сыграв тем самым

решающую роль в разгроме армии Юга. В 1869—1883 гг. командовал армией США.

Лафайет, Мари-Жозеф (1757—1834) — маркиз, французский политический деятель, ставший генералом американской армии во время Войны за независимость в Северной Америке в 1775—1783 гг.

...*Эдгара Аллана По в почетном карауле*. — Выдающийся американский прозаик и поэт Э.-А. По (1809—1849) некоторое время (1829—1831) был курсантом военной академии Уэст-Пойнт.

С. 322. *Сан-Хуан Хилл* — самая высокая вершина кубинского горного хребта Сан-Хуан, где произошло решающее сражение времен испано-американского конфликта 1898 г., положившее конец испанскому колониальному господству над американскими территориями.

Манассас — город в США (штат Виргиния), где в ходе Гражданской войны между Севером и Югом произошли два крупномасштабных сражения (1861 и 1862 гг.).

Геттисберг — город в США (штат Пенсильвания), где в 1863 г. армия северян под командованием Дж. Мида отразила наступление армии южан под командованием генерала Р. Ли, что создало перелом в ходе войны в пользу северян.

ПОСЛЕДНИЕ ПОЧЕСТИ

С. 331. *Линдберг*, Чарльз (1902—1974) — американский летчик, на самолете «Дух Сент-Луиса» первым совершивший беспосадочный перелет через Атлантический океан (1927).

С. 332. *Армия спасения* — международная религиозная и благотворительная организация, учреждена в 1895 г. в Англии Уильямом Бутом.

С. 336. «Всякий раз, как я замечаю... наладить кро-вообращение...» — Г. Мелвилл. *Моби Дик, или Белый Кит*. Пер. с англ. И. Бернштейн. Собрание сочинений, т. 1. Л., 1987.

С. 340. *Зовите меня Измаил*. — Первая фраза романа Г. Мелвилла «Моби Дик».

С. 342. «*Radi всего святого, Монтрезор!*» — здесь и далее прямые цитаты из рассказа Э.-А. По «Бо-чонок амонтильядо», а также парофразы и аллюзии. Заключительные слова рассказа — «*In pace requiescat*» (лат.; также *Requiescat in pace*) — «Покойся с миром».

С. 343. *Огни святого Эльма* — разряды атмосферного электричества в виде светящихся пучков, которые возникают на острых концах высоких предметов (например, мачт).

Оскар? — Оскар Уайльд (1854–1900) последние годы жизни провел в Париже под именем Себастьяна Мельмота, позаимствованным из готического романа Ч. Р. Метьюрина «Мельмот скиталец» (1820). Умер в бедности и забвении.

СПЕШИТЕ ЖИТЬ (ПОСЛЕСЛОВИЕ)

С. 365. *Уилла Кэттер (1873–1947)* — американская писательница, автор произведений о первых американских поселенцах и жизни американского фронтира. Удостоена Пулитцеровской премии за роман «Один из наших» (1922 г.). Представительница т. н. «южной школы» в американской литературе (наряду с Дж. Уэст, К. Э. Портер, Ю. Уэлти и др.).

Джессамин Уэст (1902–1984) — американская писательница, чье творчество несет на себе отпечаток религиозного движения квакеров. Для ее произ-

ведений характерно тонкое психологическое изображение отношений между матерью и дочерью.

Кэтрин Энн Порттер (1890 – 1980) — американская писательница. Ее роман «Корабль дураков», проникнутый глубоким психологизмом и в аллегорической форме изображающий столкновение добра и зла, создавался с 1941 по 1962 г.

Юдора Уэлти — (1909 – 2001) — американская писательница, автор психологических рассказов и романов, посвященных нравам жителей провинциального городка в штате Миссисипи. Удостоена Пулитцеровской премии за роман «Дочь оптимиста» (1972).

С. 366. *Альбенис, Исаак* (1860 – 1909) — испанский композитор и пианист, основоположник новой испанской музыки.

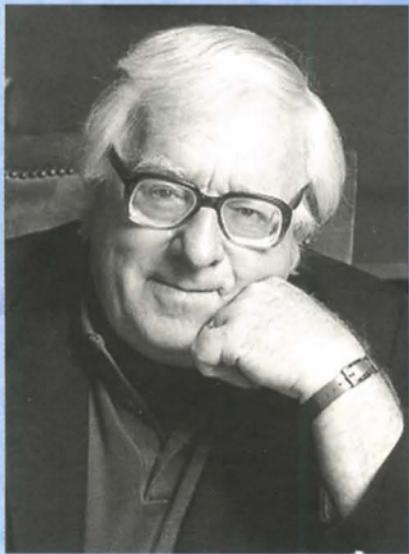
Елена Петрова

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКТОР С ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ	7
ПЯТЬ БАЛЛОВ ПО ШКАЛЕ ЗАХАРОВА – РИХТЕРА .	30
ПОМНИШЬ САШУ?	45
ОПЯТЬ ВЛИПЛИ	58
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СТУЛ	74
ПРЫГ-СКОК	84
ФИННЕГАН	97
РАЗГОВОР В НОЧИ	117
УБИТЬ ПОЛЮБОВНО	139
В МГНОВЕНЬЕ ОКА	159
СЛАВА В ВЫШНИХ ДОРИАНУ	179
ВСЕ ХОРОШО, ИЛИ ОДНА БЕДА — СОБАКА ВАША СДОХЛА	203
ВЕДЬМИН ЗАКУТ	217
ДУХ СКОРОСТИ	234

ПО ПРОШЕСТВИИ ДЕВЯТИ ЛЕТ	250
БАГ	259
И СНОВА ЛЕГАТО	273
ОБМЕН	292
ЗЕМЛЯ НА ВЫВОЗ	311
ПОСЛЕДНИЕ ПОЧЕСТИ	327
ДРУГАЯ ДОРОГА	344
СПЕШИТЕ ЖИТЬ (ПОСЛЕСЛОВИЕ)	361
ПРИМЕЧАНИЯ	368

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Рэй Брэдбери (р. 1920) — выдающийся мастер американской прозы, которого любят и ценят миллионы читателей во всем мире, лауреат множества литературных премий, первопроходец романтическо-философской традиции, в которой позже работали такие властители дум, как Ричард Бах и Пауло Коэльо.

ISBN 5-699-08146-1

A standard linear barcode representing the ISBN number 5-699-08146-1.

9 785699 081462 >